

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (68) — 2013

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарева** (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; кандидат социологических наук,
старший преподаватель)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2013
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 3 (68) — 2013

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),

S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher

(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),

Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),

Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),

Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences),

Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),

N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),

Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),

I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request

Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ББК 66.74

С. Г. Айвазова

СТРАТЕГИЯ «ЭМПАУЭРМЕНТ» В КОНТЕКСТЕ МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ (Гендерный аспект)

Прокатившаяся по всему миру волна протестных выступлений не могла не вызвать обострения теоретических дебатов по поводу феномена так называемой массовой политики. Исследователи, публицисты, политики пытаются не только объяснить истоки и смысл нынешних протестных акций, но и заново оценить функции массовой политики в современном мироустройстве. При этом кто-то ссылается на классические труды Э. Каннети [4], Х. Ортеги-и-Гассета [8], кто-то пытается переосмыслить сквозь призму этого феномена отечественную и мировую историю, отрабатывая строгие дефиниции понятий «массовая политика», «политика масс», «политика для масс» [5], кто-то рассматривает массовую политику как поле формирования новых трендов, точнее — новых форм и норм властных отношений при сохранении прежней дилеммы: авторитаризм versus демократия [3].

Модный в последние десятилетия философ С. Жижек полагает, например, что нынешние протестные выступления чреватые вовсе не расширением пространства «демократии участия», которую принято противопоставлять «репрезентативной демократии» с ее «избирательным обрядом». Он настаивает на необходимости развенчания мифа о «нерепрезентативной прямой самоорганизации», доказывая, что ее естественная основа — молекулярное «самоорганизованное множество» — может поддерживаться в противостоянии иерархическому порядку только «под сенью» харизматического лидера. Жижек ссылается на опыт Венесуэлы, подчеркивая, что эту страну многие хвалили за попытку разрабатывать способы прямой демократии (местные советы, кооперативы, рабочее управление на заводах), но в ней же президентом был Уго Чавес, мощный харизматический лидер, который и остается таковым в памяти людей. По мнению Жижека, чтобы индивиды «вышли за свои пределы», покончили с «пассивностью политического представительства» и начали действовать как

© Айвазова С. Г., 2013

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (руководитель С. В. Патрушев, Институт социологии РАН, Москва).

Теория и методология гендерных исследований

непосредственные политические агенты, необходима фигура лидера, вождя, который и позволяет им вытянуть себя за волосы, как барону Мюнхгаузену, вождя, который «и должен знать», чего они хотят. «Субъекту нужен Хозяин, чтобы он поднялся над уровнем “человека-животного” и осуществил бы верность Истине-как-событию» [3].

Патриарх современной социологии П. Штомпка, напротив, убежден в том, что в последние десятилетия у наших современников формируется некое особое качество, которое он определяет, вводя понятие «цивилизационная компетентность». Под последней П. Штомпка понимает «широкое собрание культурной предрасположенности, охватывающей готовность к участию в политической и самоуправленческой деятельности» [16, с. 50]. С близких позиций смотрит на массы современников и американский социолог Г. Рейнгольд, еще в начале нулевых годов выпустивший книгу с весьма красноречивым заглавием «Умная толпа: новая социальная революция», в которой он объявил устаревшим подход к толпе как некоей угрозе, особо подчеркнув, что пресловутый закон толпы вот-вот перестанет работать. По его мнению, люди, использующие новые коммуникационные технологии, теперь будут собираться только в «умную толпу». Разновидностью «умной толпы» повсеместно уже стал флешмоб — мгновенная толпа, спланированная акция, которая собирает большую группу людей по их согласованию [9].

Традиционные суждения о массах, толпе в силу специфики объекта исследования вроде бы не предполагают дифференциации по признакам пола, возраста, класса, расы. Толпа — она и есть толпа, ее специфика в близости. Однако концепт массовой политики, на наш взгляд, такую дифференциацию не просто допускает, но даже предполагает. Правда, в том случае, если исследователи изучают объект, исходя из представлений, близких позициям Штомпки или Рейнгольда. Тогда речь уже идет о процессе становления некоего «субъекта» (или «агента») действия с особыми характеристиками, в том числе характеристиками гендерными, которые существенно влияют на модальность массовой политики. Не случайно, скажем, массовые выступления 2011—2012 гг. в Москве сопровождались многочисленными социологическими исследованиями, обнаружившими, в частности, серьезный количественный разрыв по гендерному признаку в среде манифестантов [7]. Наши исследования политического поведения россиян, в свою очередь, позволили выявить некоторые качественные различия (гендерные разрывы) в гражданской компетентности мужчин и женщин и прийти к выводу о том, что сегодня политическое поведение российских женщин, как правило, оказывается продиктованным не столько рациональным выбором, сколько аффектом, повышенной склонностью к конформизму и др. [1, с. 232, 234, 238]. Именно эти характеристики, по сути являющиеся атрибутами подданнической политической культуры, способны провоцировать те настроения или ожидания «хозяина», «вождя», о которых с тревогой говорит С. Жижек.

Для снятия гендерных разрывов в гражданской («цивилизационной») компетентности необходимы какие-то специальные стратегии, программы по изменению норм, правил поведения, подходов к политике, в первую очередь россиянок. И здесь есть на что опереться. В России часто спорят относительно запад-

ных методов «продвижения демократии», но всерьез наиболее значимые образцы развития гражданственности редко становятся предметом анализа. В этой статье мы предлагаем вниманию читателя краткий обзор одной из самых эффективных стратегий преодоления гендерных разрывов в массовой политике, которая по большому счету обделена вниманием отечественных исследователей и экспертов, хотя в Интернете на нее имеется масса ссылок. Речь пойдет о стратегии (и концепте, идее) «empowerment» (эмпваэрмент), так или иначе прокладывающей женщинам путь в современную массовую политику во всех ее вариантах — от голосования на выборах до участия в массовых протестных акциях.

Эта стратегия стала формироваться в конце 60-х гг., когда массовые студенческие волнения и возникшие на их фоне так называемые новые социальные движения также сотрясали мир. Активисты этих движений (прежде всего женского) пришли к выводу о необходимости эмансипации (эмпваэрмента) маргинальных, ослабленных с точки зрения социального сознания и гражданского участия слоев населения — особенно женщин, обретения ими статуса социального субъекта за счет просвещения и коллективной рефлексии в особых группах «роста самосознания»¹ [17, р. 9]. Позднее идею эмпваэрмента перехватили другие политические игроки — от реформаторов, воплощавших ее в проекты, нацеленные на развитие массового самоуправления на низовом уровне, до менеджеров Всемирного банка, а также экспертов ООН, озадаченных проблемой массовой женской бедности и пытавшихся на основе этой идеи выстроить стратегию «микрофинансирования» социально уязвимых слоев населения. В различных видах стратегия «эмпваэрмент» была распространена в самых разных регионах — от Южной Америки до Африки и Юго-Восточной Азии. Оговоримся, что отдельные реформаторские опыты сопровождались выхолащиванием идеи «эмпваэрмент»: вместо «обретения возможностей» «реципиенты» втягивались либо в опыты «самоуправления бедных», либо в «самоэксплуатацию» [17, р. 13—14]. Но это не повлияло на популярность идеи.

В конце XX в. понятие «эмпваэрмент» пришло на европейский континент, в литературу и публичные дебаты, связанные с проблемами «демократии участия». Этот же концепт стал ключевым в различных публикациях, адресованных социальным работникам, медикам, которые с его помощью описывали возможности «коллективного действия» по социальным преобразованиям; в работах по менеджменту, предназначенных для управленческого персонала предприятий. В нем видели рецепт по перестройке кризисных профессиональных практик, с ним связывали радикальную перспективу социальных перемен или эмансипации, но также — новое толкование неолиберальных идей, вызывающих к повышению ответственности индивидов.

Рамки небольшой статьи не позволяют подробно разбирать все варианты бытования концепта, мы коротко остановимся в основном на том, как стратегия «эмпваэрмент» складывалась в русле женского движения, решая задачи со-

¹ Отметим, что в последние два десятилетия опыт работы некоторых российских женских организаций (МЦГИ, Консорциум женских неправительственных объединений и др.) по гендерному просвещению отчасти напоминал первоначальные опыты коллективной рефлексии в группах «роста самосознания».

Теория и методология гендерных исследований

временной массовой политики и гражданского общества. Но прежде обратим внимание на то, что сама стратегия (как и ее концепт) названа трудно переводимым на русский язык английским термином «empowerment», корнем которого является слово «power» — власть. Отечественные исследователи, работавшие с термином «empowerment», переводили его как «обретение/осознание силы», «уполномочивание», «эмансипация», «обретение возможностей» [15, с. 94]. Нам представляется, что перевод этого понятия должен обязательно сохранять свою корневую основу и тогда скорее звучать как «обретение власти»². С такого рода трудностями при переводе термина столкнулись не только отечественные исследователи. Авторы недавно вышедшей во Франции книги «Эмпауэрмент: практика эмансипации» оговариваются, что во французском языке нет аналога этому английскому термину, поэтому они также вынуждены использовать его без перевода. И дело здесь не в том, что переводчикам недостает фантазии, а в том, что сама идея эмпауэрмента чужда не только языку, но и социально-политической традиции их страны, в которой государство остается определяющим актором, а измерения «коллективного», «коммунитарного» едва находят себе место. По словам авторов, «социология отчуждения и доминирования, пронизывающая французские подходы к миру социальному, оставляет мало места акторам и их способности к действию» [17, р. 7]. Такого рода аргументы вполне созвучны и российской политической традиции. Важно, кроме того, отметить, что истоки понятия «эмпауэрмент» уходят корнями в XVII в., когда глагол «to empower» появился в Британии для описания власти или формального авторитета. Сам же термин «эмпауэрмент» возник в середине XIX в. для определения одновременно и состояния власти, и действий по ее достижению. Взяв понятие на вооружение в конце 60-х гг. XX в., активисты новых социальных движений сохранили оба его измерения — власть и процесс обучения навыкам ее достижения. Они полагали, что и состояние, и процесс могут быть как индивидуальными, так и коллективными, как социальными, так и политическими. В этой парадигме эмпауэрмент — это путь к эмансипации и самореализации индивидов, к гражданскому признанию различных социальных групп и сообществ, а значит — к социальной трансформации.

Принято считать, что первыми понятие «эмпауэрмент» в таком его толковании использовали активистки движения против насилия над женщинами в США [17, р. 7]. Для них оно означало процесс, направленный на достижение равноправного участия в групповой деятельности по обретению женщинами «коллективного» или «критического сознания», который позволял бы им развить внутренние способности и получить навыки гражданского действия, власть действовать — одновременно личностную и коллективную. Вслед за тем концепт «эмпауэрмент» находит своих сторонников среди представителей практически всех потоков протестного движения: тех, кто выступает в целом за освобождение женщин³, кто поднимает расовый вопрос, вопросы региональной

² В отсутствие устоявшегося русского перевода данного понятия мы будем использовать в этой работе англоязычный термин «эмпауэрмент».

³ Об американском женском движении тех лет писали многие российские исследовательницы, поэтому не будем останавливаться на нем подробно. Сошлемся на две

идентичности и экологии и др. Таким образом, он превращается в фактор массовой мобилизации против разных форм социального неравенства — гендерного, классового, расового, в особую стратегию массовой политики, направленную на обретение «угнетенными некогда личностями возможности распоряжаться своими судьбами, на расширение участия в делах общества и присутствия в соответствующих властных и политических структурах» [15, с. 94].

В дебатах активисток и теоретиков женского движения того времени три темы оказались, по нашему мнению, особо значимыми как для формирования самой стратегии «эмпваэрмент», так и для содержательного наполнения современной массовой политики: тема идентичности и политической субъектности; тема разнообразия и права на различие; тема новой властной парадигмы.

Последняя тема, определявшая целевую направленность данной стратегии, развивалась в оживленных дебатах по поводу причин подчиненности женщин и поиска лучших способов добиться их освобождения. В ходе этих дебатов существующей концепции власти — «мужской», «либеральной», «инструменталистской», «ограниченной» и выраженной формулой «власть над...» — была противопоставлена концепция «власти для...», «власти вместе...», т. е. «власти как энергии и компетенции вместо подавления», власти, не дарованной сверху, а приобретенной снизу. Эта интеллектуальная операция проводилась с опорой на разработки теоретиков самого разного плана — от Х. Арендт до М. Фуко, А. Турена и других [17, р. 13]. При этом теоретические конструкты чуть ли не моментально пытались применить на практике — в текущей деятельности женских организаций. Как пишут американские исследовательницы В. Тейлор и Н. Уиттгер, «альтернативные институты первоначально представлялись радикальными феминистками как острова сопротивления патриархату и как способ получения власти путем улучшения жизни женщин и расширения их ресурсов» [11, с. 972]. Такими институтами могли быть центры здоровья, центры реабилитации после изнасилования и приюты для пострадавших от домашнего насилия; книжные магазины и объединения художниц и поэтесс; газеты, издательства, кредитные союзы и др. В каждой из таких групп ее участницы обменивались личным опытом, который интерпретировался в категориях «политического». По словам В. Тейлор и Н. Уиттгер, «фраза “личное есть политическое”, произнесенная радикальной феминисткой Кэррол Хэниш и развитая в работе Кейт Миллет “Сексуальные политики”, стала “клеймом” этой стратегии» [11, с. 980].

Белорусская исследовательница И. Чикалова, на наш взгляд, верно оценила значимость этой интеллектуальной операции, обратив внимание на то обстоятельство, что «понимание власти не как доминирования, а как полномочия или компетенции, вера в иной подход к политике» со временем превратились в

яркие работы с его подробным анализом, в которых, правда, отсутствуют отсылки к стратегии «эмпваэрмент»: Попкова Л. Теория и практика современного феминизма: женское движение в США // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 1 : учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. С. 635—664 ; Темкина А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты // Там же. С. 664—696.

Теория и методология гендерных исследований

весомые аргументы в пользу массового вторжения женщин в поле политики, включая «увеличение представительства женщин на элитных политических позициях» [15, с. 94].

Понятно, что в рамках стратегии, направленной на обретение женщинами властных полномочий, а потому выстроенной вокруг дискуссий о личном/политическом опыте женщин, их подчиненности, сексуальности, невозможно было обойти вниманием тему (как целеполагающую, так и инструменталистскую) о праве женщин на автономию, независимую субъектность, идентичность, наконец, на гражданское и политическое представительство⁴. Знаменитая американская исследовательница Дж. Скотт в разгар дискуссий очень точно сформулировала обоснованность этой темы, заявив, что понятие «женщина», по своей сути, есть политическая категория [19, р. 71]. Не все участницы этой дискуссии разделяли позицию Д. Скотт. Многие из них были сторонницами другого — не ситуативного, контекстуального, а «онтологического» — подхода к определению женской субъектности, идентичности, которая, по их мнению, должна стать и новой — «женской» — формой гражданства.

Сторонницы этого подхода, а к ним принадлежали такие видные теоретики, как К. Гиллиган, С. Руддик, К. Пейтман, А. Янг, каждая по-своему настаивали на тезисе об онтологической заданности «мужской» и «женской» субъектности — о существовании особой сущности, значит — идентичности, «мужского» и «женского». Вследствие чего «женская» гражданственность, понимаемая прежде всего как «этика материнской заботы», противопоставлялась ими «мужской», «отцовской» этике справедливости, сформированной в рамках либеральной традиции. Такой подход бросал вызов классической (универсальной, «мужской») модели гражданства. Он предполагал, что современное гражданство должно ориентироваться на «женские» ценности любви, заботы, интимности, признание нужд «конкретного другого». Только в этом случае якобы возникает возможность «снятия» так называемой «уолстонкрафтовской дилеммы»⁵, предупреждающей о том, что требования гражданского признания, равноправия сопровождаются невольной легитимацией патриархатного гражданства со стороны женщин. А вместе с этим — добровольно-принудительным их отречением от своей особой идентичности (идентичности «женственности» у одних, идентичности «материнства» у других теоретиков) для овладения навыками изначально «мужского» бытования в публичной политике [18].

Комментируя эту позицию, другая знаменитость, философ Дж. Батлер, довольно резко заявляла: «Не существует онтологии гендера, на которой мы могли бы конструировать политику, поскольку гендерные онтологии всегда функционируют внутри заданных политических контекстов в качестве нормативных предписаний <...> Внутренний парадокс этого фундаментализма со-

⁴ Опыт работы автора статьи в различных российских женских аудиториях (с использованием метода «включенного наблюдения») позволяет утверждать, что и для наших соотечественниц эта тема является значимой.

⁵ Производное от имени Мэри Уолстонкрафт, знаменитой поборницы женского равноправия в Англии, требовавшей в конце XVIII в. распространить гражданские права на женщин.

стоит в том, что он допускает, фиксирует и удерживает именно те “субъекты”, которые он надеется представлять и освободить» [2, с. 172]. Иными словами, определения женственности и мужественности, нормативные установки относительно гендерного различия и деятельности, которая считается подходящей для мужчин и женщин, меняются в зависимости от ситуации и контекста.

В развитие этой мысли политолог Ш. Муфф отмечала, что гендерная онтология сложилась неслучайно. Эта онтология порождена традиционным разведением сфер «публичного» и «приватного»: «модерная категория индивидуального была сконструирована как постулирующая универсалистское, гомогенное “публичное”, как выталкивающая все особенности и различия в область “приватного” <...> такое положение имеет весьма негативные последствия в отношении женщин» [6, с. 223]. Еще раз повторим, что это «универсальное» исторически приравнялось к «мужскому», а «женское» попросту отбрасывалось, уходило в небытие.

Сама Ш. Муфф разрабатывала другой подход в защиту гражданской субъектности женщин. Этот подход, на наш взгляд, актуален для нынешней российской массовой политики, в которую включены политически активные россиянки, поэтому остановимся на нем чуть подробнее. Теоретические постулаты Ш. Муфф были направлены одновременно и на критику классического «мужского» гражданства, и на критику гендерной онтологии. «Многие феминистки уверены, — отмечала она, — что без рассмотрения женщины в качестве согласованной идентичности мы не можем обосновать самой возможности феминистского политического движения, в котором женщина может объединяться с другими именно как женщина, чтобы сформулировать специфичные женские цели и преследовать их» [6, с. 217]. По ее убеждению, современная политика в интересах женщин должна быть понята не как отдельная форма политики, для того и изобретенная, но как «борьба против подчинения, которое существует сейчас в различных видах социальных взаимоотношений» [9, с. 232]. Ш. Муфф настаивала на том, что гражданство должно быть такой «формой политической идентичности, которая состоит в идентификации с политическими принципами современной плюралистической демократии, а именно — в утверждении свободы и равенства для всех» [6, с. 225].

Ш. Муфф фактически доказывала, что гендерная онтология — это ловушка. Ловушка, чреватая фрагментацией института гражданства, разложением его основополагающего смысла — как согласованного общего блага, сформулированного с учетом различных интересов и различных позиций. Новая эффективная «грамматика гражданского взаимодействия» призвана бросать вызов любой ситуации доминирования, утверждая принципы свободы и равенства. Целью современного демократического гражданства является не самоутверждение группы «женщины» в рамках гражданства, а «построение “мы” демократических граждан, коллективных политических идентичностей, связанных посредством принципа демократической эквивалентности» и равноценности [6, с. 227].

И здесь Ш. Муфф, вслед за другими, выходила на еще одну принципиально значимую для современной массовой политики тему — тему гражданского разнообразия, связанного не с «онтологией», а с многообразием социальных отношений и конфликтов в современном обществе. Тему заострили пред-

Теория и методология гендерных исследований

ставительницы женского «черного» движения, взбунтовавшиеся в процессе применения идеи «эмпайэрмент» на практике против «гегемонии» белых образованных женщин в женском движении тех лет. Наиболее полно их позицию выразила исследовательница Белл Хукс⁶ в широко известной работе «Феминистская теория: от края к центру» [13]. Она настаивала на том, что, в отличие от белых представительниц женского движения, ее соратницы намерены бороться не за социальное равенство с мужчинами, а «за прекращение угнетения, основанного на сексизме», за то, чтобы «искоренить культурный базис и причины сексизма, равно как и другие формы группового угнетения» [13, с. 253]. При этом Белл Хукс, формулируя концепцию «тройного угнетения», развивала мысль об авангардном, в известном смысле привилегированном положении черных женщин в женском движении. Это привилегированное положение, по ее убеждению, обеспечено ситуацией угнетения одновременно по половому, расовому, классовому признакам, что якобы создает возможности для создания некоей «контргегемонии» в этом движении [14, с. 945].

Тема признания социального разнообразия вышла за пределы женского движения: она оказалась крайне востребованной в рамках стратегии эмпайэрмента. Характерно размышление на эту тему политолога Н. Фрейджер, которая доказывала, что в конце двадцатого века борьба за признание различных социальных групп быстро становится формой парадигмального конфликта. «Борьбу групп, сплотившихся под знаменами национальности, этничности, расы, гендера и сексуальности, питают требования признать различие с точки зрения социального равенства <...> классовый интерес как основное средство политического сплочения заменяется групповой идентичностью, а эксплуатация как фундаментальная несправедливость — культурным доминированием» [12, с. 258].

Такое толкование различий в идентичности, субъектности — не как маргинальности, исключения из культуры, не как отклонения от нормы, а как некоей ценности — резко расширяло границы применения стратегии эмпайэрмента. Ведь в этой парадигме любой «другой» (другая субъектность) получает свой полновесный статус, за любым «другим» признается право на полноценное существование и гражданские, политические полномочия. Такой подход утверждает многогранность, многоликость, пестроту социального пространства, которое держится в напряжении не одним конфликтом — центральным, не одним противоречием — классовым, расовым или национальным, а множеством разных конфликтов, разных противоречий, по-разному и разрешаемых. Дж. Скотт следующим образом подводила итог теоретическим поискам тех лет в сфере признания культурного разнообразия. Современные феминистские теории не предполагают фиксированных отношений между сущностями, а трактуют их как изменчивые эффекты временной, культурной или исторической специфики, динамики власти. Ни индивидуальная, ни коллективная идентичность не существует без другого; включенности не существует без исключенности, универсального — без отвергнутого частного, не существует нейтральности, которая не отдавала бы предпочтение ни одной из точек зрения, за

⁶ Исследовательница в знак солидарности со всеми угнетенными нарочито писала свое имя не с заглавной, а с маленькой буквы.

которыми стоят чьи-то интересы, власть играет существенную роль в любых человеческих отношениях. Для нас различия — это факт человеческого существования, инструмент власти, аналитический инструмент [10].

Теоретические и практические поиски женского движения конца XX в., проходившие во многом в рамках стратегии «эмпваэрмент», по нашему убеждению, заложили определенную основу для демократического вектора развития современной массовой политики — в сторону «умной толпы» и ее «цивилизационной компетентности». Хотя, разумеется, фигура «Хозяина», обозначенная С. Жижекком, по-прежнему маячит на горизонте.

Библиографический список

1. *Айвазова С. Г.* Гендерное гражданство, активность и изменение гендерного порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / редкол. : С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М. : РАПН : РОССПЭН, 2011. С. 230—244.
2. *Батлер Дж.* От пародии к политике // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 164—174.
3. *Жижек С.* Простая смелость решения: с благодарностью Тэтчер от левых. URL: <http://gefter.ru/journal/politics/page/2> (дата обращения: 08.08.2013).
4. *Канетти Э.* Масса и власть. М. : Ad Marginem, 1997. 528 с.
5. Массовая политика в России: пути изучения и концептуализации : круглый стол / Институт социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Kruglyi_stol/RT_DCPS_29_05_13 (дата обращения: 08.08.2013).
6. *Муфф Ш.* Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 214—235.
7. Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря [2011 г.] // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru> (дата обращения: 26.05.2012).
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Избр. тр. М. : Весь мир, 1997. С. 43—164.
9. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М. : ФАИР ПРЕСС, 2006. 416 с.
10. *Скотт Дж.* Отголоски феминизма // Гендерные исследования. Харьков, 2004. № 10. С. 11—25.
11. *Тейлор В., Уиттьер Н.* Коллективная идентичность в группах общественных движений: лесбийская феминистская мобилизация // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 963—991.
12. *Фрейджер Н.* От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «постсоциалистическую» эпоху // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 258—289.
13. *Хукс белл.* Феминистская теория: от края к центру // Антология гендерной теории. Минск : Пропилеи, 2000. С. 236—254.
14. *Хукс белл.* Черные женщины: формирование феминистской теории // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 929—945.

15. *Чикалова И.* Гендерная проблематика в политической теории // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 1 : Учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. 708 с.
16. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М. : Логос, 2012. 440 с.
17. *Vacqué M.-H., Biewener C.* L'empowerment, une pratique émancipatrice. Paris : La Découverte (Sciences Humaines/Politique et sociétés), 2012. 175 p.
18. *Pateman C.* The Sexual Contract. Stanford : Stanford University Press, 1988. 264 p.
19. *Scott J.* Some reflections on gender and politics // Revisioning Gender / ed. by M. M. Ferre, J. Lorber, B. D. Hess. London : Sage Publication, 1999. P. 70—96.

ББК 60.542.2

О. А. Воронина

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Я хотела бы коротко рассмотреть эволюцию государственной политики в сфере гендерного равенства за последние двадцать лет. За это время в нашей стране коренным образом изменился политический и экономический строй, трансформируются мировоззрение и ценностные ориентиры. Но в «этом прекрасном новом мире» женщины по-прежнему считаются «вторым полом».

В 1990-х гг. государственная политика во многом воспроизводила советскую модель «улучшения социально-экономического статуса женщин». Тогда эти меры критиковались радикально настроенными гендерными экспертами (и в том числе мной) за расхождение ситуации де-юре и де-факто. Сегодня мы вспоминаем это время скорее с симпатией, поскольку хотя бы на формальном уровне государство поддерживало принципы гендерного равенства (пусть даже и не употребляя этих слов). Так, в Указе Президента РФ от 4 марта 1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» цель этой политики определяется как обеспечение «...одинаковых условий для фактического равноправия женщин и мужчин в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны», хотя и подчеркивается важность «обеспечения права женщин на охрану труда <...> с учетом материнской функции» [4]. В рамках исполнения Указа Совет министров учредил федеральную программу «Женщины России», был сформирован Национальный совет по подготовке к IV Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995). В 1993 г. была также создана Общественная комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ.

Конституция РФ 1993 г. рядом своих статей гарантировала равенство прав женщин и мужчин. Все общепризнанные нормы и принципы международного права, а также международные договоры РФ включены в правовую систему страны. Помимо этого, провозглашен приоритет международных норм в области прав человека над национальным законодательством. Россия стала участницей подавляющего большинства международных договоров и конвенций, имеющих отношение к предотвращению и ликвидации дискриминации, в том числе и по признаку пола: Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах; Международного пакта о гражданских и политических правах и факультативного протокола к нему; Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Конвенции МОТ № 100 о равном вознаграждении мужчин и женщин за равный труд; Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования; Конвенции МОТ № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий; Конвенции МОТ № 156 о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями; Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Участие официальной делегации в IV Всемирной конференции ООН по положению женщин и присоединение РФ к Пекинской декларации и платформе действий побудили государственные структуры России к принятию новых документов и разработке некоторых мер по улучшению положения женщин. Это было тем более обоснованно, что с началом экономических реформ сильнее стала проявляться дискриминация в сфере труда и занятости, резко возросли женская безработица и нарушения прав женщин, ухудшилось их материальное положение. В 1996 г. был издан ряд указов Президента и постановлений Правительства относительно социально-экономического статуса женщин, в том числе принята Концепция улучшения положения женщин в РФ. Из 12 проблемных областей, обозначенных в Пекинской платформе действий, в Концепции РФ приняты только пять: соблюдение прав женщин в единстве с правами и основными свободами человека, участие женщин в принятии решений на всех уровнях, обеспечение равных условий на рынке труда, охрана здоровья женщин, преодоление насилия в отношении женщин. В том же 1996 г. Постановлением Правительства РФ был принят Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.; ответственность за его исполнение была возложена на различные министерства и ведомства. Выделенные мероприятия отражают смешение различных подходов к решению женского вопроса. Так, например, подготовка доклада о выполнении РФ Конвенции ООН о ликвидации дискриминации в отношении женщин, проведение анализа соответствия законодательства РФ международному праву, развитие статистики и некоторые другие мероприятия соответствуют международным стандартам в области прав женщин. Задача же разработки перечня тяжелых и опасных работ, запрещенных для женщин, пришла в рыночную экономику явно из советского прошлого с его протекционизмом по отношению к женщинам и государственным обеспечением отсутствия безработицы. Мероприятия по разработке нормативной базы службы планирования семьи или по предотвращению насилия в отношении женщин и помощи жертвам насилия

Теория и методология гендерных исследований

выглядят с позиций сегодняшней политики просто феминистскими. К сожалению, средств на реализацию Национального плана выделено не было и в значительной степени он не был реализован.

Во второй половине 1990-х гг. под влиянием международной практики в законодательных и исполнительных органах власти в России возникли различные структуры: Межведомственная комиссия по вопросам улучшения положения женщин; Комитет по делам женщин, семьи и молодежи Государственной думы; Отдел социально-экономического положения женщин Департамента по делам семьи, женщин и детей Министерства труда и социального развития РФ; Отдел по вопросам женщин, семьи, молодежи в аппарате Уполномоченного по правам человека; Центр гендерной экспертизы законопроектов при Информационно-аналитическом управлении Совета Федерации Федерального собрания РФ. Данные структуры обычно считаются элементами национального механизма по улучшению положения женщин. И хотя в России статус национального механизма был не определен, не имел отдельного бюджета для своей деятельности, однако структуры существовали и как-то действовали, а значит — можно было добиваться их развития, более четкого определения функций и выделения дополнительного финансирования.

В развитие правовой сферы в 1997 г. была подготовлена Концепция законодательной деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, которая затем была одобрена Государственной думой Федерального собрания РФ [3, с. 7—61]. В Концепции рассматривалось несколько вопросов: неравенство политического представительства и участия женщин в процессе принятия решений; социально-трудовые права; предотвращение насилия и личная безопасность; охрана репродуктивного здоровья, материнства и отцовства; государственный механизм обеспечения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. В заключение предлагался список проектов законов, которые, с точки зрения инициаторов, необходимо было бы разработать, и комплекс мер по реализации законодательных актов. Несмотря на ряд недостатков, в целом авторы Концепции постарались последовательно провести принцип равенства возможностей и она выглядит весьма грамотным инструментом организации законодательной деятельности.

В 2002 г. Министерство труда и социального развития РФ предприняло усилия по созданию проекта Гендерной стратегии Российской Федерации. Проект обсуждался экспертами и после доработки был представлен в Правительство РФ. Его дальнейшая судьба неизвестна широкой общественности.

В 2003 г. Е. Ф. Лахова внесла на обсуждение в Государственную думу проект Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Принятие этого закона стало бы новым шагом в развитии российского законодательства в области гендерного равенства, поскольку содержало несколько принципиально новых положений, отсутствующих в действующем законодательстве. Так, например, хотя законодательство Российской Федерации провозглашает равенство прав и возможностей мужчин и женщин, ни в Конституции, ни в других законодательных актах не прописаны государственные механизмы и гарантии обеспечения равенства. Это порождает некоторые новые проблемы.

«Распределительное равенство» периода развитого социализма обеспечивало равные возможности (по крайней мере, в некоторых областях) системой административных мер и протекционистским законодательством. В новых условиях либерального законодательства и рыночной экономики гендерное равноправие следует обеспечивать с помощью антидискриминационного законодательства и специальной политики. Но, к сожалению, российское законодательство не содержит определения термина «дискриминация» и не устанавливает признаки дискриминации, хотя в Конституции РФ провозглашается, что «каждый имеет право <...> на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации...» [2, ст. 37]. Термин «дискриминация» содержится и в Трудовом кодексе 2001 г., но опять же без определения и разъяснений [5]. Кроме того, ч. 3 ст. 19 Конституции и Трудовой кодекс 2001 г. вводят концепт «равных возможностей реализации прав и свобод», однако не расшифровывают эти понятия. Российское законодательство не содержит понятия сегрегации по признаку пола и положений, которые давали бы возможность запрещать ее. Таким образом, термины «дискриминация», «ограничение прав», «законное или незаконное проведение различий» остаются недостаточно ясными для профессиональных юристов и широкой публики. Трудно понять, как именно законодатели и правоприменительные органы трактуют понятие гендерной дискриминации. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента № 909 от 15 июня 1996 г., описывает дискриминацию только как прямое ограничение прав граждан. Однако российское законодательство и правовая практика не предлагают определенного юридического истолкования понятия «ограничение прав». Незаконное проведение различий (в том числе и по признаку пола), вызывающее негативные последствия для соответствующего лица или группы, обычно не воспринимается как «дискриминация». В целом в стране нет законодательных актов, содержащих какое-либо определение прямой и косвенной дискриминации, в том числе и по признаку пола. В принципе, формально можно было бы использовать в отечественной юридической практике то определение дискриминации женщин, которое дается в ст. 5 Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [12]. Однако тезис об имплементации международных норм в области прав человека в правовую систему России остается декларативным и мало известным практикующим юристам. Помимо Конвенции, можно было бы обратиться к правовым нормам, разработанным Советом Европы: в них проводится довольно четкое различие между понятиями «равноправие» («недискриминация») и «равенство» [1, с. 50—68]. Требование недискриминации означает запрет неоправданного различного обращения с лицами, находящимися в одинаковой ситуации, или одинакового подхода к лицам, находящимся в различных ситуациях.

В отличие от предыдущих законов, в проекте Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» (2003) дается определение используемых понятий [10]. В частности, равные возможности определяются как «практическое обеспечение равных условий для реализации мужчинами и женщинами прав и свобод человека и гражданина в соответствии с Конститу-

Теория и методология гендерных исследований

цией и законами РФ, а также общепринятыми принципами и нормами международного права» (ст. 1). Вторая статья — «Запрет дискриминации» — написана в соответствии с пятой статьей Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Также в тексте, представленном на обсуждение, предлагалось квотирование при формировании избирательных комиссий и комиссий референдума: в этом случае «число лиц одного пола не должно превышать 70 % от общего числа назначаемых членов» (ст. 21). Последняя, пятая глава законопроекта посвящена разработке механизма обеспечения равных прав и равных возможностей, что выгодно отличает данный законопроект от других. В целом он выражает либеральные представления о формально-правовом равенстве с очень мягкими элементами позитивных действий в области политики. Весной 2003 г. законопроект прошел первое чтение в Думе, затем в течение ряда лет она не возвращалась к его рассмотрению. В свое время я критиковала этот законопроект за недоработки и была не одинока. Однако их нетрудно было бы устранить, если бы на то была политическая воля.

К концу так называемых нулевых годов XXI в. позиция государства в сфере гендерного равенства становится более противоречивой. При формальной приверженности международным договорам и конвенциям в сфере гендерного равенства внутренняя политика выглядит как сворачивание государственной активности в этой области. Например, в ходе административной реформы ликвидирован ряд ранее действующих государственных структур, отвечающих за развитие равноправия мужчин и женщин: Комиссия по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ; Комиссия по делам женщин при Председателе Правительства РФ, Центр гендерной экспертизы при Совете Федерации. Не принята Гендерная стратегия Российской Федерации.

В последние годы в России происходит откат от соблюдения принципа равенства прав женщин и мужчин, который гарантирован Конституцией нашей страны и рядом международных обязательств: зарплаты женщин по-прежнему в среднем на 30 % меньше, чем у мужчин; происходят массовые увольнения беременных женщин; демографическая политика «забыла» отцов и обращена только к женщине-матери; не развиваются центры помощи женщинам, попавшим в ситуацию насилия; вновь культивируются традиционные стереотипы «женщинам не место в политике и управлении», «дело женщин — только рожать». В России женщины составляют 54 % населения страны. Уровень образования у них сегодня выше, чем у мужчин. Но женщины по-прежнему нуждаются в защите своих трудовых, семейных, репродуктивных и политических прав. Да, Конституция РФ провозглашает равенство прав мужчин и женщин. Однако в реальности женщины испытывают прямую и косвенную дискриминацию по признаку пола практически во всех сферах жизни. И, как мы видим, Конституции для защиты наших прав недостаточно. Необходимо создание национального механизма и последовательная разработка гендерной политики Российской Федерации.

Что касается проекта Федерального закона № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации», то с ним произошла весьма странная история. После долгих лет забвения его рассмотрение во втором чтении было запланировано

на 27 января 2012 г. И вдруг практически накануне этой даты оно было отложено на неопределенный срок под давлением клерикальных кругов, организовавших кампанию «Стоп-гендер!». 26 января 2012 г. участники православных Рождественских чтений составили «Ноту протеста» против «введения в стране гендер-гей-политики» [7, 8, 9, 11], которая была немедленно размещена на крупнейших информационных ресурсах и направлена в Государственную думу РФ. На следующий день из Госдумы поступила информация о том, что рассмотрение проекта отложено¹.

Представители семейно-родительских, православных и патриотических общественных организаций в своих блогах, на демонстрациях и в петициях, в письмах в Государственную думу утверждали, что этот закон и само слово «гендер» представляют угрозу демографической безопасности России, способствуют разрушению института семьи и базовых национальных культурно-нравственных ценностей [там же]. Их позиция основана прежде всего на биодетерминистских представлениях о принципиально разной природе мужчин и женщин² и превосходстве мужчин, чьи права приоритетны по сравнению с женскими³. С другой стороны, предлагается совершенно искаженное объяснение термина «гендер», далекое от принятого в социальных науках, международно-правовых документах и даже от того, как этот термин трактуется в обсуждаемом проекте закона. На том основании, что гендер является социально сконструированным феноменом, утверждается, что в таком случае каждый человек может принять «социальный пол», который не совпадает с биологическим полом, и что это ведет к распространению гомосексуализма и уничтожению семьи. И более того, что якобы именно это и является конечной целью политики гендерного равенства, на закрепление которого нацелен законопроект, «легитимизирующий приоритет прав гомосексуалов, лесбиянок и других “гендерных групп”» [9, 11].

¹ Я благодарю доктора политических наук Н. С. Григорьеву за возможность ознакомиться с ее неопубликованным докладом, в котором собран большой материал, касающийся ситуации с законопроектом в Интернете. Доклад был представлен на круглом столе 26 октября 2012 г. См.: URL: <http://zakon.moscowfamily.ru/blogs/1/posts/80-materialy-po-gendernym-pravam> (дата обращения: 25.08.2013).

² «Мужчина и женщина не могут быть равны, потому что у мужчины другая совершенно ипостась человеческого естества» («Православие и мир» [11]).

³ Так, один из оппонентов законопроекта протоиерей Д. Смирнов утверждает: «...закон, по которому нас хотят заставить жить, имеет все признаки гендерной дискриминации мужчин <...> Закон даст право феминистским организациям устроить настоящий террор, и очередная обмундеша (орфография оригинала. — О. В.) с мужененавистническими наклонностями, которая наделена особыми полномочиями, будет осуществлять преследование тех, кто ей не нравится. Вводится понятие “сексуальное домогательство” с последующим американским сценарием права любой женщины требовать от любого богатого человека, с которым она проехала в лифте, заплатить деньги. Как это было со Стросс-Каном, в результате чего он поплатился политической карьерой» [11].

Теория и методология гендерных исследований

Я не хочу более цитировать эти нелепые утверждения, авторы которых явно незнакомы ни с международным, ни с российским законодательством, ни с текстом обсуждаемого законопроекта. Я уж не говорю о гендерной теории хотя бы в ее популярном изложении. Однако эта позиция была акцептирована властями, которые отложили рассмотрение законопроекта «под давлением общест­венности». Как написано в одном из источников, «итак, в нашем активе — пусть временная, но победа!» [7]. Надо уточнить — православной общественности. Разумеется, она может заявлять и отстаивать свои позиции, но в рамках законодательства Российской Федерации, которое отделяет церковь от государства. Вопрос вот в чем: почему в дискуссиях было проигнорировано мнение светской части общественности о данном законопроекте и о необходимости создания в Российской Федерации национального механизма по гендерному равенству? Эти позиции были выражены в открытом письме экспертов и женских НПО, которое было размещено на портале «Демократор» и в системе «Электронная демократия» в марте 2012 г.

Справедливости ради следует отметить, что представленный на второе чтение вариант проекта закона о государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин нуждается в доработке, но это не значит, что от его обсуждения и принятия следует отказаться вовсе, тем более на тех надуманных основаниях, которые были представлены выше.

В XXI в. становится очевидным, что гендерное равенство — это не угроза для общества, а, наоборот, мощный экономический и духовный ресурс его развития. Посмотрите на страны, где этот принцип соблюдается, — они называются развитыми. Воспитание и образование новых поколений, готовых к инновационному техническому развитию общества, невозможны в архаических обществах, основанных на биологических и расовых предрассудках. Именно поэтому социальная политика равенства прав женщин и мужчин, развитие современного законодательства и государственных институтов, поддерживающих политику гендерного равенства, осуществляются во многих странах мира. Причем сегодня этот процесс уже не зависит напрямую от уровня экономического развития, национальных и религиозных традиций. И речь идет не только о европейских странах, столь же активно и успешно национальные механизмы равноправия женщин действуют в Азии (Япония, Индонезия, Иордания), в Африке (ЮАР, Малайзия, Намибия, Ангола, Конго, Мозамбик, Танзания, Зимбабве, Ботсвана, Свазиленд, Руанда, Лесото, Малави). Неплохо развито законодательство в бывших республиках СССР, а ныне независимых государствах — Казахстане, Киргизии, Украине, Молдавии [1].

Ведущую роль в обеспечении политики гендерного равенства играют уже упоминавшиеся национальные механизмы по улучшению положения женщин, под которыми понимаются специальные системы политических структур управления и практических мер государства, направленные на внедрение гендерного подхода во все области политики и решение гендерных проблем во всех областях общественной жизни. В идеале национальный механизм должен включать разнообразные структуры: при президенте, правительстве, парламенте, экспертные советы, неправительственные организации, структуры на федеральном и региональном уровнях.

Формально Российское государство придерживается международно-правовых стандартов в области прав женщин. Так, например, В. В. Путин, будучи главой Правительства РФ, на встрече с координационным советом ОНФ 3 апреля 2012 г. отметил: «...необходимо добиваться социального и политического равенства между мужчинами и женщинами в России <...> также нужен контроль за соблюдением прав женщин, в том числе со стороны прокуратуры <...> Давайте этим займемся более плотно, и в этом смысле я бы безусловно поддержал предложения. И выработаем систему мер» [6]. Он также отметил, что предложения по исправлению ситуации в этой сфере можно провести через Госдуму, опираясь на присутствующих там представителей ОНФ, не говоря уже о всей фракции «Единая Россия». Однако до сих пор никаких новых действий и предложений не видно. На фоне развивающихся стран ситуация с национальным механизмом и осуществлением политики гендерного равенства в небедной России просто удручает.

Это тем более странно, что Российская Федерация получила весьма жесткие замечания и рекомендации по итогам представления в 2010 г. сдвоенного (шестого и седьмого) периодического доклада по исполнению Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от соответствующего Комитета ООН. Среди прочего Комитет рекомендовал правительству РФ следующее [12]:

— использовать свои властные полномочия и финансовые возможности для создания эффективного механизма, направленного на реализацию положений Конвенции на всей территории Российской Федерации, включающего все уровни государственной власти;

— включить в Конституцию или другое соответствующее законодательство специальные нормы, направленные на борьбу с дискриминацией по признаку пола, а в законодательство — определение дискриминации, охватывающее прямую и косвенную дискриминацию в общественной и частной сферах;

— разработать закон о гендерном равенстве, обеспечивающий выполнение необходимых внутренних процедур для осуществления положений Конвенции;

— принимать все необходимые меры для обеспечения известности и применения Конвенции и Факультативного протокола всеми ветвями власти, в том числе судебной системой, как основы для всех законов, судебных и политических решений по вопросам гендерного равенства и улучшению положения женщин;

— обеспечить полную ответственность Правительства в области соблюдения формального и фактического равенства женщин и мужчин;

— ввести в действие без промедления комплексную стратегию, включающую пересмотр законодательства и определяющую цели и сроки по изменению и искоренению традиционных практик и стереотипов, которые носят дискриминационный характер в отношении женщин;

— уделять приоритетное внимание борьбе с насилием в отношении женщин и девочек и принятию всеобъемлющих мер против насилия.

Теория и методология гендерных исследований

В 2014 г. Российская Федерация должна представить очередной национальный доклад по выполнению Конвенции. Пока рекомендации Комитета ООН не выполнены.

Библиографический список

1. Гендерное равенство в современном мире : роль национальных механизмов / отв. ред. О. А. Воронина. М. : Макс-Пресс, 2008. 768 с.
2. Конституция Российской Федерации. М. : Ось-89, 2008. 48 с.
3. Правовая основа обеспечения равных прав мужчин и женщин и равных возможностей их реализации. М. : УД ГД РФ, 1998.
4. Российская газета. 1993. 16 марта.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации. М. : Ось-89, 2002. 206 с.
6. URL: <http://er.ru/news/2012/4/3/putin-neobhodimo-dobivatsya-ravnopraviya-mezhdumuzhchinami-i-zhenshinami-v-rf/> (дата обращения: 01.09.2013).
7. URL: <http://ruskline.ru/> (дата обращения: 01.09.2013).
8. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/02/28/institut_semi_v_rossii_i_gendernoe_zakonodatelstvo_perspektivy_vnedreniya/ (дата обращения: 01.09.2013).
9. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/02/15/prosim_otklonit_zakonoproekt_o_gendernom_ravenstve (дата обращения: 01.09.2013).
10. URL: <http://www.akdi.ru/gd/proekt/091312GD.SHTM> (дата обращения: 25.08.2013).
11. URL: <http://www.pravmir.ru/protoierej-dmitrij-smirnoj-o-gendernom-bezzakonii/> (дата обращения: 02.09.2013).
12. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 02.09.2013).

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ББК 60.542.2 + 60.542.1

О. В. Попова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ РОССИЙСКОЙ СУБФЕДЕРАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ

Проблемы человеческого прогресса в целом и политического в частности в современной науке однозначно связываются с обеспечением политики гендерного равенства как обязательного предварительного условия. «Утверждение гендерного равенства — один из аспектов процесса человеческого развития, сравнимый по значению и тесно связанный с общемировой тенденцией к демократии» [4, с. 393]. Конечно, в данном случае речь идет не об «одинаковости», но о равенстве возможностей и ресурсов, о равенстве возможностей выбора жизненного пути, карьеры и др. Особенно остро эта задача возникает в обществах, находящихся в переходной стадии развития от индустриальной к постиндустриальной версии, поскольку, как отмечают Р. Инглхарт и К. Вельцель, подобное изменение «представляет собой элемент гуманистической трансформации общества в целом, связанной с распространением ценностей самовыра-

© Попова О. В., 2013

Статья написана на основе данных, полученных в ходе реализации исследовательского проекта Российской ассоциации политической науки «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности» (проект 149/К). При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 марта 2011 г. № 127—рп.

Исследовательская группа: д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О. В. Попова (руководитель проекта); зав. отделом социологии Регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (Москва) В. Л. Римский; канд. полит. наук, доц. О. В. Лагутин; канд. полит. наук, доц. Е. О. Негров; А. В. Шентякова (все трое — сотрудники кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ).

Гендерные аспекты политических процессов

жения» [там же]. Гендерное равенство — обязательное условие подлинной, не формальной демократии.

Политический дискурс официальных российских властей однозначно свидетельствует о сохранении курса на демократию, суть которой заключается в наделении людей правами, обеспечивающими «организацию государства по принципу общественного договора между равными индивидами, каждый из которых должен иметь одинаковые возможности для принятия самостоятельных и ответственных решений» [там же].

Однако до сих пор достаточно острой проблемой современной российской политической системы остается дефицит квалифицированного кадрового состава в субфедеральных органах власти. Парадоксальным образом при наличии развитой схемы создания кадровых резервов, аттестации и наличия механизма ротации в период выборов качество «человеческого материала» и социального капитала людей, находящихся во власти, все еще не является удовлетворительным. Существует острая практическая необходимость в определении перспективных путей совершенствования ротации элитных групп, основанных на конкурсной основе и избирательных процедурах. В этом процессе необходимо учитывать формальные и неформальные практики карьерного продвижения политиков локального и регионального уровней. Повышение эффективности действия механизмов ротации в элитных группах, а также работы механизмов вертикальной мобильности политической карьеры наиболее квалифицированных кадров выступают приоритетными задачами кадровой политики в России. Не в последнюю очередь это касается грамотной реализации политики гендерного равенства.

Ситуация гендерной диспропорции, в том числе и в кадровой политике, в управленческих структурах четко свидетельствует, что даже сегодня «женщины занимают в обществе невыгодное положение, в результате чего им труднее по сравнению с мужчинами использовать свои способности в тех видах деятельности, которые не связаны с домашним хозяйством» [4, с. 394]. И это при том, что при решении современных управленческих задач «требуется творческое мышление, умение работать с людьми и интеллектуальные способности, — а во всем этом женщины, как минимум, не уступают мужчинам» [4, с. 400].

Рекрутирование политических лидеров регионального уровня в современной России и типы их карьер могут рассматриваться через призму и личных карьерных стратегий встраивания во «властную вертикаль», начиная с муниципального уровня, и общественно-политической эффективности деятельности этих политиков.

В целом проблемы российской элиты, в том числе и региональной, активно исследуются и политологами, и социологами. Достаточно назвать таких крупных специалистов, как А. С. Быстрова, Д. П. Гавра, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Дука, Н. В. Колесник, Н. Ю. Лапина, В. Г. Ледяев, В. П. Мохов, П. В. Панов, Я. А. Пляйс, О. Б. Подвинцев, С. Н. Пшизова, А. И. Соловьев, А. М. Старостин, Д. Б. Тев, А. Е. Чирикова, Е. Б. Шестопап [1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Хотя в России именно элита остается основным политическим актором, данное обстоятельство ничуть не ослабляет зависимость самих элитных групп

от политических изменений. Это — одна из причин необходимости постоянно мониторинга исследователями состояния политико-управленческих групп.

В социологическом исследовании «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности», осуществленном в 2012 г., наряду с 90 глубинными интервью и 18 фокус-группами в 9 регионах Российской Федерации были проведены 22 экспертных интервью с ведущими российскими учеными в области элитологии и регионалистики, преимущественно докторами и кандидатами политических и социологических наук. Привлечение в качестве экспертов ученых-аналитиков позволило максимально непредвзято и объективно оценить картину состояния региональной политико-административной элиты в современной России*. В рамках данной статьи будет проанализировано понимание экспертами гендерного фактора и его роли в субфедеральных политических карьерах. Специально подчеркнем, что среди экспертов-элитологов не было исследователей, ориентированных на гендерную методологию или являющихся членами или сторонниками феминистского движения.

Вопросник экспертов фокусировался на спектре разнообразных параметров и характеристик, способствующих или препятствующих политической карьере субфедерального уровня. Гендерный параметр был одним из многих и специально интервьюерами не акцентировался. Тем более ценными оказались высказывания экспертов: спонтанность речи позволяет оценить специфику понимания ими особенностей политических карьер.

В характеристике сущности и роли гендерного фактора в политической карьере мнения экспертов совпали не полностью. Для большинства экспертов, как это следует из текста глубинных интервью с ними, гендерный фактор — это всего лишь фиксация доли мужчин и женщин, занимающих определенные должности в политико-управленческой иерархии.

Практически во всех интервью эксперты подчеркивают абсолютную гендерную асимметрию власти. *«Мы видим, что и депутаты, и администраторы — они в основном мужчины. Ну, это гендерная диспропорция вопиющая. По крупным городам порядка 80 % администраторов на уровне заместителей мэра. Я думаю, в региональных администрациях не меньше <...> среди депутатов, они тоже преобладают. Это важная характеристика».* На уровне глав российских регионов, имеющих реальную власть в стране, гендерный перекос бесспорный. *«Вполне очевидно, что социально-демографически это — мужчина в возрасте 40+, который немного поработал в бизнесе и имеет контакты в Москве, как правило, это представитель этнического большинства на данной территории».*

Гендерная асимметрия носит достаточно специфический характер: на низовых управленческих позициях женщин много, но там практически отсутствуют ресурсы и возможности карьерного роста. Залог успешной карьеры на начальном этапе — *«в нашей нынешней ситуации, если ничего завтра не изме-*

* В целях обеспечения конфиденциальности позиций мнения экспертов в статье приводятся без указания их фамилий.

Гендерные аспекты политических процессов

нится <...> Подружиться с начальниками, продемонстрировать, какой ты хороший и правильный. А женщинам — делать все, что скажут». И так, по мнению экспертов, основное требование к женщинам в политике — быть хорошим исполнителем, оставаясь на третьих и четвертых позициях. Если же говорить о значимых статусных должностях, то здесь работает старый стереотип, что политика — дело грязное, мужское и женщинам там просто нечего делать.

Это отнюдь не означает, что женщины не могут занимать значимых позиций в политике, но сама ситуация блестящего карьерного роста вызывает у экспертов сомнение в характере и качествах женщин-лидеров, причинах их назначений и путях достижения ими должностей. *«Есть замечательные женщины, очень способные. Но карьеру при этом делает Валентина Ивановна (Матвиенко. — О. П.). Главное при этом ничего лишнего не сказать, особенно когда много говоришь. Можно умное сказать, а это вредно. Я это всегда помню. Мой начальник теперь — депутат Госдумы»; «Да, Хоркиной не хватает (с иронией. — О. П.)».*

Большинство экспертов специально подчеркивают, что женщинам в современных российских условиях в политике выжить крайне сложно. На стадии отбора «скамейки запасных» на любую значимую должность на региональном уровне фактически обязательным условием для претендента является мужской пол. *«Я думаю, что сейчас единственный фактор, который, конечно, везде действует очень сильно, в обязательном порядке, который действительно важен в значительной степени — это пол, мужской пол. Он доминирует, вот это, да»; «Он должен быть 40—50 лет. Он должен быть мужчиной, иметь за плечами, желательно, хозяйственный опыт, должен быть амбициозным, достаточно симпатичным. Должен показывать рассудительность»; «Это будет средний возраст, я думаю, лет около пятидесяти плюс-минус. Это достаточно высокий уровень доходов. Это мужской пол».*

Эксперты, отмечая маскулинный характер современной российской власти, расходятся в оценке причин этого явления. Некоторые убеждены, что отсутствие женщин на значимых постах в политике связано с самой природой власти. Другие склонны считать, что это выступает скорее следствием особенностей политической культуры и традиций в различных регионах современной России. *«Они [женщины] являются в известной мере функцией политической культуры того или иного региона. Мне трудно представить любую из жен Рамзана Кадырова в роли президента Чечни <...> потому что культура маскулинная, мужчина там всегда выигрывает у женщин».* Наконец, некоторые респонденты настаивали, что приватная сфера жизни и ориентация на семью и быт являются просто следствием свободного, добровольного выбора женщин, которые не могут совмещать карьеру в политике и частную жизнь. Причины отсутствия женщин на значимых местах в региональной власти отнюдь не в шовинистическом отношении к ним, а в объективных причинах, общих для любой сферы профессиональной деятельности — распределении гендерных ролей в обществе и ответственности женщины прежде всего за семью. *«На низовых уровнях довольно много женщин. Но из них редко вырастает что-то, потому что там семья, другие факторы выстраиваются, и не только система ценностей. Система ценностей имеет, конечно, отношение. Но еще и*

лифты, значительно сужаются возможности. Потому что, к сожалению, так у нас жизнь выстроена, что если у тебя дети, то потом все остальное».

В оценке перспектив установления гендерного равновесия во власти в высказываниях экспертов четко прослеживаются три точки зрения.

Согласно первому подходу, в региональной элите в настоящий период явно доминируют мужчины, что и будет сохраняться достаточно длительное время. Такая ситуация — следствие маятникового колебания в рекрутировании элит. *«Хотя есть женщины, но идет явная маскулинизация по сравнению с советским периодом».* Образ политика-женщины на региональном уровне меняется. После Великой Отечественной войны, когда женщин объективно в средней и молодежной возрастной группе оказалось большинство, они вплоть до конца 1960-х гг. на уровне регионов доминировали. Примета региональной власти постсоветского времени — явная маскулинизация власти. Если женщины во власти и присутствуют, то это либо сверхответственные исполнительницы где-то в среднем управленческом звене, либо чуть выше — *«дивы — услада для глаз»* политиков-мужчин. *«В советское время много женщин оказалось в послевоенное время, поэтому феминизированная была региональная элита советского периода. И довольно долго она держалась — до 60-х годов. А потом она стала уменьшаться, уменьшаться. А сейчас идет явная маскулинизация. Что касается женщины, есть несколько женщин, которые туда попадают. В основном два варианта. Это или тихий исполнитель, такая лошадка, которая везет воз. Она добросовестная, ей дают команду, она что-то делает. Такой тип я встречал, есть такие <...> Но это даже не на самом веру, это на среднем уровне. А второй вариант, это в городе была такая тенденция, — длинноногие блондинки. Они попадают туда каким-то вот таким образом <...> или кому-то из начальников нравится именно вот такой тип. У нас даже ходили разного рода шутки по этому поводу».* Исключения — сельские поселения. Здесь в управленцах — женщины, однако они только исполнители, не имеющие в своих руках никаких финансовых рычагов и возможностей, но выполняющие огромное количество обязанностей по решению проблем своей территории. *«Что касается поселений, то здесь обратная ситуация, они практически полностью феминизированы. Очень редкий случай, если глава поселения — мужчина. На 80 % главы сельских поселений, это нижний уровень управления, — это женщины. Это самый нижний уровень, им дают команды, они слушаются, они берут под козырьки и так далее».*

Согласно второму подходу, происходят определенные смещения в сторону привлечения молодежи и женщин в команду губернаторов, однако специфическим условием является их участие в прокремлевских молодежных движениях и получение только низовых должностей на региональном уровне. *«По нашим данным <...> приходил губернатор и <...> приводил с собой уже не просто команду, но в этой команде было больше, чем раньше, молодых людей и представителей женского пола».* Но эксперты разошлись в оценке возможностей прихода во власть женщин через общественные организации. По мнению некоторых из них, последнее десятилетие, наоборот, перекрыло этот канал рекрутирования. *«Ведь в 90-е годы все здесь бурлило. И были здесь партии и всевозможные женские организации, но им же помогало государ-*

Гендерные аспекты политических процессов

ство, давало возможность здесь существовать. А сейчас нет этого вообще. Нет этой поддержки! Нет системы подготовки кадров государственных и рекрутирования, создания элиты как таковой. Начиная с молодежных и детских организаций».

Более оптимистично настроенные эксперты — это третий подход — подчеркивают, что женщины в региональную и локальную элиту все же входят, в том числе занимают значимые позиции, например должности вице-губернаторов, в основном курируя социальную сферу. *«Несколько вице-губернаторов были женщины, одна из них по социалке до сих пор. Другая в областную думу ушла из администрации, и в самой администрации много <...> в муниципалитетах по-разному. Где-то больше, где-то меньше, но абсолютного превосходства мужчин нет. Не знаю про глав, но замы, замы замов, они там есть. Женщины не обездолены и представлены».*

В соответствии с этим подходом в ряде регионов (эксперты называют в качестве примеров Пермский край, Омскую и Свердловскую области) намечается тенденция прихода в исполнительную власть женщин на позиции, связанные с управлением в экономической и финансовой сферах. *«Хотя они сейчас в России занимают не самый большой процент, но последние годы присутствие женщин во власти растет, а ведущие позиции — это экономические и финансовые департаменты».* При этом традиционно женщины занимают значимые позиции в социальной сфере, в том числе в должностях вице-губернаторов. *«Обычно женщин продвигают на те позиции во власти, где, как говорят, много работы и мало денег».*

Никогда, по мнению экспертов, попадание женщин на эти позиции не связано с их собственными устремлениями, получение этих должностей всегда определяется волевым политическим решением первого лица в регионе. Такое назначение вызывает в ближайшем окружении губернатора очень серьезное напряжение, поскольку *«вице-губернаторы обычно составляют круг давно работающих во власти мужчин, которые видят в женщине реальных конкурентов, не вписывающихся по тем нормам и правилам, к которым они привыкли, в эту среду. Женщины не ходят в баню, они не пьют, они не ведут интриги, они просто работают».*

Насколько сложно в этих «особых» условиях работать женщине — совершенно очевидно. Но для того чтобы занять соответствующую должность, одного профессионализма — первое обязательное, но отнюдь не достаточное условие — для женщины мало. *«Она может быть золотая, ее могут рекомендовать, она может быть суперпрофессионалом <...> если он [губернатор] считает, что женщине не место во власти, тогда никаких достоинств ей не хватит».* Следовательно, вторым обязательным условием является отсутствие у губернатора гендерных шовинистических стереотипов. Третье условие — женщин чаще назначают на должность в кризисной обстановке. Четвертое — сама «скамейка запасных» должна быть слишком короткой, чтобы губернатор стал в принципе рассматривать кандидатуру женщины. Пятое — очень важен опыт предыдущей работы данной женщины с губернатором, когда она уже смогла продемонстрировать исключительную лояльность к этому политику.

Дополнительными значимыми ресурсами для карьерного продвижения женщины в региональной исполнительной власти является опыт руководства крупными общественными организациями и бесконфликтной работы с населением. *«За ней [женщиной] должен быть опыт успешной административной работы по профилю».*

Традиционно женской считается стратегия эмоционального подстраивания под руководителя. *«Вот это очень важно, попадать в губернатора. То есть говорить именно то, что он хочет услышать, что совпадает с его ощущениями, с его желанием двигаться в эту сторону».* Однако эксперты отмечают, что все чаще избыточную угодливость начинают проявлять и мужчины. *«Сейчас появилось очень много мужчин, которые действуют по той же схеме, что и женщины. То есть они настраиваются, они эмоционально реагируют, и в какой-то степени это тоже им обеспечивает карьерный рост. Потому что просто маскулинные стратегии, когда ты являешься крутым мужчиной, теперь уже не так востребованы».* Эксперты утверждают, что уровень интриг среди политиков-мужчин значительно выше, чем среди женщин, поскольку первые *«чувствуют себя главными игроками в этой игре, особенно вице-губернаторский корпус»*, а вторые пребывают в постоянном страхе проверок; *«женщины боятся, они думают, что за этим обязательно последует санкция».* Налицо — смена стереотипов гендерного поведения в условиях жесткой иерархии властных структур. *«Женщины жалуются на то, что они [мужчины] воруют их успехи, преподнося как свои, и вообще, оказывается, уровень такой конкуренции за власть, за собственный имидж и за собственную продуктивность очень высок».*

В оценках некоторых экспертов сквозит достаточно откровенное восприятие женщин только как объектов в политике. Они специально отмечают значимость гендерного фактора в matrimониальном контексте для карьерного роста и возможности выхода с регионального на федеральный уровень политической власти. *«Тарасов, да? Пожалуйста, выгодно жениться <...> Стратегии женитьбы, секс — это самые успешные стратегии. В условиях нестабильности в основном сразу видно, на ком надо жениться <...> С точки зрения “пролезть наверх” самое оптимальное — выгодно жениться, завести нужные знакомства первоначально, еще по работе где-то там, не считаться ни с кем, особенно с нравственно-моральными интересами других людей, выбираться наверх и конкурентов отстреливать. Вот самые оптимальные варианты».* Это касается и возможностей фаворитизма в карьерном росте в политике в современном Российском государстве (*«Ну, есть разные способы. Коррупция — способ? Способ. Чинопочитание — два. Третье — действительно <...> успешное, эффективное руководство. Ну и, конечно, нельзя не назвать женский фактор»*), и влияния на женский электорат (*«Ну, он [Навальный] только рот откроет и всё, все женщины его»*). По мнению ученых, и на уровне ожиданий и предпочтений электората во время голосования за политиков женщины остаются аутсайдерами. *«Для выборов народ хочет <...> Я думаю, это общий такой контекст. Мы живем в то время, когда везде культ молодого, успешного и т. д. Хотят молодых, сильных, успешных <...> Я думаю, что авторитет пожилого, умудренного, спокойного не катит уже <...> Мужчина, конечно*

Гендерные аспекты политических процессов

<...> А женщина, мне кажется, не подойдет <...> Я бы проголосовала за Оксану Дмитриеву. Но я всегда в меньшинстве».

Весьма любопытными оказываются и рассуждения экспертов о мотивации прихода в политику. В качестве основных выделяются социоцентрический и прагматический мотивы. Из самого контекста нижеследующего высказывания понятно, что именно женщинам приписывается стремление решить какие-то общие, значимые для всех задачи. *«Одно дело — я иду, чтобы обогатиться, другое дело — я иду для того, чтобы представлять интересы завода в Законодательном собрании. Это разные вещи. Но все равно инструментальные. Инструментальная политика — как инструмент достижения целей не всех, а только определенной группы <...> Есть немножко другое. Там какие-нибудь экологи <...> эти женщины-феминистки — у них мужья строем ходят. Им ничего в этом плане не надо, они хотят сделать общество лучше. Вот в чем разница. А те на общество положили в общем-то давным-давно, им главное для себя обеспечить что-то <...> Вот такие два мотива, а между ними еще масса всяких других есть <...> Судя по тому, что там сидят далеко не учителя <...> то люди туда идут для того, чтобы просто поддерживать свой бизнес. Либо свой, либо бизнес хозяина...»*

Итак, анализ глубинных интервью показал, что в сознании экспертов гендерный фактор в карьере связан со следующими темами: а) определенные пропорции представительства на различных этажах власти мужчин и женщин (чем выше должности, тем меньше шансов у женщин занять эти позиции и сохранить их); б) преимущественные направления деятельности женщин во власти (чаще всего социальная сфера, где очень много обязательств, но ресурсы и возможности карьерного роста ограничены); в) каналы прихода женщин во власть (преимущественно через общественные организации); г) различие мотивации мужчин и женщин при выборе политико-управленческой карьеры (приписывание женщинам более моральной, социально ориентированной мотивации); д) отношение к женщинам в политике как к объектам, а не как к полноценным политическим акторам. Безусловно, точность наблюдения и оценок ситуации экспертами в различных регионах не вызывает сомнения, однако в данном случае, поскольку гендерная тематика ни для одного из экспертов приоритетной не является, они выступили только как диагносты, фиксирующие состояние процесса, но не как прогнозно-ориентированные теоретики.

После окончания нестандартизованного глубинного интервью экспертам предлагали заполнить анкету для оценки по 10-балльной шкале значимости (1 — минимальная, 10 — максимальная значимость) двадцати различных факторов, в том числе и гендерной принадлежности, значимых для карьерного продвижения в политике на субфедеральном уровне. Из 22 экспертов анкету заполнили все, кроме одного. Мотивом отказа в данном случае была убежденность эксперта в том, что качественные методы сбора информации дают гораздо более надежные результаты, чем количественные. Тем не менее формализованные оценки экспертов также дали весьма любопытные результаты. Более половины экспертов оценили пол респондента как очень существенный фактор для политической карьеры, приписав ему от 7 до 9 баллов. Этот результат не был неожиданным, поскольку в ходе самих глубинных интервью о гендерном

аспекте эксперты говорили очень сжато, как о совершенно очевидном, значимом, но не требующем глубокого осмысления.

Неожиданным оказалось наличие корреляции между фактором пола и некоторыми другими переменными, включенными в анкету для экспертов. Так, коэффициент корреляции Пирсона между значимостью для карьеры пола политика и: а) карьерным ростом для профессиональной деятельности составил 0,431; б) степенью важности лидерских качеств — 0,484; в) значением отношения к политику вышестоящего руководителя — 0,422; г) оценкой статусной позиции как «трамплина» — 0,384; д) значением поддержки политической партии — 0,423; е) значением возраста как фактора карьерного роста — 0,646 (всё — при уровне значимости менее 0,05). Однако делать какие-то далеко идущие выводы на основе этих показателей представляется неоправданным. Судя по всему, в большинстве из этих примеров проявилась ложная корреляция, поскольку одновременно обнаружилась и статистически значимая взаимосвязь между значением карьерного роста для профессиональной деятельности и: а) степенью важности лидерских качеств (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,481); б) важностью отношения руководителя (0,575); в) значением поддержки политической партии (0,428). Кроме того, согласно экспертным оценкам существует связь между важностью лидерских качеств и: а) значением поддержки политической партии (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,553); б) значением возраста как фактора карьерного роста (0,403) (всё — при уровне значимости меньше 0,05). Скорее всего, в данном случае речь идет о взаимно влияющих друг на друга факторах, которые в наибольшей степени и определяют успешность политической карьеры.

Гораздо более интересным оказалось отсутствие в оценках экспертов, в отличие от выявляемых обычно расхожих стереотипов, статистической связи между фактором гендерной принадлежности и такими показателями, как: а) значимость признания среди коллег, хотя считается, что женщины психологически более зависимы от окружающей обстановки и ориентированы на установление хороших отношений; б) важность знаний и опыта предыдущей профессии, хотя на уровне обыденных представлений считается, что женщины, занявшие определенный пост, более квалифицированы, чем мужчины на аналогичных должностях; в) значимость личных связей, а также административного ресурса и мнения первого лица региона, хотя сами же эксперты в ходе интервью обращали внимание на то, что обязательным условием продвижения женщин в политике обычно является покровительство политика-мужчины, занимающего более высокий пост. Совершенно очевидно, что такая установка демонстрирует большую зависимость гендерного равенства в политике от культурных норм общества, чем от собственно степени демократичности институтов власти.

Анализ дискурса экспертов — политологов и социологов — также показал, что представители «сильного пола» в этой группе отнюдь не свободны от всех тех гендерных стереотипов в отношении женщин в управленческих структурах, что и большинство весьма далеких от науки людей. Хотя «объективно женщины обладают теми же способностями, что и мужчины, и могут реализо-

Гендерные аспекты политических процессов

вывать их за пределами традиционно отводящейся им роли» [4, с. 394], эксперты-мужчины были склонны говорить о гендерном факторе исключительно в духе разумности и/или неизбежности сохранения фактически неравноправного status quo сегодняшнего дня. Женщинам приписывается излишняя эмоциональность и нерациональность в ведении дел, использование в работе стратегий, не связанных напрямую с выполнением профессиональных обязанностей. Налицо раскол мнений по этому вопросу и в женской части экспертной группы: одни склонны с мужчинами соглашаться, другие убеждены, что недопустимо в современном обществе принимать как должное эти традиционные ограничения карьерных возможностей женщин в сфере управления регионами.

В России, вопреки прогнозам Р. Инглхарта и К. Вельцеля, согласно которым «традиционное представление о том, что “мужчины больше подходят на роль политического лидера, чем женщины”, быстро сходит на нет» [там же], гендерные стереотипы о «естественности» гендерного неравноправия в управленческой среде сохраняются даже среди признанных ученых-обществоведов. Совершенно очевидно, что связано это с проявлением патриархальности ценностных ориентаций, глубоко укорененных в культурной специфике российского общества. В частности, это связано со спецификой действия поколенческого фактора, поскольку все эксперты — авторитетные представители российского научного сообщества в проанализированном исследовательском проекте — относятся к средней и старшей возрастной группам.

Библиографический список

1. Властные структуры и группы доминирования / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2012. 520 с.
2. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России : вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006. 446 с.
3. Гаман-Голутвина О. В. Региональные элиты России : персональный состав и тенденции эволюции. М. : Изд-во РАГС, 2005. 69 с.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011. 464 с.
5. Кочетков А. П. Корпоративные элиты. М. : РОССПЭН, 2012. 222 с.
6. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М. : ИНИОН, 2000. 198 с.
7. Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : РОССПЭН, 2012. 320 с.
8. Человеческий капитал российских политических элит : политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопаля, А. В. Селезневой. М. : РОССПЭН, 2012. 341 с.
9. Чирикова А. Е. Региональные элиты России. М. : Аспект Пресс, 2010. 270 с.
10. Элиты и общество в сравнительном измерении : сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : РОССПЭН, 2011. 430 с.

ББК 66.4(4),0

Т. Б. Рябова, О. В. Рябов

«ГЕЙРОПА»: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗА ЕВРОПЫ В ПРАКТИКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Процесс политической мобилизации интерпретируется как задействование политическими акторами различных материальных и людских ресурсов для достижения своих целей, вовлечение индивидов и групп в различные формы политической активности. В современном мире политическая мобилизация осуществляется по преимуществу не с помощью насилия, а непрямыми методами, будь то использование авторитета политического лидера, манипулятивные методы, эксплуатация мобилизационного потенциала ценностей и символов [1]. Одним из них является апелляция к идентичности (индивида, партии, нации, масс и т. д.). С помощью подобной мобилизационной практики возможно, например, обеспечить необходимое электоральное поведение, поддержать политическое участие, направить или предотвратить гражданское действие.

Мобилизация идентичности индивидов, групп, общества в целом становится для политических акторов необходимой потому, что она представляет собой важное условие консолидации любой группы — это позволяет ей выступать субъектом политического действия [33, р. 3, 7, 123]. Кроме того, власть, осуществляемая через дискурсивное воздействие на идентичность, намного эффективнее, поскольку реализуется на микроуровне [27; 38, р. 17—21].

Практики политической мобилизации задействуют различные типы идентичности: национальную, гендерную, конфессиональную, цивилизационную и др. За последние годы в цивилизационной идентичности граждан Российской Федерации произошли ощутимые изменения: они перестали признавать себя европейцами, а Россию — частью Европы. Так, в 2011 г., согласно социологическому исследованию ИС РАН, европейцами считали себя лишь 13 % россиян; идея же «вхождения России в общеевропейский дом» набрала всего 7 % положительных ответов (доля таких ответов всего десятилетие назад была вдвое выше); мнение о том, что Россия является особой евразийской цивилизацией, разделяло более трети респондентов [6]. В 2012 г. «государством-цивилизацией», не растворяющейся в окружающем ее мире, назвал Россию В. Путин в своем послании Федеральному собранию [16], а в речи, произнесенной на заседании Валдайского клуба в сентябре 2013 г., развил этот тезис [4].

Европа как Чужой становится тем символом, который активно используется в процессах политической мобилизации. В своем исследовании мы бы хотели обратить внимание на то, какую роль в этих процессах играет гендерное

© Рябова Т. Б., Рябов О. В., 2013

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (руководитель С. В. Патрушев, Институт социологии РАН, Москва).

Гендерные аспекты политических процессов

измерение образа сегодняшней Европы. Наш анализ осуществляется прежде всего сквозь призму концепта «Гейропа», который в последние годы получает все большее распространение в российском Интернете¹. Вначале мы остановимся на содержании данного концепта и его влиянии на формирование российской идентичности. Далее предметом анализа станет вопрос о том, как концепт «Гейропа» используется в политической мобилизации.

Источниками для анализа стали материалы, посвященные теме гендерной инаковости Европы в ведущих СМИ за последний год (статьи журналистов, заявления политиков, комментарии на интернет-форумах).

Россия и Европа в условиях нового гендерного порядка

Термин «Гейропа», которым российские пользователи Интернета стали называть Европу по причине толерантного отношения к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, довольно быстро приобрел популярность и стал использоваться в более широком смысле — для обозначения девиантности европейского гендерного порядка Европы в целом и даже для обозначения европейских ценностей и европейской демократии («гомократии» [15]). В последовательную картину обвинения Европы в гендерной ненормальности стали складываться в начале 2013 г. в ходе дискуссий о легализации однополых браков во Франции и возможности усыновления российских детей однополыми семьями в США и Европе. Они высказывались журналистами, публицистами, идеологами, а также комментаторами на интернет-форумах. Подобные инвективы в гендерной девиантности не являются для отечественной культуры чем-то оригинальным. Концепт «загнивающего Запада», восходящий к трудам славянофилов, включал в себя утверждения о превосходстве российских семейных и гендерных норм [19]. Другим идейным источником нынешнего неприятия «Гейропы» выступает советская критика буржуазного гендерного порядка [20, с. 22]. Впрочем, необходимо принимать во внимание и то, что обвинения западной цивилизации в декадансе и изнеженности — важный компонент дискурса антизападничества в целом [30].

Однако сегодня гендерное измерение обвинений Запада стало одним из важнейших. Легализация в европейских странах однополых браков, рост влияния идеологии феминизма, разрушение семьи как социального института интерпретируются как уничтожение нормального гендерного порядка [25, 28]. Постулируется, что эти процессы ведут к закату европейской цивилизации, потому что тем самым, во-первых, извращается сама человеческая природа и уничтожаются основы человеческого сообщества; во-вторых, Европа обрекает себя на геополитическое поражение в соперничестве с исламской цивилизацией.

Маркируя определенным образом европейскую цивилизацию, концепт «Гейропа» становится фактором поддержания коллективной идентичности россиян. Нынешние различия гендерного порядка Европы и России, по мнению большинства авторов и комментаторов, обсуждающих тему, вытекают из самой сущности этих цивилизаций. Эссенциализация означенных различий осуществляется, в частности, при помощи апелляций к традициям культуры. Так,

¹ Основные поисковые системы дают тысячи ссылок по запросу «Гейропа».

В. Путин, объясняя собственное негативное отношение к идее узаконить однополые браки в России, сослался на необходимость уважать традиции российского общества [14, 16, 17]. Журналист М. Шевченко, пусть и не вполне всерьез, назвал россиян и большинство западных людей представителями разных гуманоидных видов, внешне похожих, но внутренне принципиально различных [29]. Само название его статьи — «Мы не Европа? И слава Богу!» — демонстрирует компенсаторный характер использования анализируемого концепта. Показательны и высказывания главы Чечни Р. Кадырова, сделанные в ходе Всероссийской конференции «Крепкая семья — основа России»: «К сожалению, немалая часть россиян хочет равняться на европейцев, на их образ жизни, хотя у большинства европейцев нет, по большому счету, ни культуры, ни нравственности. <...> Они приветствуют все нечеловеческое. У них однополые браки являются нормальным явлением. Даже страшно об этом говорить. Лично я не хочу быть европейцем» [10].

Исследуемый концепт не только используется в поддержании символических границ между Россией и Европой, но и включается в формулировку новой национальной идеи. Как известно, кризис коллективной идентичности, наступивший в постсоветский период, был связан с попытками определить место новой России в мировой истории. Для заполнения экзистенциального вакуума власти предлагали различные формулировки национальной идеи. В последнее время в медиапространстве становится заметной тенденция определять место России в современном мире с помощью противопоставления гендерного порядка России и Европы.

Комментируя одобрение Госдумой законов о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних и об усыновлении российских сирот однополыми семьями, глава Информационного отдела Московского патриархата В. Легойда подчеркнул, что сегодня Россия может «вновь сделать Европу христианской, то есть вернуться к тем идеалам, которые Европу и создали» [8]. Идея особой миссии России по защите традиционной семьи высказывается также журналистами и политиками. С. Марков, директор Института политических исследований, заметил, что «в постмодернистской Европе такого рода извращения, как гомосексуализм, признаются нормой, Россия же идет по другому пути, она определяет себя как консервативный фланг Европы и этим <...> преодолевает свой кризис идентичности». Благодаря этому Россия обретает искренних сторонников в Европе: «Она становится оплотом, крепостью и маяком для консервативных европейцев» [9].

Как мы видим, негативная оценка Европы помогает достижению собственной позитивной идентичности. Следует учитывать, что демаскулинизация Чужих — часть ремаскулинизации России, т. е. политики идентичности, характерной для российского общества 2000-х. Эта политика имеет два измерения: создание привлекательных образцов национальной маскулинности и образа России, наделенного маскулинными коннотациями (сила, независимость, рациональность и др.). В частности, культ силы в значительной степени лежит в основе образа России, выстраиваемого в символической политике периода президентства В. Путина [24] (что, например, нашло выражение в появлении такого национального символа, как «русский медведь» [21]).

Гендерные аспекты политических процессов

Характеризуя гендерный порядок российского общества 2000-х, необходимо отметить, что гегемонную маскулинность в современной России воплощает образ «русского мужика» — сильного, выносливого, самостоятельного, надежного товарища и патриота своей страны, не обремененного постулатами толерантности; он создается в противовес репрезентациям европейской маскулинности как слабой и изнеженной [24]. Схожим образом противопоставляются западные женщины, утратившие женские качества под влиянием идеологии феминизма, и соотечественницы, для которых феминизм неприемлем по определению (см. данные социологических исследований: [25, 28, 23]).

«Гейропа» в процессах политической мобилизации

Как тема «Гейропы» становится релевантной внутренней политике? Прежде всего отметим, что происходящие в Европе изменения репрезентируются как представляющие опасность для России. Эта идея не только весьма красочно выражена на форумах (например: «Теперь гомосексуальная Европа будет помогать нормальной России — учить демократии» [39]), но и все более становится элементом официального дискурса. Еще в марте 2013 г. глава МИД С. Лавров подверг критике Евросоюз за то, что западные ценности, в первую очередь защита гей-сообщества, выдаются за универсальные и навязываются России [13]. В сентябре 2013 г. представитель МИД выступил с заявлением, в котором обвинил западные страны в стремлении навязать другим свои «неолиберальные ценности в качестве универсальной основы жизнедеятельности», что «особенно заметно на примере агрессивного продвижения ими прав секс-меньшинств» [18]. Эта проблема рассматривалась даже в Совете безопасности Российской Федерации; в апреле 2013 г. секретарь Совбеза Н. Патрушев предложил уделить особое внимание «укреплению национальной безопасности в духовно-нравственной сфере», причем, как сообщили в Совбезе газете «Коммерсант», проблема однополых отношений занимает важное место среди угроз национальной безопасности [3]. Этот дискурс позволяет сторонникам власти позиционировать ее в качестве гаранта сохранения нормальности страны. Скажем, один из них на форуме высказывается об однополых союзах следующим образом: «Глядя на эту мерзость, понимаешь, что нет альтернативы Путину!» [12].

Обратим внимание на то, что гендерная девиантность Европы нередко интерпретируется как закономерное следствие развития западной демократии. Например, среди комментариев к статье, посвященной обвинениям Леха Валенсы в гомофобии, которым он подвергся в Польше, встречаются и такие: «За что боролся — на то и напоролся. Жрите свои европейские ценности ложками, товарищ Валенса!» [46].

В подобном контексте оппозиция власти в России маркируется в качестве проявления не только национального предательства, но и гендерной девиантности. Маскулинность и фемининность представителей «креативного класса» трактуются как извращенные и потому нелегитимные; политическая оппозиционность нередко объясняется их гендерной ненормальностью.

Следует заметить, что обвинение политических оппонентов в нетрадиционной сексуальной ориентации — распространенный прием политической мобилизации. Скажем, во время холодной войны он активно использовался в

американском политическом дискурсе периода маккартизма [35, р. 94—95]. В данном случае политическая мобилизация осуществляется с помощью апелляции к гендерной идентичности. Значимость гендерной идентичности в практиках политической мобилизации определяется тем, что взгляды на различия полов очень устойчивы. Кроме того, в обыденном сознании отношения между мужчинами и женщинами расцениваются как наиболее очевидные, понятные, а потому легитимные. Апелляция к гендерной идентичности представляет собой установление взаимосвязи между формами политического поведения индивида, с одной стороны, и определенными моделями маскулинности и фемининности — с другой. Фиксируя, что есть мужественность и женственность, отделяя «нормальную сексуальность» от «ненормальной», тем самым не только поощряют граждан к политической активности, но и подсказывают линию «правильного поведения» — «нормального» в политическом отношении. Подобные мобилизационные практики включают использование как позитивной, так и негативной гендерной идентичности; последнее предполагает стремление отличаться от Чужих в гендерном отношении. Г. Моссе, анализируя репрезентации гомосексуалистов и евреев в культуре Модерности, заметил, что позитивный стереотип мужчины получает дополнительную легитимацию при помощи создания негативного стереотипа мужчины, который не способен соответствовать идеалу [36, р. 6].

Иными словами, происходит переплетение различных идентификационных и иерархизирующих дискурсов. Напомним, что, в соответствии с методологическим принципом интерсекционализма (*intersectionality*), необходимо рассматривать социально конструируемые категории дифференциации (раса, гендер, класс и этничность) как влияющие друг на друга в процессе создания систем социальной иерархии (см. подробнее: [31, 32]).

Не являются эти технологии новыми и для российской политической культуры. Скажем, в период перестройки и первое постсоветское десятилетие широко использовались обвинения демократов в том, что они насаждают в России чуждые гендерные стандарты, включая распространение всех видов «сексуальных извращений» [34, 37].

Подобные мобилизационные практики широко применялись в ходе недавних выборов московского мэра. Исследуемая тема стала одной из заметных при освещении кампании А. Навального, одного из лидеров так называемой несистемной оппозиции. Прежде всего его противники постулировали, что основу оппозиции составляют активисты гей-движения [43]. Один из авторов, разоблачая технологии работы НКО, утверждал, что «активист двух-трех “правозащитных” организаций еще очень часто является и озабоченным своими “правами” геем, лесбиянкой или бисексуалом» [26].

В статье, характеризующей Навального как «кандидата от ЛГБТ», сообщается о его выступлении в защиту прав геев, лесбиянок и трансгендеров и о том, что представители ЛГБТ не остались в долгу и заверили блогера в своем расположении и симпатиях [11]. Оппоненты Навального широко тиражировали информацию о том, что, по данным голосования на портале Gay.ru, почти 70 % гомосексуалистов выразили готовность поддержать на выборах данного политика. Даже официальные лица не удержались от комментариев этой новости; так, глава одно-

Гендерные аспекты политических процессов

го из районов Тверской области в своем ЖЖ отметил: «“Голубые” знают — кого выбирают))). Как видим, ЛГБТ определились не только в сексуальных предпочтениях. Но и в политических тоже))). А кандидат Навальный нашел свою электоральную базу. Рад за него...» [41]. Газета «Взгляд», которая не скрывала, что поддерживает кандидата от «партии власти», сообщила также, что секс-меньшинства провели митинг против Путина в поддержку Навального в Амстердаме, тем самым помещая эту проблему в контекст международных отношений [48]. Для понимания процессов политической мобилизации особенно важным представляется то обстоятельство, что негативное отношение к гомосексуалистам используется для дискредитации не только политиков, но и избирателей — с целью мобилизовать электорат для «правильного» политического поведения. Один из форумчан формулирует эту мысль предельно заостренно: «Если ты поддерживаешь Навального, то ты гей?» [15]. Ему вторит другой комментатор в материале, озаглавленном «Навальный как проверка на голубизну» [40].

Таким образом, концепт «Гейропа» вовлекается в практики политической мобилизации при помощи репрезентаций гендерной ненормальности европейского общества как представляющей опасность для России. Кроме того, перспектива прихода оппозиции к власти представлена как угроза разрушения привычного гендерного уклада в стране. Например, в Интернете можно встретить немало комментариев такого рода: «Если либерастики доберутся до власти (тьфу 3 раза), то будут и дальше продавать детишек. Им очень хочется ходить на гей-парадиках. Петь в храмах панк-молебны. Однополые браки тоже очень хочется. Им хочется ВСЕ, что не хочется большинству в России» [47]. Наконец, происходит апелляция не только к национальной идентичности, но и к гендерной: если ты не гомосексуалист, то ты должен выступать против оппозиции. Иными словами, устанавливаются дискурсивные цепочки эквивалентности между оппозиционностью нынешней власти и гендерной девиантностью.

В свою очередь, сторонники либеральной оппозиции стремятся представить власть (и ее сторонников) как отсталых, далеких от прогрессивных тенденций развития человечества и чуждых духу европейской цивилизации, в основе которой — права и свободы человека. Они защищают нормы и ценности европейского гендерного порядка, утверждая, что патриархат и гомофобия выражают сущность нынешней политической системы. Это позволяет либеральной оппозиции получить поддержку среди представителей ЛГБТ-сообщества, которые, в частности, активно участвовали в митингах протеста 2011—2012 гг. [7]. При этом оппоненты гегемонного дискурса интерпретируют само акцентирование в пропрезидентских СМИ гендерной девиантности Европы в качестве пропагандистского приема (например, один из комментаторов пишет: «Все идет по плану. А то целевая аудитория еще подумает, что на Западе рай земной, и станет либерастами» [5]).

Вместе с тем представители либеральной оппозиции не могут не учитывать настроения в обществе. Далеко не все их сторонники готовы принять анализируемые европейские новшества. Во всяком случае, как показал опрос ВЦИОМ (июнь 2013 г.), подавляющее большинство россиян поддерживают введение запрета на пропаганду гомосексуализма в стране — 88 %, а 42 % считают, что нетрадиционная сексуальная ориентация должна быть уголовно на-

казуема [42]. Согласно опросу Левады-центра (июнь 2012 г.), 43 % респондентов разделяют мнение о том, что геи и лесбиянки обладают ущербной моралью, 32 % полагают, что они умственно неполноценны [45] (см. также: [44]).

Наш анализ был бы неполным, если бы мы не упомянули еще одну точку зрения — взгляды оппонентов власти из консервативной среды. В их глазах нынешняя власть слишком либеральна, она немногим отличается от прозападных либералов, и именно на нее возлагается ответственность за распространение нетрадиционных сексуальных отношений в российском обществе.

Подведем итоги. Вопрос об изменениях гендерного порядка европейских сообществ приобрел важное значение, будучи широко обсуждаемым в контексте таких проблем, как Россия и ее национальная идея, гендерный порядок российского общества, политическая система в России. По этому вопросу высказываются влиятельные политики и эксперты, ведущие издания публикуют статьи, которые вызывают массу комментариев². Европейская цивилизация репрезентируется как вырождающаяся, что проявляет себя в извращении «нормального гендерного порядка». Концепт «Гейропа» включается в политическую мобилизацию: Чужие в гендерном отношении становятся Чужими в отношении политическом и национальном. Учитывая значимость рассматриваемого вопроса для отношений России с Западом, можно предположить, что влияние «Гейропы» как мобилизационного ресурса будет нарастать. Наконец, подчеркнем еще одно обстоятельство. Мы уже обращали внимание на то, что политический дискурс представляет собой ресурс «создания гендера» в современной России [22]. Подчеркнем, концепт «Гейропа» становится и фактором организации гендерных отношений в российском обществе, поскольку с его помощью устанавливается гендерная норма и девиация, во-первых, и связывается определенный гендерный порядок с собственной нацией — во-вторых. Очевидно, вовлеченность темы в политический и национальный дискурсы в ближайшем будущем будет выступать значимым фактором, формирующим отношение в российском обществе к нетрадиционным сексуальным отношениям.

Библиографический список

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.* Социологический словарь. 2008. URL: <http://www.psyooffice.ru/slovar-s229.htm> (дата обращения: 08.08.2013).
2. *Асламова Д.* Франция пала под натиском гей-революции. Мы — следующие? URL: <http://www.kp.ru/daily/26068/2974895/> (дата обращения: 08.08.2013).
3. *Бекбулатова Т., Сафронов И., Иванов М.* На страже духовной безопасности Николай Патрушев поработает над новой для себя сферой. URL: <http://www.kommersant.ru/pda/kommersant.html?id=2178141> (дата обращения: 08.08.2013).
4. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сент.
5. Геи выбирают Навального. 17 июня 2013 г. : пост. URL: <http://ursa-tm.ru/forum/http://www.inosmi.ru/world/20130424/208425523.html> (дата обращения: 08.08.2013).

² Например, статья Д. Асламовой «Франция пала под натиском гей-революции. Мы — следующие?» в «Комсомольской правде» собрала на форуме газеты около 2000 комментариев [2].

Гендерные аспекты политических процессов

6. Европейцев в России — 13 %, оплот евразийства — москвичи // Русский обозреватель. 2012. 20 янв. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/16415> (дата обращения: 02.09.2013).
7. *Жвания Д.* Тема ЛГБТ — лакмусовый симулякр. URL: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/12/17/15272.html> (дата обращения: 08.08.2013).
8. Запрет на усыновление российских детей геями в РПЦ назвали суверенным выбором России. URL: <http://www.newsru.com/religy/19jun2013/verbot.html> (дата обращения: 08.08.2013).
9. Знаменуют самоидентификацию России. URL: <http://www.vz.ru/politics/2013/6/11/631085.html> (дата обращения: 08.08.2013).
10. Кадыров: европейцы приветствуют все нечеловеческое. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2013/09/13/n_3181757.shtml (дата обращения: 08.08.2013).
11. *Калашикова Е.* Гей-парад Навального. 23.07.2013. URL: <http://www.dni.ru/polit/2013/7/23/256680.html> (дата обращения: 08.08.2013).
12. *Кламель Ж.* Однополые браки: поцелуй депутатов от соцпартии Яна Галю и Николая Бзя для потомков : пост. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130128/205161448.html> (дата обращения: 08.08.2013).
13. Лавров считает выходку Pussy Riot святотатством. 21 марта 2012 г. URL: www.newsland.ru/news/detail/id/918554/ (дата обращения: 08.08.2013).
14. «Однополые браки в Чечне?! До жертв бы дошло!» — Путин затмил себя в Амстердаме. URL: <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/04/09/838297-odnopolyie-braki-v-chechne-do-zhertv-byi-doshlo-putin-zatmil-sebya-v-amsterdame.html> (дата обращения: 08.08.2013).
15. «Однополые браки — критерий демократии». 11 июля 2013 г.: пост. URL: <http://www.ursa-tm.ru/forum/index.php> (дата обращения: 08.08.2013).
16. Послание Президента Федеральному собранию. 12.12.2012. URL: <http://президент.рф/новости/17118#sel=69:20,69:44> (дата обращения: 08.08.2013).
17. Президент рассказал об отношении россиян к однополым бракам. URL: <http://www.utro.ru/articles/2013/04/08/1112073.shtml> (дата обращения: 08.08.2013).
18. Российский МИД попенял Западу на «агрессивное» продвижение гомосексуализма по миру. URL: <http://www.newsru.com/world/13sep2013/dolgov.html> (дата обращения: 13.09.2013).
19. *Рябов О. В.* Национальная идентичность : гендерный аспект : дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2000. 300 с.
20. *Рябов О. В.* Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 19—28.
21. *Рябов О. В.* Охота на медведя: о роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). С. 195—211.
22. *Рябова Т. Б.* Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8, вып. 4 (32). С. 307—320.
23. *Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение российского антиамериканизма : (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 21—35.
24. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Настоящий мужчина российской политики? : (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полит. исслед. 2010. № 5. С. 48—64.
25. *Рябова Т. Б., Цалко Е. О.* «Русский мужик»: о роли гендерных маркеров в национальной идентификации // Europe — Russia: Images, Contexts, Discourses / ed. by I. Novikova. Riga : LU DZSC : LEVIRA, 2011. С. 206—220.
26. *Стариков Н.* Так работают НКО — технология разрушения. URL: <http://nstarikov.ru/blog/21774> (дата обращения: 02.09. 2013).

27. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет. М. : Касталь, 1996. 448 с.
28. Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.
29. Шевченко М. Мы не Европа? И слава богу! // Московский комсомолец, 2013. 11 февр.
30. *Buruma I., Avishai M. Occidentalism : the West in the Eyes of its Enemies. New York : Penguin Books, 2004. 160 p.*
31. *Collins P. H. Gender, black feminism, and black political economy // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2000. Vol. 568, № 1. P. 41—53.*
32. *Crenshaw K. W. Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color // Stanford law rev. 1991. Vol. 43, № 6. P. 1241—1299.*
33. *Du Preez P. The Politics of Identity: Ideology and the Human Image. Oxford : Blackwell, 1980. 178 p.*
34. *Goscilo H. Dehexing Sex : Russian Womanhood during and after Glasnost. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1996. 192 p.*
35. *May E. T. Homeward Bound : American Families in the Cold War Era. New York : Basic Books, 1988. 302 p.*
36. *Mosse G. L. The Image of Man : the Creation of Modern Masculinity. New York : Oxford University Press, 1996. 240 p.*
37. *Riabova T., Riabov O. «U nas seksa net»: Gender, Identity, and Anticommunist Discourse in Russia // State, Politics, and Society : Issues and Problems within Post-Soviet Development / ed. by A. Markarov. Iowa City : University of Iowa, 2002. P. 29—38.*
38. *Smitherman-Donaldson G., van Dijk Teun A. Introduction : words that hurt // Discourse and Discrimination. Detroit (MI) : Wayne State University Press, 1988. P. 11—22.*
39. URL: <http://echo.msk.ru/news/1006010-echo/comments.html#comments> (дата обращения: 08.08.2013).
40. URL: <http://evolution-march.livejournal.com/1165749.html> (дата обращения: 08.08.2013).
41. URL: <http://oleg-dubov.livejournal.com/436514.html?thread=4823842&> (дата обращения: 08.08.2013).
42. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114190russia.ru/Razgvlad/status/3fff10000012a> (дата обращения: 08.08.2013).
43. URL: <http://yablor.ru/blogs/navalniy-i-gei/2759714> (дата обращения: 08.08.2013).
44. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/996436-echo/> (дата обращения: 08.08.2013).
45. URL: <http://www.levada.ru/22-08-2012/bolee-poloviny-rossiyan-protiv-idei-provedeniya-gei-paradov> (дата обращения: 08.08.2013).
46. URL: <http://www.russia.ru/Razgvlad/status/3fff10000012a> (дата обращения: 08.08.2013).
47. URL: <http://www.russia.ru/Serg1961/status/39eb60000093e> (дата обращения: 08.08.2013).
48. URL: <http://www.vz.ru/news/2013/9/3/648409.html> (дата обращения: 08.08.2013).

ББК 66.3(6),1

Л. Я. Прокопенко

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ОРГАНАХ ВЛАСТИ (Опыт стран южноафриканского региона)

Гендерные аспекты политических процессов

Партнерство России и Южно-Африканской Республики (ЮАР) в рамках БРИКС¹ открывает новые возможности для сотрудничества наших стран. Для России участие в БРИКС — одно из главных направлений внешней политики. Новый этап в развитии отношений Российской Федерации и ЮАР связан с рабочим визитом российского президента В. В. Путина в ЮАР в марте 2013 г. Теперь уже не вызывает сомнения, что «...поступательное движение человечества невозможно без участия Африки. Более того, становится все яснее, что дело не только в природных ресурсах континента, но и в человеческом капитале, составляющем 1 млрд, и в способности его к переменам» [16, с. 64].

Для развития двусторонних связей между Россией и ЮАР необходимо расширение и углубление знаний друг о друге. Остаются актуальными слова первого президента ЮАР Н. Манделы о том, что «Южную Африку и Россию должно объединять будущее, их не должны разъединять ни географическая отдаленность, ни прошлые заблуждения, ни политические мифы» (цит. по: [5, с. 4]). Историческим связям между нашими странами посвящен ряд монографий российских исследователей-африканистов². В ЮАР живут наши соотечественники, которые в последние годы предприняли ряд практических шагов по объединению³.

ЮАР занимает лидирующие позиции в Сообществе развития Юга Африки (САДК). В 2000-х гг. ряд стран Юга Африки достигли значительных успехов в гендерной симметрии в политике, что свидетельствует о возрастании роли женщин в политическом процессе и продвижении их по пути реализации Цели № 3 (Поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин) Целей развития тысячелетия ООН, принятых в 2000 г. на Саммите тысячелетия. В 2009 г. ЮАР вошла в первую десятку государств мира по этому показателю: она была на 2-м месте по количеству женщин — депутатов парламента и на 5-м месте по количеству занимаемых женщинами министерских постов [10]. В августе 2012 г. президент Дж. Зума заявил о необходимости увеличить представительство женщин в органах власти до 50 % [9]. Согласно данным Межпарламентского союза (Inter-Parliamentary-Union, IPU), в июле 2013 г. в Совете Федерации Российской Федерации было 8 % женщин (13 из 163 депутатов), в Госдуме — 13,6 % (61 из 450 депутатов) [29]. По показателям женского представительства в парламенте Россия занимает в списке Межпарламентского союза из 142 стран 96-е место, доля его со Свазилендом — одной из стран Юга Африки. Представительство женщин в большинстве стран этого региона находится на уровне 30 % [там же]. Их опыт может оказаться полезным для России.

Расширение участия женщин в принятии важных государственных решений и разработка мер по недопущению изоляции женщин от политической жизни — один из факторов демократизации общества, в том числе африканского. В странах

¹ Новое международное объединение, в которое входят Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика.

² См., напр.: [17, 4]. См. также: *Архангельская А. А.* Внешняя политика демократической ЮАР. М.: Ин-т Африки РАН, 2012. 263 с.

³ См., напр.: *Горелик Б. М.* На темной стороне Земли. Российские женщины в Южной Африке // Африка: гендерное измерение / сост. и отв. ред. Н. Л. Крылова, Н. А. Ксенофонтова. М.: Ин-т Африки РАН, 2010. С. 201—223.

региона насчитывается много проблем, решение которых требует участия женщин (проблемы образования; проблемы насилия над женщинами и детьми, связанные в свою очередь с проблемой СПИДа; проблемы адаптации детей — участников бывших военных конфликтов (в Анголе и Мозамбике)).

В истории ЮАР было немало женщин, которые внесли весомый вклад в борьбу за гендерное равноправие⁴. Южноафриканская писательница О. Шрейнер одной из первых стала серьезно изучать гендерные проблемы в Европе и Африке. Ее книга «Женщина и труд» (1911) о положении женщины в обществе получила серьезный резонанс в Европе. Женщины принимали активное участие в борьбе с режимом апартеида. Их решимость в борьбе подчеркивали сами лозунги, которые часто звучали во время демонстраций протеста: «Дотронувшись до женщины, дотрагиваешься до скалы!» [30]. Многие из них были членами партии «Африканский национальный конгресс» (АНК) — сейчас правящей партии ЮАР. В стране и за ее пределами известны имена Р. А. Саймонс, Л. Нгойи, В. Мадикизелы-Манделы, Д. Ньембе. Д. Ньембе — одна из первых членов парламента новой Южной Африки и создателей демократической конституции, в стране ее любовно называли «Мама Ди». Правительство СССР наградило ее орденом Дружбы народов [26].

В политических элитах ЮАР, Анголы, Мозамбика и Зимбабве есть женщины, сражавшиеся за независимость своих стран с оружием в руках. Партизанское прошлое у вице-президента Зимбабве Дж. Муджуру (в то же время она известна как разработчик идеологической подоплеки начатой в 2000 г. земельной реформы, сводившейся в основном к вытеснению белых фермеров). Премьер провинции Северо-Запад Т. Модисе (ЮАР) была членом «Умконтото ве сизве» («Umkhonto we Sizwe» — «Копье нации», боевое крыло АНК). М. Нашанди (посол Намибии в странах Скандинавии в 1990-х гг.) прошла военную подготовку и была в Народно-освободительной армии Намибии (военное крыло партии СВАПО). Лидер оппозиционной партии «Демократический альянс» Х. Зилле (ЮАР) — в прошлом известный журналист и активная участница антирасистского движения.

По многим направлениям политики гендерного равенства пионером среди стран региона стала ЮАР. Ее достижения в области равноправия полов — результат 19 лет общих усилий правительства АНК, парламента и общественных организаций страны. Политическую волю правительства красноречиво демонстрирует тот факт, что за годы становления демократии принято более 30 законодательных актов, имеющих целью достижение женского равноправия. Созданная по решению парламента Национальная комиссия по гендерному равенству, в которую вошли представители обоих полов, начала работать в 1997 г. Положение, согласно которому в составе парламента и кабинета министров должно быть не менее 30 % женщин, действует с 1999 г.

⁴ Тема гендерного равенства в политике присутствует в тематике группы гендерных исследований Института Африки РАН под руководством Н. Л. Крыловой и Н. А. Ксенофоновой. См.: Гендерные проблемы переходных обществ. М. : Ин-т Африки РАН, 2003. 238 с. ; Гендер и власть: семья, общество, государство. М. : Ин-т Африки РАН, 2008. 432 с. ; Африка : гендерное измерение / сост. и отв. ред. Н. Л. Крылова, Н. А. Ксенофонтова. М. : Ин-т Африки РАН, 2010. 366 с.

Гендерные аспекты политических процессов

В большинстве стран существуют как юридические, так и институциональные условия для развития политической активности женщин. Равенство полов закреплено, например, в конституциях ЮАР (ст. 187) [21], Намибии (ст. 10, п. 2) [20].

Успеху в реализации гендерного равенства на Юге Африки способствует использование системы квот женского представительства на выборных должностях. Государства региона входят в САДК, принявшее в 1997 г. специальную декларацию, в которой была поставлена цель до 2005 г. установить в странах — членах этой организации представительство женщин на руководящих должностях на уровне 30 % (в соответствии с рекомендациями Комиссии ООН по улучшению положения женщин, принятых в 1990 г.). В середине 2000-х гг. 30 %-й уровень представительства женщин в парламенте отмечался в ЮАР и Мозамбике. В ноябре 2011 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) на чрезвычайной встрече САДК по гендерным проблемам обсуждался план действий на период до 2016 г., были утверждены новые меры по дальнейшей активизации усилий стран — членов организации в этом направлении.

Гендерные квоты установлены также в политических партиях. В ЮАР в 2003 г. правящая партия АНК установила квоту для женщин в партийных списках на уровне 1/3 от общего числа кандидатов, а с 2007 г. действует 50 %-я квота представительства женщин во всех его выборных структурах [18]. К 2013 г. гендерные квоты были также установлены в Намибии (50 %), Мозамбике (40 %), Анголе (30 %), Зимбабве (30 %) и Малави (25 %). Отсутствуют такие квоты в партиях Ботсваны, Замбии, Лесото и в Свазиленде (в этой стране действует запрет на деятельность политических партий). Необходимо отметить, что в ЮАР и Мозамбике квотирование осуществляется на основе добровольной квоты на кандидата от партии, а в Анголе и Намибии — на основе законодательно установленной квоты. Тем не менее в некоторых странах квоты соблюдаются не полностью, например в Зимбабве.

В плане квотирования женского представительства в органах власти государства региона развиваются соответственно мировым тенденциям. Как отмечает С. Г. Айвазова, «...именно квоты помогли установлению гендерного баланса в структурах власти во многих странах мира, где женщины стали оказывать свое плодотворное влияние на политический процесс» [2]. В условиях нынешней политической культуры в странах Юга Африки в обозримом будущем систему квот женского представительства в органах власти вряд ли можно рассматривать как временную.

Национальные механизмы реализации гендерного равенства развиты во всех странах региона, но они отличаются степенью структурированности и уровнем координации их структур. Наиболее развит национальный механизм в ЮАР, он хорошо структурирован и охватывает все уровни госуправления. Наряду с подразделениями в правительстве, Национальной ассамблее (парламенте), судах и специальных комиссиях созданы подразделения в институтах гражданского общества. Успехи проведения политики гендерного равенства в ЮАР стали результатом многолетней деятельности этих структур, основанной на взаимодействии и кооперировании. В национальном механизме по гендерному равенству в ЮАР выделены три основные цели: достижение равных возможностей

женщин и мужчин в политической, гражданской, социально-экономической и культурной сферах; приоритетизация потребностей женщин, поскольку они в большей мере пострадали от системы апартеида; трансформация всех национальных, региональных и местных институтов посредством интеграции в их деятельность комплексного гендерного подхода [3, с. 583].

НПО присутствуют также в национальных механизмах Мозамбика, Свазиленда, Ботсваны, но в последней из перечисленных стран их деятельность в основном ограничена только столичным регионом Габороне. В Замбии и Лесото они не включены в национальный механизм. Необходимо отметить, что в Анголе, Мозамбике и Намибии, прошедших путь урегулирования внутренних конфликтов, национальные механизмы сохранились во многом благодаря поддержке международных организаций.

Значительный опыт электорального участия, в том числе на выборах в парламент, имеют женщины Ботсваны, Замбии и ЮАР, т. к. в этих странах демократические выборы проходили неоднократно: в Ботсване — 10 раз, Замбии — 6, ЮАР — 4 раза. По представительству женщин в законодательном органе некоторые страны региона занимают довольно высокие позиции. В 2011 г. женщины в парламенте составляли более 30 % в ЮАР (44,5 %), Мозамбике (39,2 %), Анголе (38,6 %) и Намибии (32 %) [12, с. 50]. Эти показатели близки к показателям развитых европейских стран, например Нидерландов (39,3 %) и Швеции (45 %) [там же].

Согласно данным САДК, приблизительно на одном уровне находится представительство женщин в парламентах Лесото (26 %), Малави (22 %) и Свазиленде (22 %) [23, р. 23]. В Замбии после выборов 2011 г. в 150-местном парламенте депутатские мандаты получили только 16 женщин (12 %) [23, р. 27], причем половина из них — члены победившей на выборах оппозиционной партии Патриотический фронт. Число женщин-парламентариев по сравнению с созывом 2006 г. несколько сократилось (тогда их было 15 %). В Ботсване, несмотря на значительные успехи демократии⁵, отмечаются явные «перекося» гендерной симметрии в политике в сторону представительства мужчин. В 2012 г. в парламенте было 8 % женщин, в кабинете министров — 21 % [23, р. 21]. Участие женщин в принятии важных решений на протяжении десятилетий остается низким как в парламенте и правительстве, так и на уровне местных властей.

В странах региона женщины-политики часто являются многодетными матерями. Например, в ЮАР министр внутренних дел Н. Дламини-Зума — мать 4 детей, столько же — у премьера провинции Северо-Запад Т. Модисе, у премьера провинции Северный Кейп Х. Дженкинс — 3 ребенка. Отстаивая права женщин-матерей, депутаты парламента предпринимают попытки его реформирования. Например, в середине 2000-х гг. в ЮАР женщины — депутаты от АНК настояли на том, чтобы расписание заседаний парламента было составлено с учетом школьных каникул [12, с. 39]. Как отмечает американский исследователь Х. Э. Бриттон, «депутаты-женщины с самого начала сво-

⁵ Ботсвану часто называют витриной африканской демократии.

Гендерные аспекты политических процессов

его избрания стали «перестраивать» парламент, создавая возможность для реализации прав женщин» [19, р. 7].

В начале 2000-х гг. женщины-парламентарии из ЮАР (Ж. Махлангу) и Намибии (М. Н. Менсах-Уильямс) были членами исполкома Межпарламентского союза, причем последняя из них была его вице-президентом.

Успехи стран южноафриканского региона по уровню представительства женщин в парламенте отметил президент Межпарламентского союза А. Ради на 127-й Ассамблее, состоявшейся в Квебеке (Канада) в октябре 2012 г.

Представлены женщины и в правительствах. В ЮАР женщины-министры были в правительстве национального единства во главе с Н. Манделой (например, Н. Дламини Зума, М. Рамос, С. Мтемби-Нкондо), правительстве президентов Т. Мбеки и К. Мотланте. В мае 2009 г. в кабинете министров нынешнего президента Дж. Зумы портфели министров получили 12 женщин, в 2013 г. их стало 13 (ок. 40 %) [28]. Увеличилось число женщин-министров в Анголе и Мозамбике, в 2012 г. их было по 8 человек.

В Намибии высокие партийные квоты для женщин (50 %) не стали гарантом гендерной симметрии на уровне правительства: 2012 г. в кабинете министров было 5 женщин (19 %) [23, р. 22]. Тем не менее число женщин-министров увеличилось, т. к. в 2010 г. в правительстве президента Х. Похамбы из 24 министров их было только 3.

Не реализованы пока требования САДК о 30 %-м уровне представительства женщин в правительстве в Замбии. С момента начала возврата страны к многопартийности (1991) этот показатель остается стабильно низким. В правительстве Ф. Чилубы женщин не было вообще, в правительстве следующего президента — Л. Мванавасы было 4 женщины-министра, столько же получили портфели министров в кабинете президента Р. Банды. После неоднократных изменений в правительстве нынешнего президента М. Саты, произведенных в 2012—2013 гг., из 20 министерских постов женщины занимали только 3 (14 %) [23, р. 27]: Э. Кабанши — министр местного управления и жилищного строительства, И. Вина — министр по делам равноправия полов и охраны детства и С. Масебо — министр туризма и искусств. В числе 37 заместителей министров — 5 женщин. Не достигли пока целей САДК по женскому представительству в правительстве Свазиленда (25 %), Малави (23 %) и Лесото (22 %) [23, р. 23].

До 2000-х гг. прерогативой женщин-министров в правительствах большинства стран региона была социальная сфера (образование, здравоохранение, проблемы женщин, молодежи и детей). Сегодня одной из тенденций формирования политического руководства на Юге Африки стало назначение женщин на государственные посты, связанные с внешней политикой и безопасностью. И по этому направлению лидирует ЮАР, где женщины были министрами иностранных дел в правительстве президентов Т. Мбеки (Н. Дламини-Зума — первая женщина на этом посту в истории страны) и Дж. Зумы (в 2013 г. министром международных отношений и сотрудничества стала М. Нкоана-Машабане). В 2008 г. в правительстве президента К. Мотланте пост министра внутренних дел занимала Н. Маписа-Нкакула, в настоящее время на этом посту находится Н. Дламини-Зума, а министром обороны и по делам ветеранов является

Л. Сисулу. В Малави пост министра иностранных дел в 2006—2009 гг. занимала нынешний президент страны Дж. Банда. В 2013 г. в Намибии министр иностранных дел в правительстве Х. Похамбы — Н. Нанди-Ндаитва. Женщины заведуют финансами страны, например, в разное время министрами финансов были С. Куугонгелва (Намибия), Э. З. Навакви (Замбия) и другие.

По показателю представительства женщин в органах местной власти в регионе лидирует Лесото. В 2005 г. он составил 58 %. Однако после выборов, состоявшихся в 2011 г., он снизился до 49 % [23, р. 30]. Крайне мало женщин в органах местной власти в Свазиленде — 14 % [23, р. 23].

В 2006—2009 гг. мэром г. Кейптаун (ЮАР) была лидер оппозиционной партии «Демократический альянс» Х. Зилле. В 2011 г. мэром этого города стала П. де Лилль. В Ботсване в 2012 г. заместителем мэра столицы страны г. Габороне назначена Ф. Шагва.

В последние годы появилась тенденция участия в парламентских выборах и на выборах в местные органы власти женщин, которые баллотируются в качестве независимых кандидатов. Например, в 2011 г. на выборах в законодательный орган Замбии было 14 таких кандидатов, а в Лесото в том же году на местных выборах они составили 17,3 % от общего числа кандидатов.

Женщины становятся также членами Палаты вождей, которые в Замбии, ЮАР и Ботсване являются консультативными органами при президенте или парламенте. Так в Ботсване в Палату вождей (Ntlo ya Dikgosi), насчитывающую 35 членов, входят 3 женщины.

Одной из особенностей становления и развития новой политической элиты в ЮАР и Зимбабве является африканизация⁶ политического аппарата. Тем не менее этот процесс реформирования властных структур все же не носит крайних форм. В ЮАР в 1999 г. парламентским советником президента Т. Мбеки была назначена белая женщина С. ван дер Мерве, в правительстве президента К. Мотланте в 2008 г. пост министра здравоохранения занимала Б. Хоган (белая), она вошла также в кабинет министров следующего президента — Дж. Зумы. После произведенных им в 2010 г. изменений сегодня в числе 13 женщин-министров 11 черных и 2 цветных — министр сельского хозяйства, лесов и рыболовства Т. Джоэмат-Петтерссон и министр обороны и по делам ветеранов Л. Сисулу. Белая женщина Х. Дженкинс занимает пост премьер-министра провинции Северный Кейп.

Продвижению африканок в политику в значительной мере способствует довольно высокий уровень грамотности женщин, который в большинстве стран региона составляет более 80 % (Лесото, Зимбабве, ЮАР, Намибия, Ботсвана, Свазиленд, Замбия) [27]. Многие министры и члены парламента имеют высшее образование, полученное не только в национальных вузах, но и на Западе.

⁶ Система политических и административных мер, принятых в независимых странах Африки в 1960—1970-х гг. (в некоторых странах и в последующий период), которые направлены на отстранение белых от руководящих должностей в системе государственного управления, экономики, преподавания в высших учебных заведениях и замену их коренными африканцами.

Гендерные аспекты политических процессов

В высшем эшелоне политических элит довольно остро стоит проблема смены поколений. Тем не менее женская часть состава парламентов и правительств «молодеет». В ЮАР в 2013 г. самым молодым министром является 49-летняя министр сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства Т. Джоэлат-Петтерссон. Заместителю министра коммуникаций Т. Ндебени всего 30 лет, а лидеру парламентской фракции оппозиционной партии «Демократический альянс» Л. Мазибуко 33 года (она одна из четырех самых молодых депутатов в ЮАР). При смене поколений в элитах очень важно, чтобы молодые политики продолжили традиции сотрудничества между нашими странами.

Опыт политической работы, в том числе в сфере коммуникаций, помогает некоторым женщинам-политикам успешно реализовать себя на дипломатическом поприще. И наоборот — бывшие дипломаты делают политическую карьеру. В дипломатическом корпусе стран Юга Африки много таких женщин: Ш. Сисулу (ЮАР), И. Мбикусита-Леваника (Замбия), Г. К. Т. Чипе и М. Н. Наша (Ботсвана), Ж. П. Диаките и М. О. Рибейро (Ангола), Н. Шимминг-Чейз и М. Нашанди (Намибия) и другие. В 2013 г. в Москве женщины возглавляют два посольства государств Юга Африки: Б. С. Ратеди (Ботсвана) и Т. А. Дламини (Королевство Свазиленд). Интересно, что во главе посольства Ботсваны в Москве женщина находится уже во второй раз: в 2000 г. им была Э. Маджинда. (Кстати, список советских/российских женщин-дипломатов короток: А. М. Коллонтай, З. В. Миронова, З. Г. Новожилова, В. Н. Калмык, В. И. Матвиенко.) Женщины-советники работают в посольствах ЮАР и Зимбабве, женщины занимают должности 1, 2 и 3-х секретарей в посольствах ЮАР, Замбии, Зимбабве и Намибии. В посольствах ЮАР и Анголы женщины также работают в должности военных атташе.

В марте 2004 г. в Государственной думе Российской Федерации состоялась встреча женщин-депутатов с женщинами — послами аккредитованных в России зарубежных стран, посвященная роли женщины в современном мире. В ней приняли участие некоторые женщины-дипломаты из стран Юга Африки.

Из 54 стран Африки только в двух (в том числе в стране-члене САДК — Малави) президентом является женщина. Президент Либерии Э. Джонсон-Серлиф (избрана в 2006 г.) стала первой в истории Африки женщиной-президентом. Она имеет большой опыт работы в международных организациях, в частности в качестве высокопоставленного чиновника Всемирного банка. В Малави главой государства является Д. Банда, занявшая этот пост после смерти президента Б. ва Мутарики в апреле 2012 г. как вице-президент страны. Смело заявляют о готовности взять на себя судьбу страны женщины-политики в некоторых других странах Юга Африки. Дважды за последние десять лет женщины баллотировались на пост президента в Замбии: в 2001 г. — одна из лидеров партии «Повестка дня» Замбии И. Мбикусита-Леваника, в 2011 г. — лидер партии «Форум за демократию и развитие» Э. З. Навакви. Обе они получили на выборах менее 1 % голосов избирателей, однако Навакви достигла равного результата с другими шестью неосновными кандидатами-мужчинами, за каждого из которых также проголосовали менее 1 % избирателей. В 2009 г. заявила, что планирует выдвинуть свою кандидатуру на очередных президентских выборах, назначенных на 2016 г., М. Мванаваса — вдова покойного пре-

зидента Замбии Л. Мванавасы и видный деятель бывшей правящей партии «Движение за многопартийную демократию» [25]. Председатель Комиссии Африканского союза, бывшая супруга президента ЮАР Дж. Зумы — Н. Дламини-Зума накануне выборов президента АНК в 2007 г. официально заявила о своей готовности стать руководителем партии, «если бы она обратилась к ней с таким предложением» [11]. В Намибии в 2009 г. заявила о своих президентских амбициях М. Нашанди (бывший посол в странах Скандинавии), но это осталось на уровне намерений.

Сами президенты в некоторых странах признают возможность (и даже необходимость) появления женщины на вершине властной пирамиды. Президент Замбии Л. Мванаваса в мае 2003 г. в официальном обращении к согражданам, посвященном очередной годовщине независимости страны, заявил, что «следующим президентом страны должна стать женщина» [24]. По некоторым утверждениям, президент ЮАР Т. Мбеки в 2007 г. в случае своей победы на съезде АНК планировал выдвинуть на пост нового президента страны кандидатуру Н. Дламини-Зумы.

Не все мужчины-политики в регионе преодолевают в себе чувство гендерного превосходства [22]. Мужской шовинизм прослеживается даже в ЮАР, где результаты официальной гендерной политики оказались достаточно эффективными. А. Б. Давидсон и И. И. Филатова отмечают: «Любой зулус объяснит вам, почему многие из его соотечественников считают едва ли не оскорблением тот факт, что заместителем президента страны после снятия с этого поста Дж. Зумы была назначена зулуска П. Мламбо-Нгкука. Дело не только в том, что она женщина, хотя и этот фактор неблагоприятный: негоже женщине представлять в правительстве нацию великих воинов» [6, с. 430]. Не исключен момент мужского шовинизма в случае отношения ныне покойного президента Малави Б. ва Мутарики к вице-президенту страны Дж. Банде. Он отрицал возможность избрания ее следующим президентом, настаивая на выдвижении в качестве своего преемника кандидатуры брата Питера, занимавшего тогда пост министра иностранных дел. Для Дж. Банды конфронтация с президентом закончилась ее исключением в 2010 г. из правящей Демократической прогрессивной партии.

Для успеха карьеры женщин-политиков (как и для коллег-мужчин) важен их имидж. Специалисты в этой области отмечают, что для мужчин-избирателей в образе идеальной женщины-политика очень важен фактор «мать нации» [13, с. 19]. Именно этот фактор ясно виден на примерах некоторых южноафриканских женщин-политиков. По крайней мере, так это подается во время избирательных кампаний их партиями или НПО, которые они представляют. Однако не все лидеры соответствуют такому заявленному имиджу. Например, один из членов руководства АНК В. Мадикизела-Мандела (ЮАР), которую в свое время часто называли матерью нации, в конце 1990-х гг. обвинялась в причастности к убийству [17, с. 354], что, впрочем, не помешало ей участвовать в 2007 г. в выборах президента АНК.

Достигнутые женщинами успехи в политической сфере пока мало отражаются на социально-экономическом положении женщин этих стран. Особенно остро в регионе стоит проблема насилия в отношении женщин. В Ботсване в

Гендерные аспекты политических процессов

2000 г. женщины-парламентарии поддержали женскую ассоциацию «Эманг Басади», выступившую против высокого уровня сексуального насилия в стране. Это во многом способствовало разработке национальной программы борьбы со СПИДом. В том же году в Намибии был принят закон «О борьбе с сексуальным насилием».

Африканские женщины-политики участвуют в принятии решений в обществе, где очень сильны этнический фактор и клановость. Влияние африканских традиций не ограничивается только элементами габитарного имиджа этих женщин. Колоритные красочные наряды, в которых они часто появляются и у себя на родине, и на международных форумах, лишь внешнее проявление этничности. На политическую культуру государственных деятелей стран региона во многом влияет этническое сознание. В условиях существующей системы неформальных отношений в политике (родственные, этнические и клановые связи) женщины-политики принадлежат к правящей элите, которая представляет собой довольно слаженный организм с четкой иерархической (прежде всего традиционной и возрастной) структурой [31]. Некоторые президенты (Н. Мандела в ЮАР, Я. Кхама в Ботсване) и лидеры политических партий (например, лидер Инката фридом парти Г. М. Бутулези в ЮАР) принадлежат к числу традиционных вождей или являются выходцами из рода вождей. А поскольку в самих партиях большинство членов часто относятся к той же этнической группе, что и ее лидер, его влияние осуществляется по двум направлениям: политически и традиционно.

Влияние женщин в общественно-политической жизни в некоторых странах имеет традиционную основу: в Замбии за исключением нескольких этнических групп Восточной провинции, сохраняющих патрилинейную или смешанную систему родства, происхождение и наследование в большинстве семей утанавливаются по женской линии [14, с. 89].

Судьбы многих видных политических деятелей ЮАР, Анголы, Мозамбика и Намибии, составляющих новую политическую элиту, тем или иным образом связаны с нашей страной [8]. Многие получили в СССР/России высшее образование. Особенно много выпускников наших вузов среди политиков ЮАР. Экспрезидент Т. Мбеки, нынешний президент Дж. Зума, бывший министр Э. Пахад в разное время находились в СССР на краткосрочных курсах военной и политической подготовки. У нас обучался командующий Южноафриканскими национальными силами обороны генерал С. Ньянда. Всего в ЮАР живет около тысячи человек, находившихся в СССР сравнительно длительное время [17, с. 410]. А некоторые навсегда остались в России: на Новодевичьем кладбище покоится прах лидеров освободительного движения М. Котаны и Дж. Маркса.

Нынешний министр внутренних дел ЮАР Н. Дламини-Зума приезжала в Москву в 1970—1980-х гг. по приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. В 2008 г. она, находясь в Москве с официальным визитом в качестве министра иностранных дел, сказала, что в ЮАР сохраняют чувство признательности за то, что СССР/Россия сделала для поддержки их борьбы за демократию и человеческое достоинство [1, с. 40]. Некоторые из этих людей считают Россию второй родиной. Об этом коротко, но емко сказал

бывший президент Т. Мбеки во время своего визита в Москву в 1999 г.: «...некоторые наши люди выросли здесь» [7, с. 1].

Высокие показатели представительства женщин во власти на Юге Африки объясняются в том числе желанием руководства этих стран соответствовать мировым тенденциям, требованиям международных организаций; это связано также с зависимостью данных стран от помощи западных доноров.

Правительства государств южноафриканского региона сумели мобилизовать потенциал женщин, и это принесло странам политические и социально-экономические дивиденды. В большинстве стран сделан важный шаг на пути к настоящему представительству женщин во власти: достигнуто равноправие полов. Опыт Юга Африки показал, что «проблема гендерного равенства — это базисный вопрос» [15, с. 47], вопрос о том, какое общество строится.

Равноправие мужчин и женщин в политической сфере стало на Юге Африки принципом государственной политики, которая реализуется на практике. Мужская часть политического руководства в большинстве стран региона оказалась способной пересилить страх потерять свое место в правящей элите. От этого выигрывает все общество. Недостаточный уровень эффективности усилий женщин, входящих во властные структуры, усилий, направленных на социально-экономическое развитие этих стран в целом и на улучшение положения женщин в частности, объясняется не только просчетами в деятельности женщин-политиков, но и следствием тенденций, характерных для обществ переходного типа.

Несмотря на различия в историческом развитии и в культурных традициях женщин во власти в России и в странах Юга Африки, их сближает общая цель — стабильное развитие своих стран в условиях мира и демократии. Они матери, и от них во многом зависит воспитание молодежи, а значит — будущее.

Библиографический список

1. Азия и Африка сегодня. М., 2008. № 9.
2. Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. URL: http://www.mdt-kchr.ru/.../Gender_Equality_in_the_context_of_human_rights.pdf (дата обращения: 02.09.2013).
3. Баллаева Е. А. Национальные механизмы по положению женщин в Африке // Гендерное равенство в современном мире : роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О. А. Воронина. М. : МАКС-Пресс, 2008. С. 570—588.
4. Давидсон А., Филатова И. Россия и Южная Африка : наведение мостов. М. : ГУ ВШЭ, 2012. 496 с.
5. Давидсон А., Филатова И. Россия и Южная Африка : три века связей. М. : ГУ ВШЭ, 2010. 332 с.
6. Давидсон А. Б., Филатова И. И. Южная Африка: власть, демонтаж апартхеида, новые политические ориентиры // Современная Африка: метаморфозы политической власти. М. : Восточная литература РАН, 2009. С. 377—445.
7. Ежемесячный бюллетень Посольства ЮАР в Москве. 1999. № 12.
8. Прокопенко Л. Я. Новые политические элиты в государствах Юга Африки. М. : Ин-т Африки РАН, 2011. 252 с.
9. Пульс планеты / ИТАР-ТАСС. 2012. 10 авг.
10. Пульс планеты / ИТАР-ТАСС. 2009. 2 нояб.

Гендерные аспекты политических процессов

11. Пульс планеты / ИТАР-ТАСС. 2007. 23 нояб.
12. Расширение прав и возможностей женщин в целях укрепления роли политических партий. Вашингтон : Национальный демократический ин-т, 2011. 50 с.
13. *Фомичева Н. С.* Гендерная специфика восприятия женского политического лидерства : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 20 с.
14. *Чуваева М. А., Ксенофонтова Н. А.* Республика Замбия : справ. М. : Восточная литература РАН, 1996. 272 с.
15. *Шведова Н. А.* Россиянки и власть // Женщина и выборы : материалы круглого стола. М. : Эслан, 2001. С. 47—58.
16. *Шубин В.* Зачем Южной Африке БРИКС и зачем БРИКСу Южная Африка // Индекс безопасности. Т. 19, № 2 (105). С. 57—70.
17. *Шубин В. Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М. : Ин-т Африки РАН, 1999. 468 с.
18. African National Congress Constitution. Rule 6 : Gender and Affirmative Action (6.1). Polokwane, 2007.
19. *Britton H. E.* Women in the South African Parliament : from Resistance to Governance. University of Illinois Press, 2005. 220 p.
20. Constitution of the Republic of Namibia, 1990. URL: <http://www.orusovo.com/namcon/> (дата обращения: 02.09.2013).
21. Constitution of the Republic of South Africa, 1996. URL: <http://www.info.gov.za/documents/constitution/1996/> (дата обращения: 02.09.2013).
22. *Goetz A.-M., Hassim S.* No Shortcuts to Power : African Women in Politics and Policy Making. London : Zed Books, 2003. 248 p.
23. SADC Gender Protocol, 2012 // Barometer. Johannesburg, 2012.
24. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/2991931.stm> (дата обращения: 18.05.2003).
25. URL: <http://www.allafrica.com/stories/200909100687.html> (дата обращения: 22.12.2009).
26. URL: <http://www.anc.org.za/show.php?id=207> (дата обращения: 14.05.2013).
27. URL: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ha.html> (дата обращения: 10.07.2013).
28. URL: <http://www.info.gov.za/leaders/ministers/index.html> (дата обращения: 02.07.2009).
29. URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=494&art_id=24421 (дата обращения: 15.07.2013).
30. URL: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm> (дата обращения: 12.05.2013).
31. Women and Custom in Namibia : Cultural Practice Versus Gender Equality? / ed. by O. C. Ruppel. Windhoek : Macmillan Education Namibia, 2008. 228 p.

ББК 66.3(7Сое),15

Н. А. Шведова

ИНСТИТУТ ПЕРВОЙ ЛЕДИ КАК КОМПОНЕНТ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рубеж XX—XXI вв. стал свидетелем завидной активности супругов кандидатов в президентских кампаниях в США. Поскольку кандидатами, как правило, являются мужчины, то речь идет главным образом об их женах, которые полу-

чили титул «Первая леди». Если ранее Первая леди нередко была лишь сопровождающим лицом своего мужа — главы государства (или кандидата на этот пост) в поездках по стране в попытках завоевания симпатий электората, то теперь ее роль вышла далеко за пределы этих границ. До и после избрания супруга президента страны в США выполняет достаточно широкий спектр функциональных обязанностей: от укрепления авторитета и власти президента внутри страны — до поддержания позитивного образа страны на мировой арене.

Актуальность темы продиктована также тем, что супруги могут положительно или, напротив, отрицательно повлиять на выбор избирателей, увеличив или сократив симпатии к претенденту. Опросы американцев, проводимые после президентских выборов на протяжении последних четырех десятилетий, стабильно показывают, что 5—7 % избирателей делают свой выбор, основываясь на симпатии или антипатии к потенциальной Первой леди [3]. Вот почему представляется логичным включение в понятие «институт Первой леди» потенциальных первых леди. На стадии избирательной гонки жена кандидата на высший пост в стране уже выполняет свою функцию в этом процессе — *служит дополнительным неформальным политическим ресурсом, ценность которого увеличивается из-за тонкого эмоционально-психологического воздействия на избирателей.*

В настоящее время в соответствии с многочисленными опросами общественного мнения в США большинство респондентов высказывают мнение о необходимости Первой леди продвигать общенациональный проект. Так, опрос 2012 г. показал, что 59 % респондентов считают важным, чтобы под эгидой Первой леди в США осуществлялся конкретный курс в период президентства ее супруга. Характерно, что демократы (76 %) более склонны поддерживать эту точку зрения, чем республиканцы (56 %) и независимые (57 %) [7].

Термин «Первая леди» и понятие «институт Первой леди»

Термин «Первая леди» относится к супруге президента США, не являясь официальным титулом [6]. История США знает разных первых леди. Жена первого президента США Джорджа Вашингтона Марта Вашингтон, завоевавшая симпатию своих современников и сохраняющая ее в исторической перспективе, была неофициально названа «Леди Вашингтон». Она снискала любовь народа, помогая солдатам во время Американской революции. Ее неофициально называли так «главным образом потому, что доминировала британско-американская культура народа» [6]. Существуют документальные свидетельства о том, что двух ее ближайших преемниц — Абигейл Адамс и Долли Мэдисон — также называли «Леди Адамс» и «Леди Мэдисон». Последнюю президент З. Тейлор в 1848 г. неофициально назвал «Первой леди нашей земли», а в печати это название впервые было использовано в 1858 г. в ссылке на холостяка президента Бьюкенена и его племянницу Харриет, к которой применили выражение «Первая леди в Белом доме» [6].

Термин «Первая леди» неторопливо входил в общественный обиход во второй половине XIX в. Некоторые западные газеты использовали его применительно к Мэри Линкольн. Он почти всегда употреблялся по отношению к

Гендерные аспекты политических процессов

Первой леди с высшим образованием — Люси Хейс. Термин становится постоянным, не всегда вызывая всеобщее признание [6].

В широкое толкование понятия «институт Первой леди» в США следует включать не только супругу президента как его единственного субъекта, но и всех потенциальных первых леди, жен кандидатов на высший пост в стране, участвующих в предвыборной гонке. Субъектами института Первой леди вполне логично считать и супругов губернаторов штатов, а также депутатов высшего и регионального законодательного органа страны. Основанием служит тот факт, что все они осуществляют одинаковые функции, не будучи непосредственными объектами избирательного процесса (они — активные субъекты избирательных кампаний, с одной стороны, а с другой, победившие выполняют функцию поддержания неформальными способами и методами престижа власти, которой в данный исторический момент обладает супруг). Их влияние как на ход избирательного процесса, так и на политику пребывающего у власти супруга очевидно и разнообразно.

Зарождение института Первой леди связано с демократической традицией США, что неслучайно: американки на протяжении всей истории пользовались сильным влиянием в обществе, вне зависимости от периодов его взлетов и падений. Дефиниция «институт Первой леди» трактуется шире, чем термин «организация», которая предполагает наличие четко выраженной структуры и кодифицированных правил поведения членов института. Этот общественный институт подразумевает постоянно повторяющиеся и воспроизводящиеся отношения людей. В этом контексте он социальный институт, выступающий как механизм, обеспечивающий повторение и воспроизводство социальных отношений и социальных практик людей, которые обусловлены потребностями общества.

Институт Первой леди следует отнести к неформальным институтам, поскольку функции, средства и методы деятельности в нем не установлены формальными правилами. Иными словами, в специальных законодательных и других нормативных актах они четко не определены и не закреплены. Именно это наблюдается в США: в основном законе страны — Конституции — права и обязанности, статус супруги президента не определены, отсутствует иное законодательство, которое восполняло бы этот пробел.

Однако есть небольшое исключение: в соответствии с Законом об этике в самоуправлении от 1978 г. предусмотрено правило, по которому супруга президента не может принимать подарки, стоимость которых выше определенной суммы. Все подарки и их назначение должны быть открыты для общественности, они считаются собственностью правительства США. Если это дары от близких или друзей, то Первая леди получает возможность приобрести их, заплатив правительству оценочную стоимость. Кроме того, в настоящее время существует пункт в запрашиваемом правительством у Конгресса США бюджете для функционирования федерального правительства, который оправдывает федеральное финансирование зарплат сотрудников офиса супруги президента: эти расходы необходимы, чтобы *«помочь выполнять обязанности президентства»* [9].

Хозяйки Белого дома

В истории США не все первые леди были женами президентов. Дефиниция также относится к тем женщинам, которые официально исполняли роль хозяйки Белого дома*. Если умирала супруга президента или она была столь немощна, что не могла исполнять надлежащим образом роль хозяйки, президент выбирал другую женщину для исполнения обязанностей Первой леди, среди которых роль председательствующей на светских встречах Белого дома. Как правило, это были женщины-родственницы из семьи президента. Так, Эндрю Джексон назначил на роль Первой леди свою племянницу Эмили Донелсон. Мартин Ван Бурен роль хозяйки Белого дома поручил своей невестке Анжелике Синглтон Ван Бурен, которая пользовалась большим успехом. Сам президент уступал ей по популярности и проиграл борьбу за второй срок [5, с. 1].

Абигейл Адамс отличалась необычной для своего времени политической активностью, что нередко ставилось ей в упрек [2]. «Сделавшись женой президента, Адамс сохранила прежнюю простоту. Власть не вскружила ей голову, и влияние ее оставалось все так же сильно и благотворно. Ее меткая наблюдательность, умение разгадывать людей, трезвый практический взгляд и чистота характера, чуждого мелочных предубеждений <...> делали из нее полезную помощницу мужу» [5] — так во второй половине XIX в. ее характеризовала известная российская общественная деятельница М. К. Цебрикова. Эдит Вильсон, жену 28-го президента США Вудро Вильсона, прозвали «тайным президентом» и «первой дамой в правительстве».

Нет сомнения в том, что важнейшими факторами в определении места и степени влияния Первой леди являются индивидуальные черты ее личности и характер сложившихся взаимоотношений с «венценосным» супругом. Однако публичность этого влияния всегда зависит от господствующей в обществе тенденции к восприятию и реализации в стране принципов и политики гендерного равенства. Если в обществе реализуется политика гендерного равенства в условиях признания принципов гендерного баланса как общественного идеала, то в такой обстановке запрос на политическую роль со стороны Первой леди, несомненно, присутствует, что обусловит ее видимость и значимость в политической жизни страны. Иными словами, статус Первой леди в публичном пространстве можно сравнить с неким зеркальным отражением совокупного положения женщин в обществе в данный исторический момент.

Первые леди сорока четырех президентов США — это галерея женщин неповторимых индивидуальностей, среди которых немало талантливых и одаренных, владеющих литературным и поэтическим даром. Они оставили после себя книги, мемуары, среди которых есть и бестселлеры. Так, изданные посмертно письма упомянутой Абигейл Смит Адамс и сегодня считаются в США одним из лучших образцов эпистолярного жанра [4].

Бетти Форд всегда поддерживала мужа и была одной из самых активных первых леди в истории США: выступала за права женщин и легализацию абортов, патронировала детские больницы Вашингтона, устраивала в Белом доме

* Правилами приличного тона в XIX в. считалось неподобающим для женщин посещать светские вечера в тех домах, где не присутствует хозяйка дома.

Гендерные аспекты политических процессов

праздники для детей из неблагополучных семей. Журнал «Тайм» назвал ее человеком года. Ее популярность среди американцев была столь высока, что во время президентской кампании 1976 г. предвыборный штаб Форда выпустил значки с надписью «Голосуйте за мужа Бетти!» [4].

Роль Первой леди порой бывает нелегкой из-за своего драматизма, обусловленного внутренним противоречием между доминирующим представлением о роли женщины и реальной необходимостью в публичном характере деятельности Первой леди — жены публичного политика. При этом одновременно случается, что это общество отрицает политическую власть женщин.

Формирование современного образа Первой леди

Если у истоков истории американского государства роль Первой леди сводилась к образу радушной хозяйки Белого дома, которая следит за проведением приемов (хотя и тогда были исключения, например Абигейл Смит Адамс, первая американская феминистка, жена Джона Адамса, второго президента США, мать шестого президента), то XX в. внес свои существенные изменения, сконструировав современный институт Первой леди.

Элеонора Рузвельт, Жаклин Кеннеди, Хиллари Родхем Клинтон внесли существенный вклад в формирование современного образа Первой леди США, определив его характер и границы. Этому способствовала их деятельность, достижения, которые и помогли сформировать эту роль.

Элеонора Рузвельт, по мнению многих американских исследователей, самая выдающаяся и влиятельная Первая леди США. Именно она кардинально изменила роль Первой леди, совершив революцию на этом поприще. *Э. Рузвельт преобразовала роль хозяйки Белого дома, раздвинув рамки деятельности до общенационального масштаба: она стала последовательной защитницей общественных интересов, интересов малоимущих и государственной политики.*

Э. Рузвельт была известна не меньше, чем ее муж, избравшийся на высший пост в государстве рекордные четыре раза. Ее занятия благотворительностью и деятельность по защите гражданских прав приобрели колоссальный размах. Понимая силу воздействия на массовое сознание средств массовой информации, она стала устраивать регулярные пресс-конференции, на которые приглашались только репортеры-женщины. Сам факт их приглашения означал поддержку женщин-профессионалок в рамках последовательного продвижения интересов женщин, защиты их прав. В результате достигался двойной эффект. Овдовев в апреле 1945 г., Э. Рузвельт продолжила свою политическую и государственную деятельность, не оставляя публичных выступлений. Она заслуженно завоевала международный авторитет: была послом США в ООН и делегаткой на учредительной конференции ООН, став ключевой фигурой в разработке и принятии Всеобщей декларации прав человека.

Если Э. Рузвельт начала преобразование современной роли Первой леди, то Х. Клинтон довершила его. *Роль Первой леди возвысилась до роли защитника государственной политики как основной функции Первой леди.* Как и у Э. Рузвельт, ее государственная служба не закончилась после ухода из Белого

дома. Она единственная Первая леди, занявшая выборную должность. *Хиллари Клинтон проложила новый путь, став сенатором, а затем баллотировалась на пост президента.*

Справедливым представляется утверждение многих американских аналитиков о том, что сам факт борьбы Х. Клинтон за место в Белом доме внес кардинальные перемены в устройство института Первой леди в истории кампаний за президентский пост. Ведь он продемонстрировал *практическую возможность для жены президента стать реальным игроком в большой политике, посягнув на высший пост в государстве. Х. Клинтон также вышла за пределы устоявшейся традиции для Первой леди быть только хозяйкой Белого дома при муже — хозяине в стране, тем самым разрушив сакральность этих границ.* Характерно, что Билл Клинтон оказывал своей супруге очевидную поддержку в ее борьбе. Он подчеркивал достоинства своей жены: «Я надеюсь, вы поддержите ее. Если поддержите, вы будете всегда гордиться этим. Когда она станет президентом, она будет вселять в вас чувство гордости каждый день» [1].

Первые леди и специальные проекты

Уже на рубеже XIX—XX вв. первые леди стремились реализовывать масштабные гуманитарные программы (или проекты). Так, Лу Гувер прослыла патронессой детского спорта в США. Эта практика укреплялась на протяжении столетия. Первые леди выбирают актуальное направление, в соответствии с которым создается общенациональная программа, имеющая, несомненно, социальную значимость. Социально ориентированные программы раскрывают потенциал и завоевывают популярность Первой леди, тем самым укрепляя престиж власти президента и способствуя росту его позитивного рейтинга.

Во второй половине XX в. первые леди, как правило, реализовывали собственные программы. Жаклин Кеннеди посвятила себя восстановлению Белого дома и созданию в нем исторической ассоциации. Леди Берд Джонсон продолжала ее работу по созданию Комиссии первых леди для усовершенствования «прекрасной столицы», начав общенациональную кампанию по организации цветочных клумб. Пэт Никсон расширила коллекцию произведений искусства Белого дома и была упорной и последовательной сторонницей движения волонтеров.

Бетти Форд проводила работу по борьбе с наркоманией и алкоголизмом, организовав в 1982 г. на ранчо «Мираж» в штате Калифорния Центр реабилитации алкоголиков и наркоманов имени Бетти Форд. Через пять лет в свет вышла ее книга «Великое пробуждение Бетти», в которой она с подкупающей честностью рассказала об истории своей зависимости от наркотиков и алкоголя. Трудно переоценить позитивное влияние, которое ее труд оказал на американское общество. Нэнси Рейган также инициировала программу в этом направлении под названием «Просто скажи: нет!», нацеленную на борьбу со злоупотреблением наркотиками и алкоголем среди молодежи. Розалин Картер боролась за улучшение ситуации в лечебницах для душевнобольных. Она служила в качестве почетного председателя Президентской комиссии по охране психического здоровья. Кроме того, поддерживала искусство.

Гендерные аспекты политических процессов

Барбара Буш учредила программы, посвященные грамотности взрослого населения и пожилых американцев, а Лора Буш, как и ее свекровь, способствовала грамотности среди взрослого населения, активно поддерживая развитие библиотек в стране. Х. Клинтон приняла деятельное участие в подготовке реформы системы медицинского обеспечения как председатель Национальной комиссии по реформе здравоохранения. Она также продвигала программы в защиту интересов детей. Мишель Обама работает в этом же направлении: она инициировала программу борьбы с избыточным весом детей.

Институт Гэллага произвел замеры в мае 2012 г., которые показали, что М. Обама пользуется поддержкой 66 % избирателей против 52 % мужа [8]. Однако М. Обаме пришлось немало потрудиться, чтобы завоевать симпатии американцев.

Заключение

Современный институт Первой леди, интегральный элемент демократического устройства общества, превратился в существенную составляющую американской политической культуры. И прежде всего потому, как не без оснований подчеркивают многие американские аналитики, что *супруги могут оказывать значительное влияние на президента, трудноконтролируемое и не всегда очевидное, которое может быть самым сильным по сравнению с другими формальными и неформальными источниками влияния и давления.*

Сам факт существования института Первой леди и деятельность института — свидетельство осознания и признания феминистской позиции в США, т. е. открытой поддержки и учета точки зрения пола на все аспекты интеллектуальных, социальных и политических действий как на уровне общества, так и на уровне правящих элит.

У института Первой леди, так же как у каждого социального института, имеется *главная функция*, которая соотносится с его основной социальной ролью по закреплению и воспроизводству определенных социальных практик и отношений. Эта функция, часто обозначаемая как *«очеловечивание» образа высшего официального лица государства*, связана с ролью Первой леди, которая состоит в обеспечении позитивного образа президента страны, в создании имиджа человека-президента со свойственными ему простыми человеческими чертами характера, узнаваемыми миллионами американцев. *Первая леди служит связующим звеном между президентом и обществом, определенным «каналом» для трансляции и «перевода» проводимого мужем-президентом курса на обыденный и понятный широким массам язык, что содействует поддержке данного политического и социально-экономического курса.* Конечно, есть и другие очевидные функции, свойственные институту Первой леди. Однако все они нацелены на выполнение главной.

Изменение роли Первой леди коснулось прежде всего содержания и масштабов деятельности жены президента. Супруга становится не меньшим, чем сам президент, публичным лицом, ее деятельность приобретает общенациональный масштаб, выходя за пределы государства. Жена президента больше не принадлежит полностью своему мужу, детям и дому. Зачастую она играет роль

общенационального лидера в реализации выбранного курса на период президентства своего супруга. Практика показывает, что первые леди играют заметную, хотя и неофициальную роль, во внешней политике Соединенных Штатов, часто выполняя обязанности «посланников доброй воли» и «специальных представителей» государства. В значительной степени международная деятельность первых леди развивалась по тем направлениям, по которым они работали внутри страны, становясь продолжением их активности. Однако проблемы защиты прав женщин стали главным направлением деятельности Первой леди США на международной арене.

Супруги не только глав государств и правительств, но и глав регионов, т. е. губернаторов, также стали видимыми за пределами «домашнего гнезда», активно стали заявлять о себе в общественно-политической жизни и превращаться в значимый фактор политического влияния.

Роль Первой леди в политике зависит от доминирующей в обществе идеологии в отношении гендерного равенства, а также социально-экономических и политических особенностей этапа развития страны. Господствующие или преобладающие тенденции в отношении к женщинам, их месту и роли в семье и обществе в целом, проецируются на модель поведения Первой леди. Существует и обратная связь: Первая леди закрепляет стандарт и диктует образец для подражания для остальных женщин в стране и в мире.

Библиографический список

1. *Генис А.* Супруги в Белом доме: институт «Первой леди» в президентской истории США. 29 октября 2012 г. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/412720.html> (дата обращения: 01.09.2013).
2. *Ермоловская Т.* Лимонадная Люси и другие. URL: <http://www.liveinternet.ru/tags/%E6%E5%ED%FB+%EF%F0%E5%E7%E8%E4%E5%ED%F2%EE%E2/> (дата обращения: 01.09.2013).
3. Первые леди и первые дети США. URL: <http://www.rokf.ru/different/2008/09/08/005946.html> (дата обращения: 01.09.2013).
4. Претенденты на Белый дом: сопоставление деталей / Washington profile. 5 сентября 2008 г. URL: <http://lmzjdk.spybb.ru/viewtopic.php?id=88> (дата обращения: 01.09.2013).
5. *Цебрикова М. К.* Американки 18 века. СПб., 1871.
6. First Ladies and Politics. URL: <http://www.firstladies.org/blog/first-ladies-and-politics/> (дата обращения: 01.09.2013).
7. Hillary Clinton Edges Nancy Reagan as Best Recent First Lady in U.S. URL: <http://www.angusreidglobal.com/polls/44421/hillary-clinton-edges-nancy-reagan-as-best-recent-first-lady-in-u-s/> (дата обращения: 01.09.2013).
8. *Jeffrey M. J.* Michelle Obama Remains Popular in U.S. Sixty-Six Percent Have a Positive View of the First Lady. May 30, 2012. URL: <http://www.gallup.com/poll/154952/Michelle-Obama-Remains-Popular.aspx> (дата обращения: 01.09.2013).
9. The Role of First Lady and Origin of the Title «First Lady». URL: <http://www.firstladies.org/blog/the-role-of-first-lady-and-origin-of-the-title-first-lady/> (дата обращения: 01.09.2013).

О. В. Красильникова

НУЖНЫ ЛИ УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ПО ПРАВАМ ЖЕНЩИН В РОССИИ?

В настоящее время в России действует обширная система органов по защите прав человека и гражданина. К 2012 г. в 71 субъекте Российской Федерации сформировался институт уполномоченных по правам человека, еще в 8 регионах были приняты законы о создании должности омбудсмана [6, с. 1]. С 2009 г. в стране функционирует институт уполномоченного по правам ребенка, в 2012 г. появился омбудсмен по защите прав предпринимателей, а в 2013 г. начал свою работу уполномоченный по правам студентов.

Кроме того, на региональном уровне работают омбудсмены по делам военнослужащих, по делам учеников. Предлагается создать пост омбудсмана, который бы контролировал деятельность правоохранительных органов и учреждений пенитенциарной системы, уполномоченного по делам беженцев и вынужденных переселенцев, уполномоченного по правам народов Российской Федерации и правам граждан и народов на национально-культурное развитие.

Однако значительные успехи в развитии системы правовой защиты не привели к созданию института уполномоченного по правам женщин, в то время как в европейских, а в последнее время и в азиатских странах они успешно функционируют. Почему же в России, идущей по пути построения гражданского общества, идеи гендерного равенства не находят достойного отражения?

Дело в том, что надзор за исполнением законов, гарантирующих равноправие в сфере пола, традиционно считается компетенцией уполномоченных по правам человека, поэтому создание еще одного поста омбудсмана видится руководством страны излишним. Экс-президент Д. Медведев достаточно определенно высказывался против создания дополнительных институтов по защите прав отдельных категорий граждан, подчеркнув, что «плодить» уполномоченных не является задачей государства [8, с. 1].

По данным исследовательского центра портала SuperJob.ru, в 2010 г. за равные карьерные возможности выступали 71 % женщин и 44 % мужчин, необходимость равенства в оплате труда отмечали 68 % женщин и 46 % мужчин, недостаточно реализованный потенциал женщин в политике наблюдали 54 % женщин и 46 % мужчин [13, с. 1]. Однако значительного общественного резонанса «женские» проблемы в стране по-прежнему не получают. Усиление роли государства, которое наблюдается в последнее десятилетие, затормозило развитие гражданских инициатив, обусловило снижение общественного интереса к политико-правовой сфере. Как пишет И. С. Сабитова, «применительно к состоянию реализации конституционного принципа равноправия женщин и мужчин <...> уполномоченный по правам человека в РФ ни разу не воспользовался

данным правом, несмотря на массовые нарушения прав женщин на равную оплату за труд равной ценности, дискриминацию по признаку пола в сфере занятости» [16, с. 20].

Ситуация усугубляется еще и тем, что женские феминистические организации до сих пор не смогли вписаться в российский политико-социальный ландшафт. Они по-прежнему воспринимаются как чужеродное явление западной культуры, таящее в себе угрозу нарушения существующего порядка [2, с. 1]. Противники создания институтов по равенству полов обычно апеллируют к растущим цифрам европейских однополюх союзов, проблемам усыновления (удочерения) детей такими семьями, сокращению численности традиционных браков. Православная церковь однозначно позиционирует себя противником процесса создания в России уполномоченных по правам женщин. Ее руководители неоднократно выступали с заявлениями, в которых содержалась критика действий женских некоммерческих организаций в Российской Федерации [9, с. 2]. Церковь опасается, что уполномоченные по равенству полов будут нести в страну западные ценности, тем самым разрушая ее традиционность, устои и, в конечном счете, сам институт семьи [12, с. 1].

На фоне негативного отношения к решению гендерных проблем со стороны государства и церкви, существенным моментом является то, что в среде руководителей российского феминистского движения не выработан единый подход к организации работы движения и не сформулирована программа действий. Одни придерживаются того мнения, что женщины должны создавать собственные, независимые от имеющихся, политические организации и движения. Другие считают, что женщины обязаны активнее действовать в рамках существующих политических объединений и институтов, т. к. рост численности женщин в политических институтах помогает изменить как содержание политики, так и условия принятия решений [4, с. 79].

Характеризуя современную ситуацию, известная журналистка А. Холина отметила, что в середине 90-х гг., когда активное движение за гендерное равенство пришло в Россию, появились такие яркие фигуры, как И. Хакамада, Г. Старовойтова, О. Дмитриева, не говоря уже о возникновении Лиги избирательниц и множества других феминистских организаций. Но за последние 12 лет все сошло на нет: нет ни политики, ни личностей, ни равенства. «В России сейчас худший вид политического патриархата — снисходительно-покровительственный <...> Даже самые либеральные политики редко осознают, что такой “бытовой” вопрос, как равноправие полов, — это так же важно, как честные выборы и акции протеста» [18, с. 1].

В 2011 г. в стране появилась новая женская общественная организация «Отличницы», которая объявила о том, что намерена бороться за увеличение количества женщин в политике и введение в России поста уполномоченного по равенству полов. «Мы будем делать все, чтобы в списках партий была, как минимум, половина женщин. Чтобы наш голос был слышен <...> Мы очень хотим, чтобы в 2018 г. президентом стала женщина», — сказала руководитель движения социолог О. Крыштановская (цит. по: [17, с. 1]). Однако новое общественное движение не стало массовым, несмотря на наличие региональных отделений в ряде субъектов Федерации. «Отличницы», которых СМИ окрестили

Гендерные аспекты политических процессов

очередным кремлевским проектом, подверглись критике и нападкам оппозиционной прессы, а руководство организации, судя по публикациям, выдохлось уже на старте. По сравнению с предыдущим годом к концу 2012 г. страна опустилась в общем рейтинге гендерного равенства еще на 16 пунктов и теперь занимает 59-е место. При этом самым слабым звеном в системе гендерного паритета Российской Федерации является политическая сфера. По показателю равенства шансов мужчин и женщин в политике Россия занимает 90-е место [14, с. 3].

Проект Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» [11, с. 1], одобренный Государственной думой в первом чтении в 2003 г., так и не был принят. В течение 10 лет его отправляли на доработку, обсуждение, внесение поправок и т. д. [10, с. 1]. В результате в стране до сих пор нет федерального закона, регулирующего сферу взаимодействия полов на паритетной основе, который должен способствовать выравниванию ситуации в проблемных местах.

Установление гендерного равенства традиционно связывается с североевропейскими странами. И это неслучайно, самые высокие позиции в рейтинге стран по уровню равноправия полов занимают Исландия, Финляндия, Норвегия, Швеция и Ирландия [14, с. 1]. Именно они достигли лучших результатов в искоренении гендерной дискриминации. Существующее там законодательство и специальные государственные институты способствуют проведению гендерно-чувствительной политики, оптимизируют процессы назначения должностных лиц с учетом гендерной составляющей.

Основываясь на опыте стран Северной Европы, можно выделить следующие факторы, влияющие на развитие политики гендерного равенства: социал-демократическую ориентацию государственной политики и создание государства всеобщего благосостояния, доступ женщин к трудовой деятельности и профессиональному развитию, представительство женщин в органах власти, антидискриминационную законодательную базу, механизмы по обеспечению гендерного равенства и развитие женского движения в рассматриваемом регионе [19, с. 67—68].

Следовательно, возникновение института уполномоченных по равенству полов в североевропейских странах выводится из всего предыдущего процесса развития этих государств. Например, в Швеции институт омбудсмена по вопросам равноправия полов появился в 1980 г. Уполномоченный следит за соблюдением принципов равноправия полов в шведских школах, вузах, сфере услуг. Кроме этого, к полномочиям омбудсмена относится контроль трудовой политики и системы социального страхования. В ряде случаев к омбудсмену шведы обращаются для компетентного решения вопросов, связанных с декретными отпусками. Фактически омбудсмен курирует соблюдение и выполнение пяти шведских законов: о равноправии мужчин и женщин (регулирует принципы равноправия полов в сфере трудовых отношений); о равном отношении к студентам вузов (принципы равноправия в сфере высшего образования); о запрете дискриминации и другого оскорбительного обращения с детьми и учащимися (принципы равноправия полов в сфере начального, среднего и средне-

специального образования); о запрете дискриминации (при запрете дискриминации по половому признаку); об отпуске по уходу за ребенком [5, с. 1].

Обобщая опыт североевропейских стран, важно выделить существующий национальный механизм обеспечения равноправия женщин и мужчин, который подразумевает наличие структур в составе правительства, решающих вопросы равноправия полов на государственном уровне. В этих странах есть должности министра по делам равноправия и омбудсмена по равным возможностям, разнообразные гендерные комиссии и советы. Программа по защите интересов граждан по принципу пола действует не только на государственном уровне, но и на местах. Региональные эксперты по вопросам равноправия работают в Швеции, Дании и Норвегии, общество информируется о результатах исследований по женской и гендерной проблематике. В странах создана кадровая база данных, своеобразный резервный женский банк, который функционирует, являясь источником рекрутирования высококвалифицированного персонала.

Не менее интересен в данном аспекте опыт Германии. В ГДР по гендерному вопросу открытые дискуссии практически не проводились, а ДФД, единственная разрешенная там женская организация, стояла на проправительственных позициях и поддерживала монополию СЕПГ на власть. В ФРГ, напротив, в последние десятилетия XX в. развернулась всеобъемлющая программа систематических преобразований в социально-политической сфере. В партиях, профсоюзах, женских организациях, церкви, науке имел место широкоформатный гендерный дискурс, распространялись идеи по реализации фактического равенства мужчин и женщин. В 70-х гг. в ФРГ уже существовало автономное женское движение, которое выступало за устранение скрытой дискриминации женщин и послужило толчком к решению этого вопроса.

Первый уполномоченный по правам женщин в Германии появился в Кельне в 1982 г. Постепенно институт стал развиваться и в других землях. Местные советы женщин и женских групп инициировали возникновение института на региональном уровне. Деятельность уполномоченного заключалась в том, чтобы поддерживать на местном уровне, в районе и городской администрации равенство мужчин и женщин в трудовой жизни, в семье, в обществе. Омбудсмен следил за соблюдением прав и интересов женщин во всех сферах жизни, выступал за большие возможности для женщин в сфере образования и занятости, заботился о дополнительной поддержке для наиболее обездоленных групп (девушки без образования, инвалиды, престарелые, одинокие матери, иностранцы), требовал недопущения жестокого обращения и сексуального насилия в отношении женщин. Уполномоченные по правам женщин оказывали помощь женщинам, пострадавшим от насилия, а также издавали справочники «Насилие в отношении женщин», «Насилие в семье», в которых содержалась информация служб помощи женщинам, оказавшимся в сложных житейских ситуациях [21, S. 1].

После объединения страны были предприняты значительные усилия по выравниванию гендерной ситуации в Восточной и Западной Германии. В результате конституционной реформы 1994 г. формулировка ст. 3 основного закона подверглась корректировке и вместо расплывчатой фразы: «Мужчины и женщины равны» — появилось уточнение: «Государство способствует факти-

Гендерные аспекты политических процессов

ческой реализации равных прав женщин и мужчин и принимает меры по устранению существующих недостатков» (цит. по: [20, S. 1]). В настоящее время, согласно данным, приведенным известным германским журналом «Эмма», в стране на различных уровнях общественного устройства, в округах, городах и общинах насчитывается около 1500 специалистов, занимающихся вопросами гендерного равенства [22, S. 1].

Состояние российской политико-правовой системы, формат взаимоотношений власти и общественных сил, методы управления и коммуникации в значительной степени отличаются от европейских организационно-правовых форм. Если сравнить условия и способы решения гендерной проблемы в северо-европейских странах, ФРГ и России, становится ясно, что в нынешней ситуации адекватного решения проблемы гендерного равенства ждать не стоит. Это связано с отсутствием четко сформулированной концепции обеспечения равноправия, антидискриминационного законодательства и эффективных способов досудебного решения дискриминационных конфликтов в социуме.

Гендерные вопросы могут вписаться в повестку дня, но лишь при условии, что для этого будут созданы правовые механизмы. Первым шагом должно стать принятие Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Это позволит в судебном порядке решать вопросы по реализации гендерного равенства. Сегодняшний омбудсмен по правам человека не является полномочным представителем в решении гендерных проблем, его «аппарат ни в законе, ни в жизни ничего изменить не может» [15, с. 1].

Кроме того, следует на федеральном, региональном и местном уровнях оформить институт уполномоченных по правам женщин, которые станут своеобразными проводниками гендерно-чувствительной политики. В пользу создания такого института свидетельствует опыт советского времени, когда обращения женщин направлялись в Комитет советских женщин, женщине-космонавту В. Терешковой. Статистические данные, полученные из отчетов региональных уполномоченных по правам человека, говорят о том, что традиция сохранилась: доля обращений женщин остается достаточно высокой [3, с. 1].

И наконец, необходимо создать женский кадровый резерв. Политическая активность женщин-парламентариев в гендерных вопросах в настоящее время крайне низкая; исполняя политический заказ своих партий, они скорее заметны, чем слышны. Это состояние поддерживается доминирующей в обществе индифферентностью, поэтому идея создания женского кадрового резерва, которая инициирована движением «Отличницы», видится вполне продуктивной. Этот резерв впоследствии можно задействовать при создании поста омбудсмена по правам женщин, используя таким образом потенциал их лидерских качеств на практике. Институты уполномоченных по правам женщин могли бы стать каналами рекрутирования женщин-политиков, аккумуляторами женской энергии. Непосредственно работая в этих организациях, молодые энтузиастки получали бы знания, умения, навыки, необходимые для борьбы за свои права, приобретали авторитет и известность.

Наблюдения показывают, что во многом благодаря политике квотирования, которая целенаправленно осуществляется в последнее десятилетие в поли-

тическом менеджменте североевропейских стран и ФРГ, женщины занимают там достойное место. Политические партии вынуждены учитывать женский фактор, играющий достаточно весомую роль в формировании политических органов. В России проведению подобной политики мешают существующие поныне гендерные стереотипы [7]. Граждане сомневаются в том, что при введении квот для женщин они не будут заполнены женами, любовницами и дочерьми политиков или бизнесменов. Следует заметить, что зачастую российская реальность подтверждает это устойчивое мнение. В Государственную думу РФ в 2011 г. по партийным спискам от партии власти прошли жена директора автомобильного концерна «КамАЗ», молодая актриса, спортсменки и др. Все они не занимались политикой до выборов, не имели опыта парламентской работы, а порой, в силу юного возраста, элементарно не владели достаточным жизненным багажом.

Руководитель комитета по гендерным политическим исследованиям С. Г. Айвазова, отмечает, что «механизмы воспроизводства гендерной асимметрии в публичном пространстве оказываются более мощными, изощренными и малозаметными, чем предусмотренные возможности правовой защиты от нее. Вследствие чего явная гендерная рассогласованность становится характерным свойством российского властного порядка» [1, с. 5]. Следовательно, те усилия, которые предпринимались женскими организациями и политическими партиями до настоящего времени, являются недостаточными.

Активные, энергичные омбудсмены, работающие на разных уровнях представительства, способны переломить ситуацию. Дальнейшая демократизация общественных отношений способна привести к постепенному изменению гендерных негативных установок, ликвидации искаженного образа женщины, коррекции гендерных перекосов в общественном сознании и политическом поведении. Необходимо усиливать среди самих женщин их готовность к принятию политических позиций и постов, пропагандировать образцы других стандартов, показывать, что женщины также могут принимать решения. Институт уполномоченных по правам женщин может стать базой для создания таких идентификационных фигур.

Определенная работа в этом направлении уже ведется, в 2013 г. в Иванове проходила Международная научно-практическая конференция «Мониторинг защиты конституционных прав женщин: опыт, проблемы и пути их решения». В обсуждении принимали участие омбудсмены из 17 субъектов Российской Федерации, а также представители аппарата уполномоченного по правам человека в России, научного сообщества и общественных объединений. В рамках мероприятия поднимались, в частности, проблемы защиты трудовых, социально-экономических и конституционных прав женщин, сотрудничества уполномоченных с общественными организациями, освещался европейский опыт в названных областях. Это свидетельствует о положительной динамике в данном процессе, поэтому обозначенные идеи должны оставаться в центре внимания специалистов, информационно поддерживаться и популяризоваться. Только слаженные, координированные действия всех заинтересованных сторон способны привести к решению важнейших задач, стоящих перед российскими женщинами.

Гендерные аспекты политических процессов

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011—2012 гг. // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 5—11.
2. Бабицкая В. Эмансипация старого образца современным женщинам неинтересна // Вокруг света. 2012. Октябрь. № 10. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7871/> (дата обращения: 18.07.2013).
3. В Калининградской области женщины чаще жалуются на нарушения прав человека // Калининград.RU. 23 мая 2013 г. URL: <http://kaliningrad.ru/news/item/27781-v-kaliningradskoj-oblasti-zhenshhiny-chashhe-zhaluyutsya-na-narusheniya-prav-cheloveka> (дата обращения 23.07.2013).
4. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М. : УРСС, 2004. 319 с.
5. Кузнецова Т. Швеция: равноправие полов как государственная задача // Журнал www.feminisnts.ru. 2013. URL: <http://www.feminisnts.ru/1644-швеция-равноправие-полов-как-государ.html> (дата обращения: 03.05.2013).
6. Лукин В. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год // Российская газета. 2013. 29 марта. № 6044. URL: <http://www.rg.ru/2013/03/29/lukin-dok.html> (дата обращения: 30.04.2013).
7. Малышева М. М. Гендерное наполнение политического пространства в России // Гендерные стереотипы в современной России / сост., общ. ред. И. Б. Назарова, Е. В. Лобза ; ВШЭ. М. : МАКС-Пресс, 2007. С. 229—246.
8. Медведев Д. Заседание президиума Государственного совета об усилении государственных гарантий защиты прав потребителей // Президент России : официальный сайт. 2012. 16 янв. URL: <http://state.kremlin.ru/news/14292/print> (дата обращения: 18.07.2013).
9. На пути к диктатуре извращенцев? : резолюция круглого стола «Институт семьи и законодательство о гендерном равенстве: зоны взаимного влияния и перспективы внедрения» // Православный крест. 2012. 15 янв. № 2 (50). URL: <http://www.pkrest.ru/n-50/50-2.html> (дата обращения: 05.05.2013).
10. О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации : проект Федерального закона // Консорциум женских неправительственных объединений. 2003. 2 апр. URL: http://wcons.org.ru/ru/page.php?page_id=132&page_up=0&detail=121 (дата обращения: 16.07.2013).
11. О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации : законопроект № 284965-3 // Государственная дума : официальный сайт. 2013. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=284965-3](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=284965-3) (дата обращения: 12.05.2013).
12. Патриарх Кирилл считает феминизм очень опасным явлением // РИА «Новости». 2013. 9 апр. URL: <http://ria.ru/society/20130409/931790666.html#13741450054474&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration> (дата обращения: 18.07.2013).
13. Постернак А. Равенство мужчин и женщин. Еще одна утопия? // Глобосфера. 2010. 8 марта. URL: <http://www.globosfera.info/2010/03/08/ravenstvo-muzhchin-i-zhenshhin-eshhe-odna-utopiya/> (дата обращения: 03.05.2013).
14. Рейтинг стран по уровню равноправия полов // РБК рейтинг. 2012. 30 окт. URL: http://rating.rbc.ru/articles/2012/10/30/33805242_tbl.shtml?2012/10/30/33805229 (дата обращения: 11.05.2013).

О. В. Красильникова

Нужны ли уполномоченные по правам женщин в России?

15. *Русинова Н.* Уполномоченный без полномочий // Русская планета. 2013. 11 июля. URL: http://orenburg.rusplt.ru/index/Orenburg_Chadov.html (дата обращения: 23.07.2013).
16. *Сабитова И. С.* Конституционно-правовые основы обеспечения равенства прав и свобод мужчин и женщин в сфере труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 26 с.
17. *Ткаченко Е.* На пост президента претендуют «АнтиБарби» // Утро.ру. 2011. 1 июня. URL: <http://www.utro.ru/articles/2011/06/01/977844.shtml> (дата обращения: 06.05.2013).
18. *Холина А.* Ни политики, ни равенства // Новое время. 2012. 21 мая. № 17 (245). URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/52383> (дата обращения: 16.07.2013).
19. *Штылева М. В.* Реализация политики гендерного равенства в странах Северной Европы // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 67—80.
20. *Andersen U.* Frauen und Politik // Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland. 5., aktual. Aufl. Opladen : Leske+Budrich, 2003. URL: <http://www.bpb.de/nachschlagen/lexika/handwoerterbuch-politisches-system/40275/frauen-und-politik> (дата обращения: 25.07.2013).
21. Geschichte : vor 25 Jahren erste Frauenbeauftragte // Karlsruhe : StadtZeitung. 2011. 1 Juli. URL: <http://www1.karlsruhe.de/Aktuell/Stadtzeitung11/sz2607.htm> (дата обращения: 28.04.2013).
22. *Louis C.* Frauenbeauftragte — jenseits des Klischees // Emma. 2007. Januar.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК 85.156.44

Е. Н. Иванова

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Российский карикатурист М. Златковский заметил, что «в культуре России есть колоссальная системная проблема: это страна слова, вербальная, но не визуальная» [5]. Речь шла о проблемах развития карикатуры, но этот тезис достаточно точно иллюстрирует и характер исследований политической сферы. Речевые практики анализируются много и всесторонне, чего нельзя сказать об исследовании визуальных репрезентаций, которые также способны воспроизводить динамику реального. За последние двадцать лет в России наметилось серьезное оживление дискурса вокруг гендерных аспектов политического участия. Во многом это связано с формированием публичной сферы [19], одна из функций которой — «проявление и сопоставление интересов разных общественных групп, их далеко не совпадающих представлений о способах решения назревших проблем» [11, с. 10]. Ю. А. Красин называет этот процесс «взаимным знакомством» субъектов нарождающегося гражданского общества [11, с. 11]. Женщины не только вовлечены в политический процесс, становятся парламентариями, министрами, главами муниципальных образований, проявляют себя в протестной оппозиционной деятельности, но и выступают как публичные фигуры, становятся предметом общественной рефлексии.

В этой статье предпринята попытка проанализировать особенности визуальной репрезентации женщин в российской политической карикатуре последнего десятилетия. Анализ репрезентации не ограничивается исключительно карикатурой на действующих политиков. Для глубокого понимания культурной маркировки происходящих процессов необходимо, чтобы аналитические рамки были шире исключительно профессионального круга политиков.

В качестве базовой модели для анализа репрезентации рассматривается типология женских образов в карикатуре, предложенная канадским исследователем А. Тюржоном, которая включает образы «обыкновенной женщины» (*femmes ordinaires*), «женщины-символа» (*femmes symboliques*) и «феминизированного персонажа» (*personnages féminisés*) [23, p. 362]. Анализ этих трех типов дополнен рассмотрением особенностей персонифицированной карикатуры.

Спецификой политической карикатуры является то, что она призвана по своей природе быть мощнейшим средством формирования общественного мнения. Небольшая картинка может оказать более сильный эффект, нежели множество серьезных аналитических статей, поскольку выступает индикатором настроений, способным в комплексе образов аккумулировать коллективные ассоциации и опыт.

© Иванова Е. Н., 2013

Цели, которые ставят перед собой карикатуристы, не всегда столь радикальны, случается, что карикатура несет в себе развлекательный, а не сатирический смысл, однако если сравнивать политическую карикатуру с другими жанрами этого искусства, то высказывание здесь традиционно гораздо жестче. Более того, политическая карикатура часто вообще не ставит перед собой задачу рассмешить. Чем выше накал политических дебатов, тем менее развлекательным становится изображение. Российский карикатурист В. Богорад отмечает: «В тоталитарных системах карикатура утрачивает главное — юмор. Художник теряет чувство меры. На карикатурах времен французской революции лица политических врагов рисовали не иначе, как на интимных местах» [4]. Этот жанр в наиболее концентрированном виде представляет стереотипы, не отвлекаясь на мелкие детали. При этом карикатура — такой специфический вид искусства, который не только не старается избегать стереотипов, но выискивает их, акцентирует на них внимание, поэтому ориентация на «злобу дня» не является для карикатуриста чем-то зазорным и конъюнктурным. Юмор состоит из определенных символов и ссылок, которые часто носят не универсальный характер. О. Рябов подчеркивает, что «символ устанавливает норму и девиацию, тем самым определяя Своих и Чужих» [15, с. 8]. Попытка понять юмор другой культуры требует признания того, что восприятие зависит от совокупности культурных представлений, понятий и ценностей.

Еще в недавнем прошлом неотъемлемым атрибутом практически каждой советской газеты, от районной малотиражки до центральных, была карикатура. Несмотря на цензуру, явный идеологический заказ, советская карикатура все же представляла собой довольно мощное и самостоятельное явление.

Сегодня карикатура постепенно уходит из традиционных СМИ. Властный заказ на карикатуру падает, если не отсутствует вовсе. В Интернете профессиональную карикатуру постепенно вытесняет другой тип изоанекдотов, а именно «народное творчество», демотиваторы, фотожабы, самодеятельный креатив. С одной стороны, любое изображение, которое обличает, высмеивает, осуждает, сознательно создает комический эффект, может быть формально причислено к карикатуре. С другой — требование к изображению, опубликованному в СМИ, гораздо выше и с точки зрения качества исполнения, и с точки зрения ответственности за содержание. В политической карикатуре причастность к конкретному СМИ и отсутствие анонимности налагает дополнительные обязательства.

Можно ли смеяться над женщиной? А над политиком?

Формально карикатура направлена не на высмеивание конкретного человека, а на визуализацию анекдотичной ситуации. Председатель гильдии карикатуристов А. Рыжов называет это «карикатурой не на конкретного дурака, а о дурачности вообще» [10]. Однако когда речь заходит об изображении женщин, возникает неожиданная дилемма. Тема высмеивания женщины остается низовой, латентно неодобряемой обществом. Женщин в политической карикатуре мало — и их изображений, и карикатуристок. Жанр был и остается преимущественно мужским. Известных имен карикатуристок в России и в мире единицы¹.

¹ Следует оговориться, что благодаря английскому и американскому движению суфражисток в истории сохранились не только имена активисток, но и карикатури-

Гендерные аспекты политической культуры

Это касается не только визуальной сферы. Женщина-политик старается сохранить за собой привилегии своего пола, которые предусматривают более снисходительное отношение. Примером тому может служить инцидент, возникший в связи с публикацией в газете «Московский комсомолец» статьи Г. Янса «Политическая проституция сменила пол». Депутат А. Исаев счел ее оскорбительной из-за упоминания имен женщин-депутатов и решил защитить честь и достоинство коллег. Основной причиной негодования стало не столько обвинение в продажности власти, сколько обвинение женщин, которые должны быть неприкосновенны в жестоких политических играх.

Это в некоторой степени объясняет и декларируемое в ряде интервью желание карикатуристов избежать неприятного объяснения того, кого же высмеивает карикатура, чиновника или женщину [3, 13]. Директор израильского музея карикатуры Г. Гаон на вопрос о табуированных темах в израильской карикатуре говорит: «Израильтяне — очень чувствительны: нельзя смеяться над религиозными, над арабами, над женщинами, над немцами. Существует внутренняя критика, мешающая свободе слова» [18]. Практически эту же мысль высказывает и А. Влизков, представитель российской региональной журналистики: «Мы принципиально не изображаем женщин и не изображаем священнослужителей. Для чиновников никаких ограничений нет» [6]. Здесь присутствует противопоставление чиновника абстрактного и чиновника-женщины, а также явная отсылка на то, что при выборе политической фигуры для сатирических изображений лучше придерживаться мужских персонажей, поскольку женщины входят в «чувствительную» группу, изображение которой грозит потенциальными разбирательствами.

Следует отметить разницу между женщиной-политиком и женщиной — объектом манипулирования политикой. XIX в. — время дебатов относительно гражданских прав женщин, которые довольно часто фигурируют в качестве персонажей как зарубежной, так и русской карикатуры, но выступают скорее предметом политической игры, нежели действующим лицом. Женщина — политический деятель появляется в карикатуре гораздо позже; при этом, если говорить о России, репрезентация ее весьма специфична. Серия революций 1905 и 1917 гг. привела Россию из самодержавной империи в СССР. Именно в этот период на историческую сцену выходят несколько женщин-политиков, которые могли привлечь общественное внимание: И. Арманд, А. Коллонтай, Н. Крупская, А. Самойлова, Р. Землячка и ряд других. Однако карикатура этого времени все равно не рассматривает их в полной мере как политиков. Характерен эпизод, описываемый в книге воспоминаний «О временах и людях» советским художником-графиком Б. Ефимовым, об опубликованной в одной из петроградских газет того времени карикатуре, герои которой Коллонтай и Дыбенко. На карикатуре под названием «Межведомственные трения» изображена двуспальная кровать, рядом с которой матросские сапоги и дамские туфли [9]. Смещение акцентов из сферы публичного в сферу приватного, которая традиционно рассматривается как сфера женская и детская, достаточно ярко иллюстрирует неготовность общественного сознания воспринять серьезно появление женщины как самостоятельной фигуры на политической сцене.

сток: Н. Аллендер, И. С. Пропер, М. Лаундес, Л. Джейкоб, Л. Роджер. В остальные периоды в искусстве карикатуры доминировали мужчины [22].

И если в советской карикатуре 20—30-х гг. женщина еще присутствует как социально активный персонаж, то в послевоенный период ей, как правило, отводится роль жертвы, страдающей от пьянства мужа и униженной в столкновениях со службами быта. В послевоенной советской истории женщина-политик отходит в тень. Значимых фигур, облик, высказывания, характерные черты которых были бы хорошо всем знакомы, практически нет. Как отмечает О. Рябов, «в большевистской иконографии Советскую Россию — как и СССР — символизирует мужчина» [15, с. 25]. Однако следует заметить, что и мужчина-политик в официальной советской карикатуре мог быть только в двух ипостасях: «западный империалист» или «мелкий советский бюрократ-чиновник». Потребность в канализации напряжения в советское время берет на себя политический анекдот, в котором реализуются те же принципы, что и в анекдоте графическом. Официальная политическая карикатура — это то, что советский человек пролистывает, стараясь скорей перейти к карикатуре бытовой.

Для того чтобы кто-то стал объектом карикатуры, необходимо узнавание, которое не тождественно формальному знакомству с политической деятельностью. Люди должны ясно представлять себе образ, голос, стиль в одежде и поведении. Образ этот должен быть многократно транслирован в СМИ. Вопреки впечатлению, сформированному рекламой, где женщины имеют безусловное лидерство [20], в новостных блоках телепередач и газет женщины представлены гораздо меньше. По данным исследования «Global Media Monitoring Project», проводившегося в 2005 и 2010 г. в 71 стране мира, включая Россию, материалы новостных сюжетов, в которых женщины выступали как эксперты в той или иной области, составили 17 % от общего количества. Вторая волна исследования в 2010 г. показала небольшое увеличение до 20 %, но и в этот период женщина в качестве активного политического деятеля или эксперта практически незаметна [24]. В большинстве новостных сюжетов женщина фигурирует как жертва, свидетель или случайный персонаж. Даже такие традиционно женские сферы занятости, как образование и здравоохранение, в качестве экспертов в СМИ представляются преимущественно мужчинами. В сфере же политики и экономики достигнуть уровня узнаваемости женщине еще сложнее [21].

В определенной степени эта тенденция характерна и для карикатуры, которая неразрывно связана со СМИ. Из 394 изображений (2006—2013 гг.), размещенных на портале РИА «Новости» под рубрикой «политическая карикатура», на 54 присутствуют женщины. Карикатур на иностранных политиков — 34, на российских женщин-политиков — 9, содержат изображение женщины в качестве лица второго плана или феминизированного символа — 11. Иностранные женщины-политики вызывают гораздо больший интерес у карикатуристов, причем сюжеты связаны по большей части с забавными ситуациями личного порядка: Х. Клинтон раньше положенного срока поздравила королеву Елизавету, А. Меркель получает к 55-летию титул «Frau Kanzlerin». Карикатура как реакция того или иного политика в отношении России оказывается в меньшинстве. Наибольшую популярность имеют Ю. Тимошенко (11 карикатур), Х. Клинтон (9), королева Елизавета II (4), А. Меркель и С. Пэлин (3). Иностранные женщины-политики выступают, как правило, в качестве главного действующего лица, чего не скажешь о карикатурах на российские сюжеты. Редко какой персонаж встре-

Гендерные аспекты политической культуры

чается здесь более двух раз. Такую честь заслужили только В. Матвиенко и Е. Батурина. Остальные персонажи встречаются единожды, и часто это совсем не ключевые фигуры российской политической жизни. Такое отсутствие интереса к представителям именно российской политической жизни может быть вызвано целым рядом причин, главной из которых видится глубоко укоренная в общественном сознании трактовка участия женщин в политической сфере как сугубо западная традиция, не вполне усвоенная и адаптированная.

Персонифицированная карикатура и шарж

Персонификация карикатуры, а именно изображение конкретного политика, имеет разные национальные традиции. Так, в английском языке жанр «*caricature*» включает исключительно персонифицированные графические изображения, которые, несмотря на шаржирование черт, обязательно должны быть опознаны читателем. Если используются символический язык, аллегории, обобщения, то такое изображение относится к классу «*cartoons*». В русской традиции подобная категоризация не принята и понятие карикатура толкуется гораздо шире. Персонифицированному варианту карикатуры отводится скорее жанр шаржа, в рамки которого редко входит толкование события. Это, по большей части, высмеивание погрешностей стиля и вкуса, преувеличенное и комичное изображение характерных внешних недостатков. Символическая составляющая шаржевой карикатуры менее очевидна и ее интерпретация часто связана с расшифровкой стратегических действий того или иного политика. В США при изображении женщин-политиков прослеживаются две характерные модели сопряженности персонифицированной карикатуры и смыслового импульса. Х. Клинтон в период предвыборных дебатов 2008 г. в карикатуре изображается как женщина, которая не следит за своей внешностью, прической, костюмом. Основной посыл таких карикатур — «если она не в состоянии позаботиться о себе, то как же она позаботится о нас». Если в конкурентную борьбу вступает мужчина, то при всем своем неидеальном телосложении, костюме и прическе он получает гораздо меньше критики. С. Пэлин, напротив, изображается красоткой, часто в купальнике, с идеальным макияжем и прической. Это своего рода попытка объективации: женщина-политик подается исключительно через тело, красивое лицо, стиль, не имеющий ничего общего с политическим опытом, знанием ситуации. Коннотация такой карикатуры достаточно очевидна: женщина-политик может привлечь внимание только благодаря физической привлекательности, а не квалификации и деловым качествам. И в том и другом случае репрезентация накладывается на предвыборную стратегию и коммуникативная целеустановка просматривается достаточно определенно.

В обоих случаях присутствует эксплуатация гендерной метафоризации, расстановка особых маркеров, поиск варианта Чужого. Метафора «женщины Чужих», предложенная Т. Рябовой в работе «Политический дискурс как ресурс “создания гендера” в современной России», точно демонстрирует особенности выстраивания политической тактики путем проявления чуждых качеств. «Мужчины Чужих обычно изображаются как либо недостаточно, либо чрезмерно маскулинные (агрессивные, амбициозные или даже жестокие); женщины Чужих — как неженственные или слишком женственные (безвольные, безынициативные, бесправные и т. д.)» [17, с. 314]. Вместе с тем политическая карикатура всегда

изображает именно Чужих, ее инверсионная структура предусматривает смысловое или эмоциональное выделение качеств, противоположных одобряемым.

В практике советских карикатуристов шарж был скорее добродушным, нежели жестким. Вот как характеризует этот жанр Б. Ефимов в эссе «Что такое шарж?»: «Что-то забавно присочинено, что-то весело переиначено, что-то лукаво опущено, а что-то, наоборот, неимоверно подчеркнуто» [8, с. 4]. Все коннотации «забавно», «весело», «лукаво», «неимоверно» — положительные, в них просматривается симпатия к персонажу шаржа. Шарж на советского политического деятеля в официальной печати и вовсе отсутствовал. А карикатуристы из диссидентских кругов использовали другие приемы, насыщенные более сложными культурными маркировками.

В современной российской политической карикатуре шарж присутствует, но проследить стратегическую линию сложно, поскольку сатирическая составляющая опирается либо на интертекстуальную связь, либо на ситуационную составляющую. Анализ заложенной в карикатуре цитаты не только не проясняет суть, но делает ее еще более зыбкой. Установить какие-либо модели политической борьбы сложно. В наиболее распространенном виде шаржевая политическая карикатура просто искажает пропорции, утрирует внешние недостатки без каких-либо смысловых референций. Работа А. Дмитриева достаточно показательный пример такого рода персонифицированной карикатуры. В образе есть явная отсылка на персонажа мультфильма Старуху Шапокляк (ил. 1). Но любой человек с советским прошлым помнит, что этот персонаж отнюдь не однозначный, она то вредит, то помогает главным героям. Зритель остается в недоумении. Единственно, в чем он может быть уверен, так только в том, что угадал конкретного политика.

...Кто людям помогает — тот тратит время зря.
Хорошими делами прославиться нельзя...

Ил. 1. А. Дмитриев. Шаржевое изображение председателя Комитета Государственной думы РФ по безопасности и противодействию коррупции И. А. Яровой. 2013 г. (URL: <http://caricatura.ru/list/shiz/url/shiz/toliks/1551/> (дата обращения: 01.09.2013))

Бабушка с гречкой или мамаша с пирожками

В персонифицированной карикатуре женщина является главным действующим лицом, хотя и не всегда. Даже в таком жанре она часто изображается как объект ведомый, управляемый закулисными силами (ил. 2).

Ил. 2. А. Меринов. «Так... с макияжем пора завязывать».

(URL: http://www.mk.ru/upload/iblock_mk/merinovreport/90/79/4e//90_936.jpg)

(дата обращения: 01.09.2013)

Однако более традиционная роль в карикатуре отводится женщине в качестве фона, на котором вершится большая политика. Есть определенная специфика в изображении «обыкновенной женщины» в российском контексте и зарубежном. Если речь идет о России, то наиболее характерным типом становится бабушка, обиженная и испуганная либо, наоборот, сметливая и склочная. Приведем несколько примеров карикатур. Бабушка в платочке смотрит доверчиво и испуганно, услышав от чиновника весть о том, что президент РФ подписал указ о мерах по противодействию коррупции. Другая старушка советует пожелавшему прокатиться в московском метро Шварценеггеру застаться гречкой по сходной цене. Испуганная отменой дачной прописки женщина с котиком на руках прячется за спиной мужа. Мамаша упрашивает своего великовозрастного сына слезть с печи и сходить на выборы за пирожками. Женщина в современной российской карикатуре, как и прежде, страдает, боится, уговаривает, закупает, заготовливает.

Женщина западная представлена в российской карикатуре совершенно иначе. Спектр образов шире и персонажи намного деятельней. Это и пацифистка с лозунгом «Распустить волосы и солдат по домам», и красотка, пляшущая перед моряками, — «Я скажу “добро пожаловать” любому флоту, который захочет нас посетить», и интеллектуалка, изучающая общественное мнение, в круглых очках, брюках и с широкой улыбкой².

Как только изображение переходит на уровень абстракции, когда невозможно зацепиться за конкретный политический персонаж, прорывается диалог

² Используемые примеры представлены в библиотеке карикатур РИА «Новости» (2006—2013 гг.) под рубрикой «Политическая карикатура» (N=394). См. URL: <http://visualrian.ru/ru/site/cartoon/flow/category/politics/> (дата обращения: 01.09.2013).

между визуальными текстами, реминисценции, а иногда и прямые цитаты из не только советского, но и дореволюционного прошлого. Всякая активность со стороны женщин рассматривается как сугубо западная черта, которая если и присутствует в российской жизни, то скорее как единичное подражание, нежели как норма.

Символ и феминизированный персонаж

Архаические типы женских символов связаны с материнским началом, вокруг которого формируются концепты плодородия, роста, потомства, благополучия дома, родины, матери-природы. Во времена античности к ним добавляется образ целомудренной жрицы или богини, проводницы божественной воли и вершительницы правосудия. Христианство дает начало двум традициям: «галльской», рассматривающей женщину в качестве погубительной, разрушительной, греховной силы, и «идеализирующей», на основе которой развилось куртуазное искусство [2, с. 55]. Аллегория и символ еще не так сильно разведены, их толкование понятно широким культурно-конфессиональным общностям. Усложнение происходит в буржуазную эпоху, когда «сознание функционирует в пределах элитарной, кружковой среды, предоставляя возможность своим адептам опознавать друг друга среди равнодушной толпы» [1, с. 156—157]. В XXI в. существующий набор традиционных аллегорий дополняется и расширяется, но наслоение знаков, не поддающихся прямой дешифровке, приводит к такому смещению, при котором невозможно четко проложить границы, ясно интерпретировать смысл. Происходит групповая маркировка действительности. «По символу опознают и понимают друг друга “свой”» [1, с. 156]. Российская политическая карикатура последнего десятилетия становится все более «кружковой», понятной узкому кругу посвященных, но, связанная родовыми обязательствами влиять на «массы», пытается преодолеть эту узость, все чаще прибегая к помощи пояснительных текстов. Из политической карикатуры первого десятилетия 2000-х постепенно уходят аллегорические схемы, их заменяет креолизованный текст, она нуждается в «текстовых подпорках», разъяснениях, ссылках. Усложненная символическая система должна соответствовать многоликости политической ситуации в стране. Но на визуальном уровне ясное маркирование проявляется лишь на уровне «власть — оппозиция», при более глубоком погружении знаки, которые позволили бы точно идентифицировать политическую позицию, едва просматриваются. Распознать «своего» не удается.

В середине 90-х А. Дмитриев писал, что «по мере культурного одичания нации выходит из употребления так называемая классическая “мифическая” группа, где прообразами служат персонажи Древней Греции» [7, с. 109]. В последнее десятилетие все меньше используется в карикатуре и советская символика. Реминисценции с советским пропагандистским искусством, столь востребованные в конце 90-х, встречаются реже и главным образом в непрофессиональной среде. В работе, посвященной таким аллегориям, как «Россия-Матушка»/«Родина-мать», О. Рябов отмечает не только деконструкцию символов советской эпохи, но и появление новых образов женственной России: «...Родины-мачехи, заботы и защиты которой безуспешно ждут многие ее сыновья и дочери» и России как шлюхи; «проституция становится метафорой

Гендерные аспекты политической культуры

внешней политики страны в 1990-х годах» [15, с. 33]. Если образы мачехи и проститутки имели свои исторические аналоги, то в первом десятилетии нового века отмечается движение к образам, чудовищно-уродливым в физическом или нравственном отношении. Карикатура «Нефть-матушка» А. Куделина, подписывающего свои карикатуры «Вася Ложкин», олицетворение продолжения такого рода деконструкции, когда символ уже вовсе лишается человеческого начала, превращается в существо мистическое, чуждое человеку (ил. 3).

Ил. 3. Вася Ложкин. Нефть-матушка. 2012 г.

(URL: <http://vasya-lozhkin.livejournal.com/332839.html> (дата обращения: 01.09.2013))

Если в плакатном искусстве используется прямой символ, то в карикатуре, которая развивается в традиции карнавальная культура, он переворачивается. Перевернутый символ приобретает новые черты и дополнительные смыслы. Так, традиционный символ женщины-матери, кормилицы и защитницы, в современной карикатуре преобладает уже в инверсивных моделях. Сатирический посыл такого рода символических структур таков, что мать-кормилица кормит не того и не тем. Оставаясь матерью, она возвращает темное, порочное, недужное чадо.

Необходимо отметить, что традиционно Россия изображается через глубоко женские символы [14]. В современной карикатуре символ становится более агрессивным и в ряде карикатур трансформируется в мужской. По тому набору символических обозначений, которые кочуют из карикатуры в карикатуру, можно понять внутреннее ощущение общества, его страхи, гордость, ненависть и равнодушие.

Еще один характерный элемент современной политической карикатуры — смена форм инверсии, которая происходит не только в сторону фемини-

зации, но и наоборот. Феминизация либо демаскулинизация персонажа карикатуры — свидетельство ослабления, дряхления, поведенности. По словам Т. Рябовой, «маскулинизация Своих и демаскулинизация Чужих является достаточно распространенным приемом внутривполитической борьбы; с помощью гендерных маркеров оценивается легитимность власти (или претензий на власть) Своих и Чужих политиков» [16, с. 214]. Феминизированный персонаж может быть представлен как в явной форме, так и в латентной. Хрестоматийный пример явной феминизации — карикатура Кукрыниксов «Потеряла я колечко, а в колечке 22 дивизии» (1943), где Гитлер изображается в образе голосящей бабы. Героя карикатуры передевают в женскую одежду, зритель смеется над поверженным тираном. Латентная феминизация сложнее, персонаж постепенно обрастает символами, присущими женскому. Например, феминизация образа крестьянина в советском плакате 20-х «с превращением мужской косы в женский серп и, соответственно, с трансформацией крестьянина в колхозницу» [12, с. 93].

Характерный признак карикатуры последнего десятилетия — появление иного рода инверсии, из под маски женского персонажа проступают мужские черты. И такая маскулинизация несет в себе совсем иной посыл. Условно передевание мужчины в женщину вызывает смех. Если же в лице персонажа, который традиционно ожидается как женский, проступает сугубо мужская агрессия, такой образ должен внушать скорее страх и тревогу.

Происходит подмена стереотипических образов. В карикатуре «Основы внешней политики РФ» В. Унжакова Россия уже не Мать, сильная женщина, способная защитить своих детей, а агрессивный и взбалмошный мальчик (ил. 4).

Ил. 4. В. Унжаков. Основы внешней политики РФ. 2009 г.

(URL: <http://caricatura.ru/subj/polit/url/parad/vunjakov/13098/> (дата обращения: 01.09.2013))

Достаточно симптоматичен тот факт, что одним из самых популярных символов в российской карикатуре выступает богиня правосудия Фемида. Она пред-

Гендерные аспекты политической культуры

стает в широчайшем спектре интерпретаций. Фемида несет политического деятеля, сгибаясь под его тяжестью, засовывает в карман деньги, торгует на рынке. Но все эти образы в той или иной степени имеют женскую коннотацию «пассивная жертва», «продажная женщина», «уличная торговка». Примечательная тенденция — проявление сугубо мужских черт в образе традиционно женском (ил. 5). Карикатурное изображение омоновца, переодетого богиней правосудия, растражированное в социальных сетях и утратившее в многократном перепосте автора, в определенной степени отражает низовое восприятие действительности, реакцию на официальную ремаскулинизацию национальной идентичности³.

Символы становятся более жесткими, что не связано непосредственно с отношением к женщине, она, как мы видим, остается все в том же приватном статусе, за редким исключением выходя за его рамки. Ужесточение символики относится к обществу в целом.

Ил. 5. Автор неизвестен. Фемида. 2012 г.
(URL: <http://in-good.com/wp-content/uploads/2013/09/femida-omon.jpg>
(дата обращения: 01.09.2013))

Размышления о современной политической карикатуре наводят на мысль о том, что она не только о политиках, она о всех нас, тем или иным образом вовлеченных в политику. Но в то же время карикатура изображает не живого человека, это всегда социально и культурно выстроенная схема, в которой персонажи, даже внешне похожие на конкретного политика, — это отражение це-

³ Детальный анализ роли гендерного дискурса в изменении национальной идентичности России с 2000 г., обозначаемом как «ремаскулинизация», см.: *Рябов О. В., Рябова Т. Б.* «Россия поднимается с колен»? Ремаскулинизация и новая российская идентичность // *Личность. Культура. Общество.* 2008. Т. 10, вып. 3—4. С. 250—257.

лого комплекса стереотипов и представлений. Изображения согласуются с преобладающим культурным восприятием женщин, которое уже разметило «женские» роли. Женщина-политик слишком чувствительна к порицанию, которое она может получить в сатирическом ракурсе. Да и в качестве «электората» она все еще пребывает в патриархальной структуре, подчиненной и пассивной. В то же время символические образы становятся все более агрессивными, а в ряде случаев и вовсе теряют свою традиционно женственную окраску.

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* София-Логос : слов. 2-е изд., испр. Киев : Дух і Літера, 2001. С. 155—161.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1965. 527 с.
3. *Богорад В.* Карикатуристы в одной лодке со СМИ. URL: <http://www.lenizdat.ru/a0/ru/pm1/c-1098110-0.html> (дата обращения: 21.04.2013).
4. Виктор Богорад и Вячеслав Шилов — интервью 1996 г. URL: <http://elcodeblog.ru/?p=3786> (дата обращения: 07.06.2013).
5. *Власенко Е.* Художник Михаил Златковский: «Власть не выдержит насмешки» : интервью «Радио “Свобода”». URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24092802.html> (дата обращения: 01.04.2013).
6. *Горелик К.* Политическая карикатура в России : интервью с Михаилом Златковским и Андреем Влизковым. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/163518.html> (дата обращения: 10.06.2013).
7. *Дмитриев А. В.* Социология юмора : очерки. М. : Изд-во Отд-ния философии, социологии, психологии и права РАН, 1996. Очерк 9 : Политическая карикатура. С. 107—114.
8. Дружеские шаржи на деятелей советской литературы и искусства : альбом / авт.-сост. М. С. Вайсборд. М. : Сов. художник, 1987. 80 с.
9. *Ефимов Б., Фрадкин В.* О временах и людях. М. : Вагриус, 2005. URL: <http://1001.ru/books/efimov/issue76/> (дата обращения: 01.09.2013).
10. Интервью с председателем гильдии карикатуристов А. Рыжовым. URL: <http://www.m24.ru/videos/285> (дата обращения: 03.09.2013).
11. *Красин Ю. А.* Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Полития. 2004. № 3. С. 5—23.
12. *Михайлин В., Беляева Г.* «Наш» человек на плакате: конструирование образа // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. С. 89—109.
13. *Овчинникова Н.* «В России нет политической карикатуры» : интервью с М. Смагиным // Соль. 2010. 23 июля. URL: <http://www.saltt.ru/node/3073> (дата обращения: 21.05.2013).
14. *Рябов О.* «Россия-Матушка» : национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart ; Hannover : Ibidem, 2007. 290 с.
15. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: история визуализации // Границы : альм. Центра этнических и национальных исследований. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 7—37.
16. *Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
17. *Рябова Т. Б.* Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8, вып. 4. С. 307—320.

Гендерные аспекты политической культуры

18. Хинич М. Карикатура — это возможность почувствовать себя свободным : интервью с директором музея карикатуры Гилат Гаон. URL: <http://www.boti.ru/node/41655> (дата обращения: 10.05.2013).
19. Edwards A. Scientific expertise and policy-making: the intermediary role of the public sphere // *Science and Public Policy*. 1999. Vol. 26, № 3. P. 163—170.
20. Gunter B. Television and Gender Representation. London : John Libbey, 1995. 179 p.
21. Lundell A. K., Ekström M. The complex visual gendering of political women in the press // *Journalism Studies*. 2008. Vol. 9, № 6. P. 891—910.
22. Sheppard A. Cartooning for Suffrage. Albuquerque : University of New Mexico Press, 1994. 276 p.
23. Turgeon A. Les femmes et la politique dans les caricatures de Robert La Palme, 1943—1951 // *Rev. d'histoire de l'Amérique française*. 2009/2010. Vol. 63, № 2/3. P. 361—387.
24. Who Makes News : the Global Media Monitoring Project Report. URL: http://whomakesthenews.org/images/stories/website/gmmp_reports/2010/global/gmmp_global_report_en.pdf (дата обращения: 10.05.2013).

ББК 76.000.0

Н. А. Завершинская

ГЕНДЕРНЫЕ МЕТАФОРЫ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Современная российская политика транслирует ценности, которые глубоко укоренились в российской культуре и согласуются с метафорической системой, в мире понятий которой протекает наша жизнь. «Именно образы, а не суждения, именно метафоры, а не утверждения, как замечает Р. Рорти, определяют большую часть наших философских (равно как и политических, и многих других. — Н. З.) убеждений» [1, с. 259]. Чтобы осмыслить реалии современной российской политической жизни, попробуем обратиться к исследованию сопровождающих ее метафорических образов. Метафоры мы собираемся изучать в контексте той реальности, которая конструируется медиаполитикой, имея в виду, что с наступлением информационной эпохи «поле битвы переместилось в ментальное сотворение и сокрушение образов» [5, с. 112].

Контексты конструируемой медиаполитикой реальности

Задачей массмедиа, как считает немецкий социолог Н. Луман, является управление самонаблюдением общественной системы. Для этого общественная система через посредство массмедиа должна быть способна в процессе наблюдения различать и обозначать нечто определенное. Благодаря различению в процессе самонаблюдения общество и конструируемые им коммуникации способны бинарно кодировать себя в отношении приемлемого/неприемлемого, адекватного/неадекватного, актуального/неактуального, нормального/аномаль-

ного, когнитивного/нормативного, сообщения/информации и, таким образом, зондировать внешний мир посредством различения. Без этого различения общественная система не смогла бы эволюционировать и воспроизводить саму себя, выстраивать собственную комплексность.

Различения, используемые в общественной коммуникации, являются продуктами социальной системы, а не предзаданными атрибутами мира или онтологическими конструкциями бытия, зафиксированными обществом в категориях и понятиях. Это значит, что в нормальном режиме общественной коммуникации не ориентируется ни на науку, ни на право, поскольку дифференциация когнитивного/нормативного на науку и право не сможет удовлетворить все многообразие ориентационных потребностей общественной коммуникации. Значимый компонент для удовлетворения ориентационных потребностей общества составляет обусловленная культурой система ассоциативных импликаций, метафорических образов, через которые обнаруживает себя «скрытая прослойка мышления».

Массмедиа, удовлетворяя ориентационные потребности, производят стабильные значения и ориентации в когнитивной, нормативной и ценностной сферах для поддержания коммуникативного процесса, абсорбируют и создают объекты (темы) для дальнейшей коммуникации. «Массмедиа, — пишет Н. Луман, — гарантируют всем функциональным системам настоящее, приемлемое для всего общества, а также известное индивидам, из которого можно исходить, когда речь заходит о селекции некоторого системно-специфического прошлого и об установлении важных для системы ожиданий будущего. В зависимости от специфики этой потребности другие системы могут потом настраиваться на связь с прошлым своих механизмов предвидения...» [4, с. 154]. Через механизм забвения и воспоминания, связанный с переинтерпретацией смыслов, массмедиа переводят отобранные в ходе селекции смыслы в информацию, которая и становится темами коммуникации. При этом в тему «сгущается» только то, что может организовать определенную частоту коммуникаций и что открыто для принятия и отклонения новых подстановок смысла. Посредническую функцию в создании новых смыслов и значений выполняет метафора.

В процессе общественной коммуникации на основе механизма различения сообщения/информации конструируется реальность, порождаемая массмедиа, т. е. возникает описание мира и общества, на которые ориентируется современное общество внутри и вне системы его массмедиа.

Таким образом, массмедиа являются средствами (медиумами), поскольку организуют подготовку, развитие и трансляцию фонового знания, из которого можно исходить в коммуникации [4, с. 105]. Оно глубоко пронизано метафорической структурой, которая нами, как правило, на уровне повседневного мышления никоим образом не осознается. Какое имплицитное содержание несут метафорические гендерные образы, сконструированные современной российской медиаполитикой, нам и предстоит выяснить.

Создание метафор как «фундаментальный инстинкт человека»

Метафора как один из видов коммуникации занимает особо значимое место в сфере социальных и политических взаимодействий. По меткому замеча-

Гендерные аспекты политической культуры

нию Р. Цилла, «метафора это то место, где социальные отношения и культурные практики приобретают значимость в еще большей степени, чем в понятиях, четко определяемых в отдельных теоретических контекстах» [1, с. 180—181]. Являясь действенным средством выражения социальных отношений, метафора в то же время выступает как важное орудие мышления и познания. Функционируя как когнитивный процесс, она углубляет наши представления о мире, меняет наши способы его восприятия и понимания. Именно на основании этого Х. Ортега-и-Гассет определил метафору как форму научной мысли.

Имеется следующее определение данного феномена: «Метафора: фигура речи, заключающаяся в том, что имя или дескриптивное выражение переносится на некоторый объект, отличный от того объекта, к которому, собственно, применимо это выражение, но в чем-то аналогичный ему; результат этого — метафорическое выражение» [10, с. 159]. Механизм метафоры как бы приручает чужое, делает чужое близким, а близкое чужим [1, с. 178]. По словам А. Вежбицкой, метафора покрывает лакуны в словаре буквальных наименований [10, с. 159]. Дело в том, что не все окружающие нас объекты могут быть нами восприняты в форме ясных и четких представлений. Поэтому мы вынуждены обращаться к легко доступным для нашего понимания объектам как к необходимым посредникам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие о сложных и труднообъяснимых феноменах. При помощи метафоры, пишет Х. Ортега-и-Гассет, «нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет “руку” интеллекта; ее роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке. Из этого, впрочем, не следует, что она раздвигает границы мыслимого. Отнюдь нет. Она лишь обеспечивает доступ к тому, что смутно виднеется на его дальних рубежах. Без метафоры на нашем ментальном горизонте образовалась бы целинная зона, формально подпадающая под юрисдикцию нашей мысли, но фактически неосвоенная и невозделанная» [1, с. 72]. Д. Дэвидсон, так же как и Х. Ортега-и-Гассет, обращает внимание на то, что при буквальном употреблении язык «пружинит», в то время как метафоры растягивают язык за пределы его эластичности [1, с. 234]. Происходит это за счет способности метафоры разрушать существующие категоризации, чтобы затем на развалинах старых логических границ создавать новые. В результате размывания установленных логических границ обнаруживается латентная сущность объекта, невидимая в рамках прежних классификаций.

По мере того как наше познание, по замечанию Х. Ортеги-и-Гассета, движется от конкретных предметов обыденной жизни ко все более абстрактным, метафора становится все более необходимой как важное орудие мышления [1, с. 75]. Поэтому без посреднического каузального эффекта метафор, в том числе гендерных, невозможно, на наш взгляд, адекватно воспринять и объяснить те процессы, которые разворачиваются на наших глазах в такой сложной сфере, как сфера современной российской политики.

Гендерная метафоризация основных субъектов российской политической сцены

Российская медиаполитика в последнее время перенасыщена женскими образами. На экранах российского телевидения и в пространстве Интернета «героями» новостных программ и политических шоу нередко становились участницы группы «Pussy Riot», так называемого женского батальона Сердюкова, представительницы Государственной думы, номинированные журналистами «Московского комсомольца» в качестве политических содержанок, и др. Но и в недавнем прошлом, во время избирательной президентской кампании, гендер также играл важную роль в распознавании происходящих событий. Попробуем вспомнить некоторые сюжеты медиаполитики конца 2011 — первой половины 2012 г.

Предвыборная кампания 2012-го позволила зафиксировать появление на российской сцене в качестве одного из активных политических игроков оппозиционно настроенного среднего, или креативного, класса. Журналисты определили его возраст как подростковый, ибо, по их словам, его еще нельзя назвать мужчиной в полном расцвете сил [8]. Нетрудно догадаться, почему пол среднего класса квалифицируется как мужской, а не женский: женское начало традиционно ассоциируется в российской культуре с консервативностью, в то время как креативность (креативный класс) — с мужским признаком.

Впрочем, и представители протестного движения не гнушались подобных метафоризаций в идентификационных играх. Пытаясь провести дифференцирующее различие со своими оппонентами, они активно прибегали к языку сексуальных метафор. Добровольно-принудительный характер митинга на Поклонной горе был воспринят ими через метафору падшей женщины. Если и на митинге на Болотной, и на митинге на Поклонной был один и тот же российский народ, это не значит, по их словам, что «в домашних постелях и в борделях одни и те же женщины. Это цинизм. Да, у тех и других две руки, две ноги, говорят по-русски. Но разница огромная: одни — по любви, другие... Мы же понимаем, что в бордель девчонку загнала злая судьба, подонок-сутенер. И даже если там найдутся такие, которые по доброй воле, из любви к человечеству, гм-гм... мы считаем, что они дуры — не понимают, что творят с собой, со своей душой» [7].

Образ падшей женщины с легкой руки В. Жириновского был приклеен и пропутинской партии «Единая Россия». Дебатируя с Н. Нарочницкой, выступавшей в качестве доверенного лица В. Путина, Жириновский заявил: «Да, “Единая Россия” больше никому не нужна, она теперь падшая женщина» [6].

Эстетика протеста не только в России, но и за рубежом не гнушается прибегать к эротике и сексуализации политики. Е. Киселев, ведущий ток-шоу «Великая политика» на украинском телевидении*, идентифицировал Украину как страну раздетых девушек, поскольку в экстравагантных акциях движения «Femen» (рук. А. Гуцал) использовался «главный калибр (оголение бюста. — Н. З.), которым они потрясли мир» (С. Поярков, украинский художник).

Можно в этой связи вспомнить и эксцентричную акцию протеста «Pussy Riot», когда ее участницы в масках и ярких платьях вскочили на амвон в храме Христа Спасителя и запели песню со словами «Богородица, Путина прогони»,

* ТВ «Интер» (Украина), 18 ноября 2011 г.

Гендерные аспекты политической культуры

«Богородица, стань феминисткой» и «Глава КГБ, их главный святой, ведет протестующих в СИЗО под конвой». Вокруг этой акции в России до сих пор не утихают споры.

Путин, как главный актер недавней президентской предвыборной кампании, также нередко в медийном пространстве сексуализировался: мачо Путин, Путин как желанный жених для россиянок в песенке «Гольден бабок»: «На деревне почталыон / Девочек кроет матом: / “Хватит, девки, письма слать: / Путин наш — женатый”. / Я лечу в автомобиле, / Хорошо мне все видать. / Кроме Путина не вижу, / За кого голосовать! / Опа-попа, зеленая ограда, / Станет Путин президентом, / Так оно и надо» [11].

Целый веер гендерных образов России и российской государственности тиражировался в ходе президентской избирательной кампании и продолжает тиражироваться сейчас, когда она осталась в прошлом. Россия — это и страна «великих» жен», и «падчерица» бюрократической чиновничьей элиты, она «напоминает беременную девушку бальзаковского возраста. Вот и думает что-то родить, но иногда закрадываются мысли побыстрее сделать аборт» [12]. Если расшифровать данный метафорический образ, то речь идет о том, что «мы стоим, по замечанию экономиста Никиты Кричевского, не на распутье, а на пороге неизвестности. Если говорить о распутье, то социально-экономическая политика государства за последние 12 лет отличается стойкой шизофренией. Ее смысл в том, что на словах мы декларируем одно, а на деле происходит совсем другое. Мы все последние 12 лет, а то и больше, да что там, с 90-х годов, говорим о том, что нам нужно отказаться от сырьевой модели развития экономики. Как только цены на нефть снижаются, мы говорим о развитии конкуренции, о необходимости модернизации, о развитии предпринимательской инициативы и всего, что с этим связано. Но как только цены на нефть восстанавливаются, это было наглядно продемонстрировано в самом начале 2009 года, когда нефтяная лестница пошла вверх, мы моментально — как больной, который, будучи в кровати с температурой 40, обещает всем, что, как только выздоровеет, бросит вредные привычки и займется спортом. Проснувшись здоровым, моментально забывает о своих обещаниях и продолжает вести ту жизнь, которую он вел до болезни» [9].

Появление «женского батальона Сердюкова» на российской политической сцене, несомненно, активизировало процесс гендерной метафоризации российской политики. В Яндексe на поисковый запрос «женский батальон Сердюкова», сделанный 10 декабря 2012 г., нашлось 82 тыс. ответов. Страницы электронных изданий газет и интернет-форумы в связи с делом «Оборонсервиса» обсуждают как фигуранток дела, номинируя их в качестве «наложниц Сердюкова», «гарема Сердюкова», «борделя» в оборонной конторе и т. д., так и попутно — вопрос о месте женщины в армии. В ходе критики «никчемных» органов управления Вооруженных сил разными авторами довольно часто делается вывод о далеко зашедшей феминизации Российской армии с губительными для нее последствиями. Коллективный дух сформировавшихся общественных настроений хорошо иллюстрирует позиция бывшего начальника Главного штаба Сухопутных войск России генерал-полковника Ю. Букреева: «...совершенно бесправные, никчемные органы управления <...> если он [новый министр обороны] разгонит

оттуда этих дам, некомпетентных, сволочных, которые ненавидят офицерский состав, с которыми невозможно решать ни один вопрос... Представляете, сейчас, как рассказывают, в перерывах на коллегии ведомства очередь в женские туалеты больше, чем в мужские. Женский батальон какой-то» [3].

Несомненно, криминальная история, связанная с «Оборонсервисом», не могла не подорвать имидж женщины, допущенной, наконец, к последнему бастиону мужского мира — к работе в армии. Но удивляет специфическая форма, в которую облакаются суждения по этому вопросу. Почему-то дискурс сразу концентрируется на гендерно-маркированных суждениях, связанных со своеобразной интерпретацией природы женскости, как, например, обсуждение больших шансов «доступа к телу» начальника-мужчины у подчиненных женщин или подсчет численности очереди в туалет, состоящей из представительниц женского пола, на коллегии министерства. Политические скандалы с актерами мужчинами, как правило, не достигают такой интенсивности гендерного «градуса» и таких гендерных деталей и подробностей. Видимо, на оценки хищений, случившихся в Министерстве обороны, влияет не только здравый смысл (так называемое дискурсивное сознание), здесь задействованы и более глубинные механизмы работы нашей психики — фоновое знание со всей неосознаваемой нами в повседневных практиках системой метафорических структур. Чтобы понять, что представляет собой фоновое знание, рассмотрим пример практического знания, названного Д. Дондуреем «теневого идеологией». Как пишет Д. Дондурей, «есть более или менее очевидные культурные платформы — мировоззрение, мораль и национальная ментальность, но жизнь здесь скорее регламентируется множеством неverified правил, и именно они, вернее то, что я называю “теневого идеологией”, управляют ситуацией. Мы все умеем считывать местные непростые контексты, знаем, что работодатель в России — больше чем работодатель, что кроме компенсаторных функций в Интернете тут нет коллективного сообщества, нет профсоюзов, наконец, кроме сумасшедшего Удальцова, нет людей, готовых бескорыстно противостоять несправедливости режима. Знаем, как взаимодействовать с чиновниками, с полицией (чтобы она не убила, а только ограбила), а как — с партнерами по бизнесу. Мы привычно и умело живем по правилам теневого идеологии. Собственно, ее появление не новость: подобная система практических предписаний существовала параллельно с официальной еще в советское время. Но советскую теньную идеологию можно назвать животворной, неконформистской, и именно это отличает ее от современной» [2].

Фоновое знание содержит целый комплекс неverified правил гендерной идентификации, опираясь на которые мы формируем образы женственности и мужественности и сквозь призму которых осуществляем оценивание окружающего мира и политических сюжетов, происходящих на российской политической сцене. Это фоновое знание вобрало в себя комплекс гендерных метафор, метафорических структур мужского господства и мужского оценивания, подробно охарактеризованных П. Бурдые, И. Гофманом и другими крупными исследователями XX в. Структуры мужского оценивания, как показывает прове-

Гендерные аспекты политической культуры

денный нами выше анализ, остаются по-прежнему непоколебимыми в восприятии массовым сознанием реалий современной российской политики.

Итак, современная российская политика активно эксплуатирует в медийном пространстве гендерные метафоры, которые задают алгоритмы восприятия политического процесса в России и погружают неотчетливое сознание российского обывателя в доступные типизации-обобщения происходящих событий. В основе этих типизаций — все те же архаические гендерные бинарные структуры, как будто в России не XXI в., а все еще век патриархальной старины. Все это свидетельствует о незрелости российской политики и языковых средств ее кодификации. Но будем надеяться, что перед российской политикой откроются новые горизонты и возникнет новая, более глубокая метафорика.

Библиографический список

1. История понятий, история дискурса, история менталитета : сб. ст. : пер. с нем. / под ред. Х. Э. Бедекера. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 328 с.
2. *Кравцова М.* Даниил Дондурей о Путине как культурологе. URL: http://Petr_grinwichURL:http://petr-grinwich.livejournal.com/2056.html (дата обращения: 28.08.2013).
3. *Крецул Р.* «Нужен серьезный откат назад». Бывший начальник Главного штаба Сухопутных войск резко критикует итоги работы А. Сердюкова // Взгляд : деловая газ. 2012. 6 нояб. URL: <http://vz.ru/society/2012/11/6/605924.html> (дата обращения: 28.08.2013).
4. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
5. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М. ; Жуковский : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2003. 464 с.
6. *Мельман А.* Боря, скоро грянет Боря // Московский комсомолец. 2012. 9 февр. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/08/669526-borya-skoro-gryanet-borya.html> (дата обращения: 28.08.2013).
7. *Минкин А.* Моисей Владимирович // Московский комсомолец. 2012. 16 февр. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/15/672198-moisey-vladimirovich-.html> (дата обращения: 28.08.2013).
8. *Минкин А.* Папа Путин и блудный креативный класс // Московский комсомолец. 2012. 7 февр. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/06/668402-papa-putin-i-bludnyiy-kreativnyiy-klass-.html> (дата обращения: 28.08.2013).
9. *Рукобратский В., Яковлев А.* Известный экономист Никита Кричевский: кадровая революция свершилась, постсоветское правительство ушло // Комсомольская правда. 2012. 18 нояб. URL: <http://www.kp.ru/radio/stenography/33665/> (дата обращения: 28.08.2013).
10. Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. 512 с.
11. Частушки про Путина: бабульки сами сочинили и спели смешные куплеты // Dal.by. 2012. 15 февр. URL: <http://www.dal.by/news/2/15-02-12-10/> (дата обращения: 28.08.2013).
12. *Шоль III.* Российский карнавал // Московский комсомолец. 2012. 1 марта. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/29/676835-rossiyskiy-karnaval.html> (дата обращения: 28.08.2013).

СОВРЕМЕННОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ББК 66.74(2Рос)

А. А. Гнедаш

ЖЕНСКИЕ ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

История женских гражданских инициатив в России достаточно длительна, несмотря на то что информация о них редко появляется в СМИ, общественные организации и политические партии также редко проявляют к ним интерес.

Общепринято трактовать гражданские инициативы как формальные и неформальные объединения граждан, создаваемые людьми по собственной инициативе для решения важных для них проблем. Как правило, выделяют конфликтные и поддерживающие гражданские инициативы; в основе первых лежит конфликт интересов (например, протестные акции по поводу закона о монетизации льгот), в основе вторых — защита прав определенных социальных групп, оказание им помощи и социального содействия (например, группы поддержки по месту жительства, сфере интересов).

Несомненно, гражданские инициативы являются неотъемлемой частью гражданского общества: они компенсируют недостатки систем социального обеспечения, способствуют самоорганизации граждан и развивают сотрудничество между людьми, укрепляют социальные связи и способствуют решению проблем как на федеральном, так и на локальном уровне [7]. Российскую действительность отличает гражданская активность дольщиков и митингующих родителей по вопросам устройства детей в дошкольные учреждения.

Репертуар коллективных и индивидуальных действий участников гражданских инициатив обширен: от написания писем в органы власти и поиска ресурсов решения вопроса до протестных шествий, митингов и неинституциональных методов типа блокады магистралей.

После протестов 2011—2012 гг. ландшафт гражданских инициатив в России стал невероятно разнообразным: в Рунете можно найти информацию о различного рода группах и активистах, занимающихся обустройством и благоустройством городской среды (проекты «Дом.Двор.Дороги» [14], «Москва в лицах» [15], «WowMoscow» [24]), защитой прав животных и продвижением веганства («Bird Strike» [20]), развитием велодвижения в Москве и России («Let's bike it!» [22]), экологическими вопросами («Разделяй и здравствуй» [16], «EcoPad» [21], «Сделаем!» [17]), волонтерством («Волонтерский центр “АЯ”» [11]), образованием, просвещением и социальной адаптацией детей, детей с ог-

© Гнедаш А. А., 2013

Исследование проводилось в рамках государственного заказа Министерства образования и науки РФ, № 6.1134.2011, «Сетевой ландшафт российской публичной политики: проблемы развития и безопасность» (АВЦП, 2013).

Современное женское движение

раниченными возможностями, детей с ментальными проблемами («Детский интеграционный театр “Куклы”» [13], «Только ты можешь» [19], «Больничные клоуны» [10]), помощью ветеранам войны и пожилым людям («Старость в радость» [18], «Волонтеры. Помощь ветеранам в канун 9 Мая» [12]). Данные гражданские инициативы реализуются за счет краудфандинга и пожертвований, помощи и участия волонтеров, самоорганизации всех заинтересованных и сочувствующих лиц. Можно отметить, что накопленный в период электорального цикла 2011—2012 гг. протестный потенциал канализовался в конструктивное русло и трансформировался в перечисленного рода проекты и социальные акции.

В 2013 г. власти сформировали online-платформу для законодательных гражданских инициатив: в российском сегменте Интернета появился ресурс «Российская общественная инициатива» [25], созданный по Указу Президента РФ для продвижения общественных инициатив россиян. На федеральном уровне для дальнейшего рассмотрения инициативы органом государственной власти необходимо набрать не менее 100 тыс. голосов граждан, для рассмотрения инициативы на региональном и муниципальном уровнях необходимо набрать голосов не менее 5 % от численности населения, зарегистрированного на территории субъекта РФ и муниципального образования соответственно (для субъектов РФ, имеющих численность населения более 2 млн граждан, рассматриваются инициативы, получившие поддержку не менее 100 тыс. граждан). Голосование по гражданской инициативе действительно в течение одного года. На региональном и муниципальном уровнях «Российская общественная инициатива» начнет работать с 1 ноября 2013 г. На данный момент на сайте зарегистрировано более 1800 инициатив (по состоянию на 30 августа 2013 г.), среди которых можно выделить традиционно соответствующие «женскому вопросу» или отражающие принятый гендерный код в российском обществе (например, материнство, материнский капитал, декретные пособия и пособия по уходу за ребенком):

— увеличить денежные выплаты на декретный период («за» — 4093 голоса, «против» — 251); увеличить ежемесячное пособие по уходу за ребенком (в возрасте до 3 лет) до 100 % от среднего заработка и продлить срок выплаты до 3 лет («за» — 334 голоса, «против» — 23);

— выплачивать материнский капитал на третьего и последующих детей («за» — 4466 голосов, «против» — 261); разрешить использовать материнский капитал уже через год после рождения ребенка («за» — 423 голоса, «против» — 57); использовать материнский капитал для приобретения автомобиля многодетными семьями («за» — 281 голос, «против» — 77); использовать материнский капитал для покупки земельных участков под индивидуальное жилищное строительство («за» — 99 голосов, «против» — 1);

— вернуть удостоверение «Многодетная мать» («за» — 280 голосов, «против» — 31);

— законодательно ввести сокращенный рабочий день для беременных женщин («за» — 278 голосов, «против» — 53);

— увеличить пособие матерям-одиночкам («за» — 110 голосов, «против» — 23);

— запретить аборты на территории России («за» — 803 голоса, «против» — 1303).

Инициативы, касающиеся традиционно «мужских» тем:

— внести изменения в законодательство РФ, направленные на защиту отцовства («за» — 296 голосов, «против» — 15).

Инициативы, касающиеся вопросов эгалитаризма:

— уравнивать в правах женщин и мужчин («за» — 281 голос, «против» — 99);

— уравнивать в правах на ребенка отцов и матерей («за» — 717 голосов, «против» — 35);

— легализовать проституцию («за» — 6578 голосов, «против» — 2260).

Сейчас достаточно сложно оценить вероятность достижения данными инициативами указанного порога в 100 тыс. голосов, но можно определить, что лидером (уже получено более 70 тыс. голосов) является общественная инициатива «отмены приоритетного проезда всех автомобилей, кроме автомобилей оперативных служб», далее идут инициативы, касающиеся дорог, транспорта и транспортных нарушений. Необходимо особо отметить, что низкая поддержка указанных общественных законодательных инициатив по «женским» темам объясняется следующими причинами: во-первых, возможным непризнанием их проблемными со стороны большинства; во-вторых, недоверием пользователей к данному механизму решения социальных проблем (вследствие чего наблюдается низкий уровень голосования по многим темам, не только гендерно-маркированным); в-третьих, низкой осведомленностью граждан о существовании подобного ресурса и механизмах выдвижения гражданами законодательных инициатив.

С июня 2013 г. представленные инициативы стали рассматриваться на предмет целесообразности специально созданной и утвержденной правительственной рабочей группой из числа сенаторов, депутатов Государственной думы РФ, представителей бизнес-сообщества и некоммерческих организаций. Интересно, что больше 100 тыс. подписей, которые были собраны на сайте «Новой газеты» за отмену запрета на усыновление российских детей гражданами США, не помешали утвердить соответствующий законопроект [4].

В целом успешность низовых социальных гражданских инициатив объясняется сетевыми принципами организации. Современные социальные сети и сетевые сообщества можно рассматривать как инновационных агентов перемен и агентов внесения «диссонанса» (конструктивного или деструктивного) в поле публичной политики как России, так и других стран [2]. В условиях создания электронной демократии мы можем говорить о все более растущей роли социальных сетей и сетевых сообществ в жизни всего общества посредством мобилизации социального капитала online- и offline-сетевых структур [26].

Под *женскими гражданскими инициативами* мы понимаем действия, совершаемые неформальными и/или институционализированными объединениями граждан (женскими общественными организациями) в поддержку «женских» тем (политическая позиция, гражданская активность и др.) или тех вопросов, которые в конкретном обществе считаются женскими (материнство, семья, материнский капитал, дети и др.). Для обозначения ландшафта женских гражданских инициатив мы рассмотрим следующие примеры: кейс общественного движения «Молодые мамы — за справедливый закон», иллюстрирующий

Современное женское движение

женские низовые неформальные гражданские инициативы в масштабах территории Российского государства; кейс Санкт-Петербургской общественной организации «Общество содействия социальной защите граждан “Петербургская эгида”», обозначающий политическую мобилизацию гражданских инициатив по защите прав граждан (женщин), пострадавших от трудовой дискриминации; кейс online-сообщества родителей на региональном уровне, решающего проблемы размещения детей в дошкольных учреждениях и дальнейшей институционализации, в виде Краснодарской региональной общественной организации «Вторая мама»; кейс панк-группы «Pussy Riot» и судебного процесса над ними, детерминировавших отношение российского общества к женским политическим гражданским инициативам; кейс проекта «Startup Women», иллюстрирующий рост женских социально-экономических гражданских инициатив.

Кейс общественного движения «Молодые мамы — за справедливый закон». Это движение было создано в апреле 2010 г. женщинами Санкт-Петербурга с целью добиться принятия закона о страховании материнства для защиты работающих матерей в период беременности, родов и отпуска по уходу за ребенком. Все участницы движения были либо уволены в период беременности, «декретного отпуска», либо не получили от работодателей пособия по беременности и родам и уходу за ребенком. В декабре 2010 г. в ряде городов Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Новгород, Солнечногорск, Саратов, Брянск, Ижевск, Иркутск, Пермь, Владимир, Архангельск, Вологда, Омск и др.) подобные движения и общественные организации провели протестные акции беременных женщин, которым, согласно поправкам в закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», изменили систему расчета декретных и больничных выплат. Благодаря согласованию действий в сети и проведению акций протеста, будущим мамам удалось создать прецедент. В результате политическое вмешательство президента и премьер-министра потушило разгоревшийся в обществе конфликт и фактически отодвинуло перспективу снижения декретных выплат на два года. Вопрос об изменении декретных выплат был решен в конце 2012 г.: теперь граждане сами выбирают схему начисления отпускных декретных пособий [3].

Кейс Санкт-Петербургской общественной организации «Общество содействия социальной защите граждан “Петербургская эгида”». Политическая мобилизация гражданских инициатив в институционализированном виде приводит и к конкретным результатам для отдельных лиц: «Петербургская эгида», созданная в 2002 г. [8], оказывает юридическую и просветительскую помощь гражданам, пострадавшим от трудовой дискриминации, в том числе беременным женщинам и женщинам с малолетними детьми, женщинам, незаконно уволенным и оставшимся без пособий на детей. В 2010 г. «Петербургская эгида» вела 16 судебных дел о восстановлении на работе незаконно уволенных женщин и взыскании причитающихся пособий.

Кейс online-сообщества родителей на региональном уровне. В Краснодарском крае (как и в ряде других регионов Российской Федерации) с 2002 г. на интернет-форуме «www.kuban.ru» существует сеть «Родительство», где участники обмениваются информацией, связанной с воспитанием детей, решают

вопросы, связанные с благотворительностью и материальной помощью нуждающимся семьям и детям. С течением времени online-контакты были перенесены в реальную жизнь, упорядочены и выстроены на системной основе. Например, на форуме была актуализирована проблема нехватки мест в детских садах. Впоследствии усилиями родителей-чиновников была инициирована, разработана и реализована в рамках социального партнерства бизнеса и власти краевая программа «Поддержка частных детских садов в Краснодарском крае». Также обсуждение на форуме тем о брошенных детях и ситуациях в детских домах переросло в создание Краснодарской региональной общественной организации «Вторая мама», одним из проектов которой стало открытие первой в Краснодарском крае «Школы приемных родителей». Ее целью были подготовка и обучение будущих приемных родителей, а также поддержка семей, уже имеющих приемного ребенка. В дальнейшем, используя опыт специалистов организации и методические материалы, разработанные ими, Департамент семейной политики Краснодарского края открыл 40 подобных школ. Гражданская структура на данный момент включена во всероссийскую сеть НКО, направленных на защиту прав материнства и детства, и функционирует на основе грантовой поддержки Общественной палаты РФ [6].

Кейс панк-группы «Pussy Riot» и судебного процесса над ними. Панк-группу «Pussy Riot» обозначим как квази-протестную гражданскую инициативу. Такая характеристика напрямую объясняется позицией власти и общества по отношению к данному явлению в российской публичной политике: во властном дискурсе современной России подобные неформальные неструктурированные гражданские объединения не артикулируются как протестные движения; они даже квалифицируются как любого другого рода движения (антирелигиозные, женские, неэтичные), но только не протестные. Мы не будем заострять внимание на разборе религиозной подоплеки и пытаться давать морально-нравственную оценку выступлениям группы, а попытаемся рассмотреть последствия для российской публичной политики властных репрезентаций акций «Pussy Riot» как квазипротестных женских гражданских инициатив.

«Pussy Riot» — российская феминистская панк-группа, созданная в октябре 2011 г. Она провела 21 февраля 2012 г. в храме Христа Спасителя в Москве «панк-молебен», в ходе которого была исполнена песня «Богородица, Путина прогони». Эта акция была заснята и в виде смонтированного клипа выложена в сети «Интернет». Количество посмотревших ролик — миллионы человек, не только в России, но и во всем мире. В дальнейшем трех участниц группы задержали и завели уголовное дело по статье «Хулиганство» (ч. 2 ст. 213 УК РФ). В суде звучали обвинения в «хулиганстве по мотивам религиозной ненависти», «грубом нарушении общепризнанных норм и правил поведения», «всех мыслимых и немыслимых правил поведения в храме» (данные нормы на тот момент не подлежали уголовной ответственности, но, тем не менее, были заявлены в суде).

История и дальнейший судебный процесс над участницами группы «Pussy Riot» впервые в современной России вывели тему феминизма на национальный публичный уровень обсуждения. При этом в Хамовническом суде Москвы были произнесены слова о том, что «феминизм — это смертный грех,

Современное женское движение

поскольку это неестественное проявление, связанное с жизнью» и что «феминистка — это оскорбительное и непристойное слово для православного верующего» [28]. Если бы участницы группы в ходе процесса сыграли ожидаемую от них гендерную роль: расплакались, просили прощения и т. д., эти «типичные» женские действия сильно поменяли бы отношение к ним и пострадавших, и общественности, и даже суда. Однако активистки группы оставались спокойными, ироничными и проявляли высокий уровень интеллекта, что невербально считывалось как западный и неженственный подход к делу. Обсуждение феминистских аспектов акции «Pussy Riot» породило новые волны паники в online-пространстве относительно «западного вируса феминизма», который учит русских женщин «свободе, равенству, братству» не только в сфере политики, но и сфере религии. Действительно, вдруг русская женщина захочет не просто коня на скаку останавливать, в горящие избы входить, но после выступлений «Pussy Riot» решит песни с солеи распевать, да еще и песни с критикой существующей власти и песни о «господствующих в церкви коррупции, цинизме, коммерциализации и прямой зависимости от власти» [1].

Женские гражданские инициативы угрожают не нравственности и основам демократии, феминизм в первую очередь ставит вопрос об основах патриархальной системы российского общества, в рамках которой женщина не имеет «права голоса». Выступления «Pussy Riot» вывели в дискурс российский публичной политики «женский политический субъект» и показали реакцию властного большинства российского общества, отрицающего наличие субъектной позиции у женщин.

Эксперты, выступавшие на заседаниях суда, отметили, что «активная политическая позиция является подтверждением психического расстройства», выявленного у трех подсудимых и проявившегося «в активном отстаивании собственного мнения и склонности к оппозиционным формам поведения» [5]. Тем не менее эксперты установили, что девушки являются вменяемыми, а потому должны нести ответственность за свой поступок. Психолого-лингвистическая экспертиза подтвердила, что акция феминисток была целенаправленной. Судья посчитала, что заявления феминисток о том, что они не хотели оскорбить чувства верующих, не имеют под собой оснований, и не увидела в панк-молебне политического подтекста и требований. По мнению потерпевших, ставших свидетелями инцидента, «в акции не присутствовала политическая подоплека, и заявления феминисток о том, что к проведению акции их подтолкнула политическая ситуация в стране, массовые фальсификации на состоявшихся парламентских выборах, позиция патриарха Кирилла, призывавшего голосовать за В. Путина на президентских выборах, не имеют под собой основания» [9]. 17 августа 2012 г. Хамовнический районный суд Москвы признал подсудимых виновными в хулиганстве и назначил им наказание в виде двух лет заключения в колонии общего режима.

Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что после «Pussy Riot» велика вероятность того, что женские гражданские инициативы, не имеющие адресом своего приложения «традиционные женские темы» (семья, материнство и детство), будут рассматриваться обществом и властью как «женское хулиганство». В настоящее время можно отметить спад социально-политических жен-

ских гражданских инициатив и в то же время рост экономических женских гражданских инициатив, примером чему служит проект «Startup Women».

Кейс проекта «Startup Women». «Стартап» — молодая быстрорастущая компания, нашедшая эффективную стратегию получения прибыли от использования инновационной идеи [27]. Цитируя организаторов, «Startup Women» — это «площадка для активных и целеустремленных женщин-предпринимателей, а также для всех, кому интересно создание интернет-проектов в нишах food/fashion/kids/beauty/education, где целевой аудиторией и самыми активными потребителями являются женщины» [14]. Проект помогает получить консультацию экспертов; получить содействие в поиске инвестиций и запустить собственный проект; приобрести необходимые знания и навыки; расширять сеть контактов, общаться с единомышленниками. На online-ресурсе собрано 26 проектов девушек — участниц сообщества и инкубатора: «Для инвесторов — это отличная возможность найти потенциально интересные стартапы для инвестирования. Для других участниц — найти единомышленников, поделиться идеями, найти команду, стать партнерами» [23]. Подобного рода виртуальные бизнес-инкубаторы для женщин начинают занимать ведущие позиции в online-пространстве за счет роста числа женщин-предпринимателей и выстраивания ими именно «женских» (эмоциональных, личностных) стратегий ведения бизнеса с упором на успешность (самореализуемость) и в семейной сфере. В данном случае мы наблюдаем эффект баланса в вопросе «карьера — семья».

Рассмотренные кейсы намечают ландшафт женских гражданских инициатив в современной России и позволяют надеяться на то, что наступит время, когда «женский вопрос» не будет ассоциироваться только с семьей и материнством.

Библиографический список

1. Будрайтскис И. Pussy Riot: этика, политика и новые диссиденты? URL: <http://polit.ru/article/2012/08/27/ilbdr270812/> (дата обращения: 01.07.2013).
2. Гнедаш А. А. Конструктивный и деструктивный потенциал женских социальных сетей и сообществ в решении проблем современной социальной политики в Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 59—63.
3. Гнедаш А. А. Ресурсы, типы и функции женских online-социальных сетей в публичной политике // Сетевые ресурсы и практики в публичной политике : материалы Всероссийской конференции молодых политологов, 8—11 окт. 2012 г. Краснодар : Просвещение ЮГ, 2012. С. 48—53.
4. Гражданские инициативы проверяют на «похабщину» и «троллинг». URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2204818> (дата обращения: 05.07.2013).
5. Карательная психиатрия возвращается, а верующие спасают РПЦ. URL: <http://echo.msk.ru/blog/gmelamedov/920662-echo/> (дата обращения: 01.07.2013).
6. Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. «Инвесторы» политического капитала: социальные сети в политическом пространстве региона // Полит. исслед. 2009. № 2. С. 60—76.
7. Никовская Л. И., Якимец В. Н., Молокова М. А. Гражданские инициативы и модернизация России. М. : Ключ-С, 2011. 336 с.
8. Общество содействия социальной защите граждан «Петербургская эгида». URL: <http://spb-egida.ru/> (дата обращения: 03.07.2013).

Современное женское движение

9. Приговор PUSSY RIOT. 17.08.12. Противостояние у суда. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=hs61h7c-bTY> (дата обращения: 11.07.2013).
10. Проект «Больничные клоуны». URL: <http://www.medclown.ru> (дата обращения: 01.07.2013).
11. Проект «Волонтерский центр «АЯ»». URL: <http://ayavolunteer.ru> (дата обращения: 01.07.2013).
12. Проект «Волонтеры. Помощь ветеранам в канун 9 Мая». URL: <http://vk.com/club25904692> (дата обращения: 01.07.2013).
13. Проект «Детский интеграционный театр «Куклы»». URL: <http://duklob.ru> (дата обращения: 04.07.2013).
14. Проект «Дом.Двор.Дороги». URL: <http://domdvordorogi.ru> (дата обращения: 02.07.2013).
15. Проект «Москва в лицах». URL: http://vk.com/i_see_people (дата обращения: 07.07.2013).
16. Проект «Разделяй и здравствуй». URL: <http://www.razdelimusor.ru> (дата обращения: 01.07.2013).
17. Проект «Сделаем!». URL: <http://sdelaem.info> (дата обращения: 01.07.2013).
18. Проект «Старость в радость». URL: <http://www.starikam.ru/> (дата обращения: 06.07.2013).
19. Проект «Только ты можешь». URL: <http://vk.com/club12739745> (дата обращения: 02.07.2013).
20. Проект «Bird Strike». URL: <http://vk.com/club18807636> (дата обращения: 01.07.2013).
21. Проект «EcoPad». URL: <http://ecopad.ru> (дата обращения: 02.07.2013).
22. Проект «Let's bike it!». URL: <http://letsbikeit.ru/about/> (дата обращения: 01.07.2013).
23. Проект «Startup Women». URL: <http://startupwomen.ru/o-nas> (дата обращения: 06.07.2013).
24. Проект «WowMoscow». URL: <http://wowmoscow.net> (дата обращения: 08.07.2013).
25. Российская общественная инициатива : официальный сайт // URL: <https://www.roi.ru> (дата обращения: 09.07.2013).
26. *Рябченко Н. А.* Online-социальные сети в публичной политике: семь мостов Египта // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 4. С. 38—53.
27. Стартап. URL: http://one-on-one-startup.blogspot.ru/2008/02/blog-post_05.html (дата обращения: 01.07.2013).
28. Суд над Pussy Riot. День второй : Твиттер-стенограмма. URL: http://bg.ru/city/sud_nad_pussy_riot_den_vtoroy_twitter_stenogramma-11554/ (дата обращения: 01.07.2013).

ББК 66.74(2Рос)

О. Г. Овчарова

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛ

Проекты, идеи и механизмы реализации которых вызревают в общественных организациях самых разных направлений деятельности, как правило, отличаются своей высокой социальной отдачей. А поскольку в современной России ассоциациям «третьего сектора» часто приходится инициировать решение вопросов, компетенция которых, по сути, затрагивает уровень государственных решений, проекты общественных организаций имеют очевидный политический функционал.

Социально-политическое значение проектов общественных организаций довольно отчетливо можно рассмотреть на примере работы отечественных женских организаций «...по таким острым социальным проблемам, на решение которых у государства не хватает ни сил, ни доброй воли» [1, с. 66—67]. Понимая разницу задач реальных проектов в тех или иных организациях (априорно имеющих разные цели деятельности, различные профессиональные интересы, послужившие базой возникновения организации, отличающиеся идеологические платформы и др.), тем не менее постараемся выделить общие социально и политически значимые функции, которые несет в себе их реализация.

Социально-политический потенциал проектов женских организаций будет проиллюстрирован проектной деятельностью Консорциума женских неправительственных объединений и Социал-демократического союза женщин России. Организации отличаются временем возникновения и количеством членов, общественной известностью и численностью и видами проведенных проектов¹. И эта разница, на наш взгляд, еще более способствует выделению общего социально-политического капитала в их деятельности².

Во-первых, уточним значение ключевого понятия. Под проектом нами понимается его определение прежде всего как проекта социального. «Социальный проект — это сконструированное инициатором проекта социальное нововведение, целью которого является создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной ценности <...> и воздействие

¹ Вся анализируемая информация взята со страниц официальных сайтов обозначенных женских организаций, конкретно — из разделов «Проекты».

² Консорциум женских неправительственных объединений был создан в 1993 г., Социал-демократический союз женщин России — в 2012 г. Консорциум объединяет более 150 женских организаций в 52 российских регионах, Социал-демократический союз имеет отделения в 48 регионах. Консорциум не обозначает какой-либо идеологической платформы, на которой основывается его деятельность, и не позиционирует себя как политически ориентированная организация. Идеологическая база Социал-демократического союза отражена непосредственно в его наименовании, а основные цели его создания изложены в Политическом заявлении. В силу разницы в «возрасте» Консорциум имеет большее количество реализованных и текущих проектов, нежели Социал-демократический союз. Консорциум женских неправительственных объединений юридически зарегистрирован как некоммерческое партнерство, а Социал-демократический союз женщин России — как общественное движение, что с формально-правовой точки зрения имеет некоторые различия. Тем не менее, поскольку основные социально и политически ориентированные цели деятельности у этих организаций созвучны, указанные различия не препятствуют анализу, а, напротив, способствуют пониманию социально-политической ориентации женских общественных организаций.

которого на людей признается положительным по своему социальному значению» [5]. Вместе с тем замысел нашей статьи, предполагающий обращение к текстовому представлению концепций своих проектов женскими организациями, подразумевает и интерпретацию проекта как продукта деятельности проектирования, т. е. замысла, идеи, образа, воплощенных в форму описания и обоснования, раскрывающих сущность замысла и возможность его практической реализации [8]. Во-вторых, отметим, что основными исследованиями, послужившими методологической базой статьи, выступили работы С. Г. Айвазовой, в которых глубоко и последовательно изучалась проблематика социально-ценностного и политико-ориентированного содержания деятельности отечественных женских организаций [2], О. А. Ворониной, исследующей потенциал женских организаций в вопросах формирования гендерного равенства как в культурном, так и правовом аспектах [4].

Итак, анализ наименований и содержания проектов указанных выше женских общественных организаций позволил выделить следующие функции: образовательную, или гендерное просвещение общества (по С. Г. Айвазовой); утверждение принципов гендерного равенства и социального процветания; трансляцию и сохранение исторической памяти; консолидацию женского движения; оформление публичной политики и модернизацию общества.

Одной из наиболее важных выступает *образовательная функция*, или *гендерное просвещение общества*. Социальный эффект в данном случае выражается прежде всего в повышении информированности граждан (если не всех, то хотя бы заинтересованных) о решении той или иной гендерно-ориентированной проблемы в конкретной сфере: социальной, культурной, социально-правовой. Политическим же значением таких проектов будут выступать артикуляция и актуализация женской гражданской позиции, акцент на необходимости соблюдения российского законодательства, позволяющего разрешать ситуации, связанные с дискриминацией в различных сферах. В конечном итоге гендерное просвещение способствует нейтрализации гендерных стереотипов — социально разделяемых представлений о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин, а также о гендерной специфике социальных ролей [9, с. 140]. И пока еще очень часто их форматом выступает «мужское-женское/общественное-частное/доминирование-подчинение».

Эта функция наиболее отчетливо прослеживается в следующих проектах Консорциума женских неправительственных объединений: «Женские ресурсные центры: информационные технологии, мониторинг, лидерство» (1997), «Продвижение и защита интересов женщин» (1997), «В поддержку деятельности по защите интересов российских женщин в сфере социальных реформ» (1999), «Продвижение и защита интересов женщин в России» (2000—2003), «Предотвращение и профилактика домашнего насилия: правовое просвещение» [10]. Цели последнего — текущего — проекта иллюстрируют сказанное нами выше и обозначают целевую аудиторию, обладающую властными ресурсами для решения проблемы проекта: «правовое просвещение населения о проблеме домашнего насилия, в том числе сотрудников МВД, прокуратуры и других государственных структур; адресная юридическая и психологическая помощь жертвам домашнего насилия; анализ размеров экономического ущерба

вследствие домашнего насилия» [10]. Кроме того, гендерное просвещение в Консорциуме осуществляется и посредством издания большого количества литературы по правам женщин. Из проектов Социал-демократического союза женщин России в контексте гендерного просвещения выделяется текущий проект «Памятник женщинам — защитницам Отечества», среди практических результатов которого на сайте этой организации указывается «появление в Москве памятного места в честь женщины — защитницы Отечества» [11]. Это будет способствовать устранению полярно окрашенных стереотипов «мужчина/война — женщина/мир».

С функцией гендерного просвещения неразрывно связано значение одной из самых базовых миссий женских организаций — *утверждения принципов гендерного равенства*. Работа женских организаций в условиях слабого внимания к гендерным проблемам со стороны власти может быть оценена как развитие и расширение прав женщин в государстве: «Без <...> давления со стороны тех, кто заинтересован в расширении прав российских женщин, проблему равноправия могут похоронить как социально малозначимую» [1, с. 67].

В таком контексте значение соответствующих проектов женских движений можно интерпретировать как определенный протест против исключения социального потенциала и опыта женщин при политическом решении наиболее острых проблем развития общества. Гендерная асимметрия российской политики свидетельствует прежде всего об отторжении женщин от возможности определять вектор политического и социально-экономического развития общества. Между тем реализация интересов женщин влияет на общее социальное благополучие и означает контроль над проблемами социальной сферы, с которыми сталкивается практически каждый россиянин и решение которых относится к приоритетным направлениям государственной политики. Следовательно, проекты женских организаций выполняют еще и ценностно-ориентационную функцию общественного процветания посредством реализации гендерного равенства. На наш взгляд, любой проект женских организаций имеет этот функционал, т. к. результатом любого проекта будет выступать социальное конструирование новой реальности, не ориентирующей мужчин и женщин «...“населить” довольно различные социальные миры в рамках общества» [3, с. 270].

В ряде случаев деятельность проектов способна иметь значение *трансляции и сохранения исторической памяти* [6]. Речь идет о патриотически ориентированных проектах (к примеру, приведенная выше инициатива Социал-демократического союза женщин России по установке в Москве памятника женщинам — защитницам Отечества). Воспоминания современных россиян о таком значимом историческом промежутке, как Великая Отечественная война, являются безусловным «местом исторической памяти», где заложены ценности гендерного равенства. Исполнение женщинами публичных ролей (на фронте) и практики сочетания женщинами частных и публичных ролей (в тылу) не столько демонстрируют возможность перехода женщинами границ гендерных норм, сколько подтверждают конструирование последних на основе разделения деятельности и полученного в ее результате социального опыта. Иными словами, в обществе, где присутствует поляризация «мужчина/война — жен-

Современное женское движение

щина/мир», гендерная иерархия усиливается [12, с. 143—145], и в таком контексте направленность практик военного времени — гендерное равенство, версии которого в состоянии сложиться и во времени мирном.

Что касается реализации функции трансляции и сохранения исторической памяти в проектах Консорциума женских неправительственных организаций, то можно заметить, что этот процесс осуществляется в ходе образовательных проектов, гендерных исследований, издания специальной литературы, в которых присутствует исторический компонент и ключевой становится идея информированности о влиянии женщин прошлого на ход социального и политического развития. К таким проектам относятся: проведение II Всероссийских женских чтений (2003), конференция «Столетие российского парламентаризма: права женщин» (2005), монографии и статьи С. Айвазовой, Е. Здравомысловой, А. Темкиной. И заметим, что гендерное образование и литература в состоянии сконструировать пласт исторической памяти, содержащий основы для формирования практик гендерного равенства, — воспоминания о востребованности социального капитала женщин.

Функция *консолидации женского движения* осуществляется, так же как и функция гендерного равенства, в ходе проведения всех проектов названных организаций. Этому способствует их всероссийский статус, обуславливающий вхождение в них длинного ряда региональных организаций, без участия которых проекты, как правило, не реализуются. Помимо того, целевое направление некоторых проектов Консорциума подразумевает «укрепление существующих коалиций женских НПО как одной из влиятельных структур гражданского общества» (проект «Деятельность НПО по защите прав женщин в сфере труда и занятости — путь укрепления гражданского общества», 2008). Солидарностью в проведении всеми региональными организациями, входящими в Социал-демократический союз женщин России, отличаются их социальные проекты «Место под солнцем для инвалидов» и «Сбор книг и учебников русского языка для киргизских школ» (текущие проекты).

В целом социальный капитал взаимного доверия, создаваемый деятельностью женских общественных организаций и конкретно их проектами в условиях социально-политической системы властечентричности в России, способствует *оформлению публичной политики*, понимаемой как «...поле взаимодействия государства и других субъектов политических отношений (партий, групп интересов, общественных движений и др.), характеризующееся той или иной степенью открытости и “прозрачности”» [7]. В данном случае текущий проект Консорциума «Гендерное просвещение работников региональных и муниципальных органов власти» иллюстрирует высказывание и демонстрирует функционал. И именно эту функцию — «оформление публичной политики» — можно считать ключевой в проектной деятельности женских организаций. В свою очередь участие женщин в публичной политике является *модернизационным процессом* в формате не только гендерных отношений и ролей, но и России в целом [2].

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М. : Эслан, 2001. 79 с.
2. Айвазова С. Г. Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем : сб. ст. / ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб. : Алетейя, 2004. С. 641—656.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
4. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М. : Эдиториал УРСС, 2003. С. 128—129.
5. Луков В. А. Социальное проектирование : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. гуманитар.-соц. академии : Флинта, 2003. URL: <http://www.rudocs.exdat.com/docs/index-50161.html?page=4> (дата обращения: 09.09.2013).
6. Овчарова О. Г. Преодоление институциональных ограничений гендерного неравенства: трансформация исторической памяти // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация социального порядка / редкол. : С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М. : РАПН : РОССПЭН, 2011. С. 244—260.
7. Перегудов С. П. Гражданское общество как субъект публичной политики. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext2006/2/11.htm> (дата обращения: 10.09.2013).
8. Райзберг Б., Лозовский Л., Стародубцева Е. Современный экономический словарь. URL: <http://www.vocable.ru/dictionary/88/word/proekt> (дата обращения: 10.09.2013).
9. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы в практиках господства и подчинения // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация социального порядка. М. : РАПН : РОССПЭН, 2011. С. 139—154.
10. Сайт Консорциума женских неправительственных объединений. Проекты. URL: http://www.wcons.org.ru/ru/page.php?page_id=150 (дата обращения: 09.09.2013).
11. Сайт Социал-демократического союза женщин России. Проекты. URL: <http://www.sdwomen.ru/projects-m/projects.html> (дата обращения: 09.09.2013).
12. Тикнер Дж. Э. Мировая политика с гендерных позиций : проблемы и подходы эпохи, наступившей после холодной войны / пер. с англ. под ред. Д. И. Польшанного. М. : Культурная революция, 2006. 336 с.

ББК 66.74(2Рос)

М. Ю. Милованова

**ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ЖЕНСКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ
РЕСУРСЫ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ**

Трудно переоценить новую роль женщины в современном мире и усомниться в том, что место и роль женщины оценены в наших реалиях недостаточно. Женские общественные объединения, все чаще принимающие формы социально ориентированных НКО и НПО, стали наиболее отзывчивыми, мо-

Современное женское движение

бильными структурами, способными конструктивно решать социально значимые вопросы, как на уровне теоретических моделей, так и в ходе их практической реализации. Реальность такова, что в современной России многие уже заявившие о себе в том или ином виде структуры и элементы гражданского общества существуют лишь формально. С одной стороны, слабость институтов гражданского общества обусловлена непоследовательностью и незавершенностью демократических преобразований в основных сферах общественной жизни, отсутствием должной ответственности государственной власти за нарушения прав и свобод человека, низким уровнем политической и правовой культуры населения. С другой стороны, сказываются неизбежные издержки сложного процесса освобождения сознания россиян от деформаций, порожденных многовековым опытом, базирующимся на примате государственного начала и всемогущей бюрократии, практики которых продолжают и сегодня. Скорее всего, принятый Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» приведет к усилению бюрократического диктата по отношению к НКО, свертыванию или сокращению объемов деятельности многих из них, уходу части общественной активности в теневые и полутеневые формы. Однако в условиях глобализации, когда общественно-политические системы переживают революционную ломку, качественно и структурно изменяются в ответ на новые вызовы, о которых в конце XX в. писал А. Тойнби, тема изучения роли гражданских инициатив приобретает особое значение. Для современного момента характерно быстрое раскрытие ряда новых социальных и политических позиций в пространстве общества, способных стать основой «множественного расширенного порядка» [26], которые, находясь в состоянии формирования, все еще являются неконсистентными, неустойчивыми, подвижными [14, с. 3]. Эксперты сравнивают политические события с коммунитас — состоянием общества, возникающим в переходный период, в результате ломки стабильной структуры. Оценка эффективности гражданских инициатив, развитие общественных институтов как проблема развития гражданского общества в России представляет интерес для исследователей с точки зрения как властных институтов, так и представителей и руководителей «третьего сектора» в контексте возможностей развития конструктивной социальной активности. В частности, в Концепции обеспечения стратегических интересов государства в области развития общественных институтов определяется формирование полноценного партнера — гражданского общества — через повышение его субъектности, в том числе резкое повышение ресурсного потенциала (возможностей) общественного сектора посредством массивных инвестиций разного типа [17]. НКО, граждански активные люди быстрее, чем бюрократические государственные структуры, реагируют на множественные, уже давно по характеру паллиативные, общественные проблемы. Живое и конструктивное творчество масс предлагает различные инициативы по решению социальных проблем, появились достаточно крупные информационные и организационные проекты, налицо их продвижение и поддержка [9, 10, 19].

В этой статье делается попытка методом ситуационного анализа с привлечением эмпирических данных дать ответ на вопрос, мобилизация каких социальных ресурсов позволяет достичь результативности, приводит к определенной эффективности, расширяет круг их сторонников. Предметная область изучения имеет специфику при оценке ресурсности гражданских инициатив развития женских общественных объединений. Богатый теоретический багаж по реальному состоянию социальных отношений между полами накоплен в исследованиях известных специалистов по истории и практике женского движения С. Г. Айвазовой [2], Г. Г. Силласте [21], Н. А. Шведовой [28]. Проблема раскрытия потенциала женской деловой активности актуальна в мировой социальной практике так же, как и в России. По данным доклада «Женщины держат полмира» аналитиков «Голден-Сакс», повышение среднедушевых доходов до 20 % возможно в течение десяти лет только при контроле одного фактора — расширения участия женщин на рынке труда. Уже сегодня около 20 % всех патентов — женские, около 35 % нового бизнеса в современных условиях — женский бизнес [32]. Эта проблема волнует в том числе политические силы развитых экономик мира. Например, в Германии бундесрат одобрил законодательную инициативу о введении женских квот в немецких компаниях. Инициативу внесли на рассмотрение правительства Гамбурга и Бранденбурга. Теперь эту тему предстоит рассмотреть бундестагу. Согласно предложенному проекту, женские квоты необходимо ввести в наблюдательных советах немецких предприятий, входящих в индекс DAX. Увеличивать процент женщин предполагается в два этапа: к 2018 г. их доля должна достичь 20 %, а к 2023 г. — 40 % [4].

Женское участие является залогом устойчивого развития не только экономики, но и политики, общественного развития в целом. Это, в частности, отражено в библиографических работах Н. Л. Пушкаревой [18] и И. И. Юкиной [29, 30]. Особенности российских гендерных отношений рассматриваются Т. Б. Рябовой [20], проблема преодоления институциональных ограничений гендерного равенства путем трансформации исторической памяти, изменения гендерного порядка через призму повышения гражданской активности в современной России представлена в работах С. Г. Айвазовой [1] и О. Г. Овчаровой [16]. Изучение гендерной асимметрии в российской политике предполагает обращение к особенностям отечественной системы гендерных норм, связанных со спецификой развития общества, что отражено в работе О. А. Хасбулатовой и Н. Б. Гафизовой [27]. Общим выводом для исследователей и экспертов, а также для автора данной статьи является то, что состояние гендера в России можно охарактеризовать как диспаритетное по множеству показателей [13].

В современной России гендерная политика остается на периферии деятельности государства. Подтверждается это тем, что практически прекратился живой и системный диалог власти с женскими общественными организациями, перестали существовать Комиссии по делам женщин при Президенте РФ, Правительстве РФ, перестала работать Комиссия в Совете Федерации, в Государственной думе работает лишь профильный комитет. Неоднократные попытки принятия закона о равных правах, свободах и возможностях женщин и мужчин оказываются безрезультатными с 2006 г. Более того, в России отсутствуют ре-

Современное женское движение

альные социальные силы, заинтересованные в серьезной борьбе за равное участие женщин и мужчин в принятии политических и государственных решений.

Гражданские инициативы не рождаются в вакууме, они развиваются и прогрессируют под влиянием политического и культурного контекста, специфики гендерных отношений в российском обществе. Для теоретического осмысления эффективного продвижения гражданских инициатив и достижения инициативной группой поставленных задач представляет интерес понятие «структурация», введенное Э. Гидденсом, которое позволяет описать взаимовлияние структур и социального действия. Главное значение структуризации составляет следующее [6, с. 18—21]:

— рассмотрение объективной и субъективной сторон социальной реальности с точки зрения «дуальности», что означает их взаимозависимость и взаимовлияние, т. е. структуры делают возможным социальное действие, а социальное действие создает эти же структуры;

— определение субъекта действия или социального агента. Понятие «агент» предусматривает людей, способных изменить своими действиями окружающую среду и воспроизвести ее. Деятельность агента непосредственно связана с системами и институтами. При этом можно выделить три уровня воздействия социального агента: мотивация, рационализация, рефлексивный мониторинг. Уровень мотивации действия — это доля духовного мира человека, принадлежащего к сознательным и бессознательным желаниям, которые побуждают агента к действиям. Уровень рационализации действия — способность индивидов взвешенно действовать и понимать собственные действия. Уровень рефлексивного мониторинга действия — это постоянное и непрерывное отслеживание индивидом своих собственных действий, действий других людей, а также физических и социальных условий действия.

Для субъектов гражданских инициатив характерно коммуникативное поведение, положенное в основу «жизненного мира» Ю. Хабермаса. По его мнению, коммуникативное поведение позволяет достичь взаимопонимания в обществе, наладить диалог для разрешения политических кризисов, когда этого не могут сделать официальные структуры. Современный ум анализирует мир, разделяя объективное, субъективное и социальное, что свидетельствует о более рациональном мировосприятии [25, с. 11].

Изучение в отечественной социологии гражданских инициатив, способов и методов привлечения ресурсов для их реализации представляется весьма актуальным на современном этапе. Значительный вклад в изучение гетерономных и автономных локальных систем внес О. Яницкий, который отмечал, что их отличие заключается в направленности процесса и сосредоточении полного контроля над программой в руках правительственного агентства или территориального сообщества. В рамках гетерономной (централизованной) системы процесс обеспечения людей необходимыми вопросами является нисходящим (правительство инициирует процесс, принимает решения на стадии проектирования и управления). В то же время проект, осуществляемый в автономной (локальной) системе, регулируется низовыми (восходящими) инициативами сообщества на всех стадиях разработки и имеет широкий спектр участников [31, с. 19].

Летом 2012 г. было проведено авторское исследование путем анкетного опроса руководителей и представителей общественных объединений. В задаче опроса входила не только оценка женским активом уровня развития гражданской активности в стране, перспектив и ограничений ее развития, но и определение роли и влияния женских общественных объединений на гражданские и политические процессы в России, их приоритетов в реализации социальных проектов, а также привлекаемых ресурсов. В опросе приняли участие 150 человек, в том числе и участники Всероссийского форума «Женщины и политическое будущее России», на котором были представлены активные участники женских общественных объединений из 33 регионов России. Кроме этого, в опросе приняли участие женщины — руководители и представители социально ориентированных общественных объединений. Выборка случайная, 85 % из числа опрошенных имеют высшее образование, средний возраст 45 лет.

По мнению опрошенных, приоритетность проблем, на которые должна быть направлена гражданская активность, деятельность женских общественных объединений, выглядит таким образом:

- 1) доступность образования и профессионального обучения;
- 2) решение проблемы с детскими садами;
- 3) жилищные инициативы (ТСЖ, контроль за тарифами ЖКХ, борьба с точечной и уплотнительной застройкой и др.);
- 4) содействие продвижению женщин в политику и государственное муниципальное управление;
- 5) борьба за достойную и безопасную окружающую среду и экологию региона, микрорайона, двора и др.;
- 6) отстаивание трудовых прав коллективными действиями, в том числе с привлечением профсоюзов;
- 7) самоорганизация для реализации здорового образа жизни;
- 8) взаимодействие с органами государственной и местной власти, подготовка обращений и петиций в их адрес;
- 9) благотворительные акции.

Несмотря на сложившийся стереотип общественного сознания — «Чем больше власти, тем меньше женщин» [11], активистки отдают приоритет социальному блоку решения проблем, ставя лишь на 4-е место содействие продвижению женщин в политику и институты управления.

Женщинам — общественным лидерам для реализации социальных проектов и инициатив приходится привлекать различные ресурсы (табл.).

Ресурсы поддержки гражданских инициатив общественных объединений

Ресурс, привлечение которого помогает лидерам общественных объединений достигать поставленных целей	% (отмечали не более 3 предложенных вариантов)
Люди, объединенные одной идеей	87,27
СМИ	52,73
Волонтеры и НКО-сообщества	27,27

Современное женское движение

Муниципальная власть	27,27
Государственные органы власти	23,64
Бизнес-организации	10,91
Зарубежные фонды	5,45
Другое	2,20

Данные показывают, что наши коллеги в первую очередь надеются на себя, ближний круг людей, объединенных общей идеей. Второй ресурс — СМИ, хотя практически все гражданские инициативы являются нераспространенными: информация о них очень редко попадает в СМИ, а если попадает, то кратковременно, например как востребованный информационный повод. Представители власти их игнорируют, политического интереса они не представляют, а для их реализации необходимо решить ряд определенных задач. Равные показатели по ресурсности у муниципальной власти и волонтеров (НКО), что закономерно и позитивно (чего не скажешь об опережении ими ресурса «государственные органы власти»). Шестая позиция — бизнес-организации, т. е. лишь 11 % обращаются к бизнесу как к помощнику. Это показательно для понимания состояния деловой активности в стране. И только за всем этим следуют зарубежные фонды. Мы видим, что налицо перекосы межсекторного взаимодействия, ведь четыре из представленных ресурсов относятся к общественности, один — к бизнесу и один — к власти.

Попытка выделения общего состояния и условий для развития гражданских инициатив не отменяет правила учитывать особенное. Это возможно с применением качественных методов, в том числе *case-study*. В качестве конкретной гражданской инициативы для анализа выбрана инициатива Общероссийского общественного движения «Социал-демократический союз женщин России» по установке в Москве к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне памятника женщинам — защитницам Отечества [24]. Автор данной статьи входит в инициативную группу как идеолог и организатор ее продвижения [12]. Рассматриваемая гражданская инициатива актуальна и востребована с точки зрения важности формирования исторического сознания как одного из определяющих конструктов формирования этнического и гражданского самосознания. Особое значение приобретает процесс формирования исторического сознания в переломное для общества время, и для взрослых граждан, и особенно для молодежи. В процессе усвоения исторических знаний молодое поколение получает представление о культурно-исторических традициях своего народа и осознает себя частью единого целого. Как справедливо отмечает О. Г. Овчарова, к пластам памяти, в которых заложены ценности гендерного равенства, относятся и воспоминания о таком значимом историческом промежутке, как Великая Отечественная война. Исполнение женщинами публичных ролей (на фронте) и практики сочетания женщинами частных и публичных ролей (в тылу) не столько демонстрируют возможность перехода ими границ гендерных норм, сколько подтверждают конструирование последних на основе разделения деятельности и полученного в результате ее социального опыта [16, с. 244] (см.: также: [15]). Заметим, что объективную оценку участия и вклада женщин в общую победу над фашизмом стали давать не так давно. Одним из

самых значимых исследований является работа Ю. Ивановой «Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах», основанная на общесоюзном материале, содержащем много фактических сведений, новые, рассекреченные приказы народного комиссара обороны СССР, изданные в течение Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. [8]. Яркой социолого-публицистической работой является книга С. Алексиевич «У войны не женское лицо» [3], а примером популяризации в социальных сетях стала недавняя публикация известной журналистки Н. Радуловой [5].

Впрочем, не только идеологическое обоснование, мотивация и понимание причин, но и типология гражданских инициатив как результат исследования социальных практик представляет для нас интерес. Исходя из типологии, введенной В. Л. Глазычевым и М. М. Егоровым, подразделяющими гражданские инициативы на реактивные, творческие и интеграционные [7, с. 59—60], можно предположить, что рассматриваемая инициатива как пример для анализа относится к интеграционному типу. Интеграционные инициативы представляют собой крупные экспериментальные комплексные программы преобразования, по типу деятельности они многосторонни. Субъектом такой деятельности выступает смешанная инициативная группа, основная цель которой — создание нового образца субъектного и институционального взаимодействия. При этом основным объектом воздействия выступают структуры социальных взаимоотношений как таковые. Преобладает экспериментальный характер деятельности и смешанный характер участия. После поддержки данной инициативы на Всероссийском форуме «Женщины и политическое будущее России» был сформирован организационный комитет, в который вошли представители органов власти, общественных объединений [23]. На уровне рационализации воздействия социального агента проведена большая работа: подготовлены обращения в органы власти и к конкретным лицам, от решения которых зависит результативность (Оргкомитет подготовки и проведения празднования 70-летия Победы и др.), в более чем 100 общественных объединениях, организована подписная кампания (более 1000 подписей), работа в социальных сетях, объявлен конкурс на лучшую концепцию памятника женщинам — защитницам Отечества среди школьников, студентов, а также профессиональных архитекторов и скульпторов. На заседании Оргкомитета, проходившем 27 февраля 2013 г. в Государственной думе, слова поддержки были высказаны со стороны не только женских общественных объединений — «Деловых женщин», Совета по консолидации женского движения в России (Н. В. Дмитриева), Союза православных женщин (Н. Б. Жукова), но и организации военных пенсионеров (Л. С. Аристов), малого и среднего бизнеса (О. В. Косец), интернет-площадки для гражданских инициатив «Йополис» (Ф. С. Богдановский), региональных обществ краеведов (В. И. Степанченко), Клуба военачальников (Л. П. Шевцов), а также людей, реализовавших подобные инициативы, например Л. Н. Васильевой, президента музея «История танка Т-34» [22]. На данный момент уровень рефлексивного мониторинга требует разработки новых тактических и стратегических задач, привлечения новых ресурсов, в том числе и среди научного сообщества, занимающегося проблемами гендера.

Современное женское движение

Таким образом, уровень развития женских общественных объединений отражает степень развитости самого гражданского общества, а также роль и положение женщин в современном российском обществе в целом. Развитие активности граждан, их идейная сплоченность, возможности реализации их инициатив находятся в ситуации, когда гражданское общество рассматривается не столько условием социально-политических и экономических преобразований, сколько источником, главным социальным ресурсом. Нельзя не согласиться с мнением С. Г. Айвазовой, что гражданская активность в условиях сетевой среды благоприятствует трансформации правил гендерного взаимодействия — от иерархии к равенству [2, с. 243].

Учитывая богатейший опыт развития женского движения в России, конструктивную социальную активность многочисленных женских общественных объединений общероссийского уровня и имеющих статус международных, таких как Конфедерация деловых и профессиональных женщин России, Ассоциация женщин России, Консорциум женских неправительственных объединений, следует отметить особую роль гражданских инициатив как активных субъектов гражданского участия и социальных изменений.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Гендерное гражданство, активность и изменение гендерного порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / редкол. : С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М. : РАПН : РОССПЭН, 2011. С. 230—244.
2. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия : (очерки политической теории и истории). М. : РИК Русанова, 1998. 408 с.
3. Алексиевич С. У войны не женское лицо. URL: http://www.alexievich.info/knigi/U_voiny.pdf (дата обращения: 15.05.2013).
4. Бундесрат проголосовал за женские квоты. URL: <http://lenta.ru/news/2012/09/21/bundesrat/> (дата обращения: 05.02.2013).
5. Воспоминания женщин-ветеранов из книги Светланы Алексиевич. URL: <http://radulova.livejournal.com/?skip=50> (дата обращения: 15.06.2013).
6. Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуриации. М. : Академ. проект, 2005. 528 с.
7. Городская среда. Технология развития : настольная книга / В. Л. Глазычев, М. М. Егоров, Т. В. Ильина и др. М. : Ладыя, 1995. 240 с.
8. Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М. : РОССПЭН, 2002. 272 с.
9. Йополис. URL: http://yopolis.ru/picnic?utm_source=s77&utm (дата обращения: 29.07.2013).
10. Комитет гражданских инициатив. URL: <http://komitetgi.ru/> (дата обращения: 29.07.2013).
11. Конференция «Женщины России: национальный интерес», Москва, 29 марта 2012 г. // Информационный вестн. № 2/137. URL: <http://www.wuor.ru/conf.html> (дата обращения: 10.06.2013).
12. Милованова М. Ю. Женское лицо войны // Арсенал Отечества : информационно-аналитический журн. 2013. № 1. URL: <http://sdwomen.ru/projects-m/pamiatneyk/155-zhenskoe-litco-voiny.html> (дата обращения: 15.06.2013).

13. *Милованова М. Ю.* Ценности социал-демократии близки женщинам России : выступление на Международном круглом столе «Перспективы развития социал-демократии в России и укрепление связей с институтами гражданского общества», состоявшемся 9 июня 2012 г. в Государственной думе. URL: <http://www.spravedlivo-online.ru/content/news/SER1.php?news=27224> (дата обращения: 29.07.2013).
14. *Никовская Л. И.* Гражданские инициативы и модернизация России. М. : Ключ С, 2011. 336 с.
15. *Овчарова О. Г.* Историческая память и гендерный диспаратет отечественной политики. URL: <http://sdwomen.ru/history/97-gendernyi-disparitet.html> (дата обращения: 10.06.2013).
16. *Овчарова О. Г.* Преодоление институциональных ограничений гендерного равенства: трансформация исторической памяти // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М. : РАПН : РОССПЭН, 2011. С. 244—260.
17. Поддержка и стимулирование конструктивной социальной активности — тонкое управление человеческим капиталом : презентация экспертной группы № 16 «Развитие общественных институтов». URL: <http://strategy2020.rian.ru/load/366213774> (дата обращения: 10.06.2013).
18. *Пушкарева Н. Л.* Русская женщина: история и современность : два века изучения женской темы русской и зарубежной наукой, 1800—2000 : материалы к библиографии. М. : Ладомир, 2002. 524 с.
19. Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 29.07.2013).
20. *Рябова Т. Б.* Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Н. Новгород, 2009. 43 с.
21. *Силласте Г. Г.* Изменение социальной мобильности и экономического поведения женщин // Социол. исслед. 2005. № 5. С. 25—34.
22. Социал-демократический союз женщин России. Всероссийский форум «Женщины и политическое будущее России». URL: <http://sdwomen.ru/events/56-forum-jenschiny-i-politicheskoe-budushee-rossii.html> (дата обращения: 10.06.2013).
23. Социал-демократический союз женщин России. Выступления на оргкомитете по установке в Москве памятника «Женщинам — защитницам Отечества». URL: <http://sdwomen.ru/projects-m/pamiatneyk/248-vystuplenie-pamyatnik.html> (дата обращения: 15.06.2013).
24. Социал-демократический союз женщин России. Памятник «Женщинам — защитницам Отечества». URL: <http://sdwomen.ru/projects-m/pamiatneyk.html> (дата обращения: 29.07.2013).
25. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Сляднева ; послесл. Б. В. Маркова. СПб. : Наука, 2000. 380 с.
26. *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность : ошибки социализма. URL: <http://domknig.net/index.php?name=Book> (дата обращения: 05.02.2013).
27. *Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 255 с.
28. *Шведова Н. А.* Просто о сложном: гендерное просвещение. М. : АНТИКВА, 2002. URL: <http://www.owl.ru/win/books/easygender/> (дата обращения: 29.07.2013).
29. *Юкина И. И.* История женщин России : женское движение и феминизм в 1850—1920-е годы : материалы к библиографии. СПб. : Алетейя, 2003. 234 с. (Гендерная коллекция).

Современное женское движение

30. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 539 с.
31. Яницкий О. Н. Гражданские инициативы и самодеятельность масс. М. : Знание, 1998. 62 с. (Новое в жизни, науке, технике. Научный коммунизм ; № 6).
32. Women Hold Up Half the Sky : Global Economics Paper № 164. URL: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/topics/health-and-education/women-hold-up-sky-pdf.pdf> (дата обращения: 10.06.2013).

АННОТАЦИИ

***Айвазова С. Г.* Стратегия «эмпauerмент» в контексте массовой политики (Гендерный аспект)**

Поднимается вопрос о влиянии гендерных различий на особенности массовой политики и о возможном использовании для ее демократизации теоретических разработок, которые велись в рамках развития стратегии эмпauerмента, формировавшейся на волне массовых студенческих выступлений конца 60-х гг. и подхваченной новыми социальными движениями 70-х гг. прошлого века. Основная идея этой стратегии связывалась с необходимостью повышения массового сознания женщин, обретения ими статуса социального субъекта за счет просвещения и коллективной рефлексии в особых группах «роста самосознания». Поскольку опыт работы некоторых российских женских организаций по гендерному просвещению российских женщин в последние десятилетия в чем-то напоминает первоначальные опыты коллективной рефлексии в такого рода группах, автор посчитала необходимым заново обратиться к этому историческому наследию, актуализированному массовыми протестными выступлениями последних лет.

Ключевые слова: гендер, гендерные различия, массовая политика, эмпauerмент, власть, женское движение.

***Воронина О. А.* Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия**

Рассматриваются изменения в российской государственной политике, касающейся гендерного равенства. Показывается, что в начале 1990-х гг. в основном использовалась советская модель формально-юридического равенства, в конце XX и самом начале XXI в. были предприняты попытки следовать международно-правовым принципам гендерного равенства и, наконец, в данный период наблюдается сворачивание проблематики гендерного равенства и откат к патриархатно-консервативным представлениям о социальных ролях женщин и мужчин.

Ключевые слова: гендер, равенство, дискриминация, политика, государство, развитие.

***Попова О. В.* Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов**

На основании экспертных оценок российских ученых-элитологов анализируются их представления о роли гендерной принадлежности и гендерных стереотипов, которые влияют на политические карьеры в современной России. В числе других исследуются требования, предъявляемые женщинам-политикам на субфедеральном уровне, возможные карьерные стратегии и перспективы профессионального роста в области публичной политики. Проанализирована взаимосвязь гендерной принадлежности политика и таких факторов карьерного роста, как возраст, отношение вышестоящего руководителя, значимость партийной поддержки и оценка статусной позиции как «трамплина» для дальнейшего карьерного роста.

Ключевые слова: политическая карьера, гендерный фактор, политическая элита, региональная и локальная политика, Россия.

Аннотации

Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации

Анализируется роль репрезентаций гендерного порядка сегодняшней Европы в практиках политической мобилизации в современной России. Исследуется использование концепта «Гейропа» гегемонным дискурсом в укреплении российской коллективной идентичности, в формулировке национальной идеи и в легитимации власти.

Ключевые слова: политическая мобилизация, образ Европы, национальная идентичность, гендерная девиантность, образ Другого.

Прокопенко Л. Я. Представительство женщин в органах власти (Опыт стран южноафриканского региона)

Показаны значительные успехи государств Юга Африки в становлении гендерного равенства в политике, что свидетельствует о возрастании роли женщин в политическом процессе. Современная концепция равенства женщин и мужчин в политике в большинстве стран региона на практике реализуется через использование системы квот женского представительства на выборных должностях. Высокие показатели представительства женщин в органах власти пока мало влияют на улучшение социально-экономического положения женщин в этих странах в целом. В этом плане наблюдается расхождение между политико-правовыми установками, декларациями, с одной стороны, и реалиями жизни — с другой, что является общей тенденцией развития не только стран Африканского континента, но и переходных обществ в целом.

Ключевые слова: Россия, ЮАР, страны Юга Африки, гендерное равенство, «гендерная симметрия», система квот, национальные механизмы, представительство женщин.

Шведова Н. А. Институт Первой леди как компонент американской политической культуры

Анализируется институт Первой леди в США, который стал значимым фактором в политике и получил в настоящее время распространение во всем цивилизованном мире. Исследуются такие термины и понятия, как «институт Первой леди» и «Первая леди». Центральное место в статье занимает анализ главной функции института Первой леди и роли Первой леди в политической жизни США.

Ключевые слова: Первая леди, институт Первой леди, хозяйки Белого дома, позитивный рейтинг.

Красильникова О. В. Нужны ли уполномоченные по правам женщин в России?

Выявляются причины отсутствия института уполномоченного по правам женщин в России. На примере североевропейских стран и ФРГ рассматриваются условия, способствующие этаблированию гендерного равенства в Европе. С точки зрения гендерного подхода анализируется политико-культурное состояние общества и предлагаются способы решения проблемы.

Ключевые слова: уполномоченный по правам женщин, омбудсмен, гендерное равенство, политическая культура, женское движение, гендерные стереотипы.

Иванова Е. Н. Женщина в российской политической карикатуре

Анализируются роли, которые отводятся женщинам в политической карикатуре, типы преувеличений, стереотипизация образов. Исследуются такие категории, как «обыкновенная женщина», «женщина-символ», «феминизированный персонаж», «по-

Аннотации

литический шарж». Центральное место в статье занимает анализ репрезентации участия женщин в политическом процессе за последние пять лет.

Ключевые слова: политическая карикатура, визуальные исследования, гендерный дискурс, политический дискурс, женщины-политики.

Завершинская Н. А. Гендерные метафоры в медийном пространстве современной российской политики

Рассматривается ряд гендерных метафор, транслируемых массмедиа, которые позволяют объяснить и понять современную российскую политику. Метафорическое выражение российской политики характеризуется регрессией, архаизацией, в чем проявляется ее незрелость.

Ключевые слова: гендерная метафора, массмедиа, ценности, политика, господство, мужественность, женственность, феминизм.

Гнедаш А. А. Женские гражданские инициативы в современной России

Раскрывается понятие «женские гражданские инициативы»; на конкретных примерах классифицируются женские гражданские инициативы в социальной сфере, политике и бизнесе. Автор анализирует низовые женские инициативы и государственные платформы для реализации общественных инициатив. Делается попытка оценки роли и значения женских гражданских инициатив на федеральном и региональном уровнях для современного российского общества.

Ключевые слова: женские гражданские инициативы, гендерные стереотипы, гендерное неравенство, публичная политика, протестные акции, женская субъектность, женщины в политике, женщины в бизнесе.

Овчарова О. Г. Проектная деятельность женских общественных организаций: социально-политический функционал

Анализируется значение социальных проектов женских общественных организаций в России. Выделяется ряд функций, возникающих в ходе реализации проектов: гендерного просвещения, гендерного равенства, воспроизводства исторической памяти и др.

Ключевые слова: женские общественные организации, социальные проекты, функции, гендерное равенство, гендерное просвещение, модернизация.

Милованова М. Ю. Гражданские инициативы женских общественных объединений: основные ресурсы для достижения результативности

Исследуются ресурсы социальной активности женских общественных объединений, определяются основные проблемные направления гендерного диспаритета в экономике, политике, сфере права. Автор методом *case-study* на примере деятельности Общероссийского общественного движения «Социал-демократический союз женщин России» рассматривает гражданскую инициативу по установке в Москве памятника «Женщинам — защитницам Отечества» к 70-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: гражданские инициативы, конструктивная социальная активность, гендерное равенство, социальные ресурсы, гражданское общество.

SUMMARIES

***Ajvazova S. G.* «Empowerment» strategy in the context of mass politics (Gender aspect)**

The article discusses influence that gender differences render on mass politics and possible use of theoretical findings to democratize mass politics. The strategy of «empowerment» and its growth was widely studied. It appeared on the tide of massive student protests at the end of 60th and was supported by new social movements in the 1970-ies. The basic idea of this strategy was the need to raise mass consciousness of women, so that they could acquire status of social entity thanks to education and collective «self-consciousness» within specific groups. In the past decades the experience in Russian women gender education which some women's organizations acquired resembled the initial experiments of collective reflection in such groups. So the author thinks it necessary to refer back to this historical heritage that once again was actualized in recent mass protests.

Key words: gender, gender differences, mass politics, empowerment, women's movement.

***Voronina O. A.* Gender politics in modern Russia: issues and contradictions**

The article considers the changes in the Russian state policy on gender equality. The author proves that the Soviet model of formal legal equality was mostly used in the beginning of the 1990ies. From 1995 (Beijing Conference) till 2003 Russian state policy used international principles and practices of gender equality. During the last decade we can trace gradual refusal from the politics of gender equality and rollback to traditional and conservative ideas on the social roles of women and men.

Key words: gender, equality, discrimination, politics, state, development.

***Popova O. V.* Gender aspects of the political career of the Russian subfederal elite: expert opinions**

The article comments on data from sociological study «Recruiting of the political leaders to the municipal and regional level in modern Russia: problems of optimization and improvement of the socio-political effectiveness» (2012). The conclusions are based on 22 non-standardized expert interviews and questionnaires assessing importance of various factors for career advancement and compared with ideas of Russian scholars about role of gender and gender stereotypes that affect political careers in contemporary Russia. The requirements for women politicians at the subfederal level have been considered with regard to possible career strategies and career prospects in public policy. The article shows the relationship between gender and such career factors as age, support of peer leaders, importance of party support and assessment of status position as a «springboard» for further career growth. The experts were leading Russian political scientists and sociologists dealing with local elites and the regional political process. Among them there were no scholars focused on gender-based methodologies, or any variant of feminist ideology.

Key words: political career, gender, political elite, regional and local politics, Russia.

Summaries

***Riabova T. B., Riabov O. V.* «Gayropa»: gender dimension of image of Europe in the practices of political mobilization**

The article dwells upon the role of representations of Europe's gender order in practices of political mobilization in today's Russia. The authors examine how hegemonic discourse exploits the concept «Gayropa» in strengthening Russian collective identity, shaping the national idea, and legitimating power.

Key words: political mobilization, image of Europe, national identity, gender deviance, image of Other.

***Prokopenko L. Ya.* Representation of women in structures of state power (The case of Southern African region)**

In the 2000ies the countries of Southern Africa made significant progress in establishing so-called «gender symmetry» due to the growing role of women in the political process. The modern concept of women and men equality in South African politics is actualized in practice through quota system to ensure female representation at elective offices. In the states of the Southern Africa women occupy an increasingly prominent place in the political elites. However, this tendency still has little effect on improvement of women's socio-economic status and, consequently, on the development of society as a whole. There is a discrepancy between attitudes in politics and in law issues, between declarations and the realities of life which is a common trend in the development of the African continent as well as of many other societies in transition.

Key words: Russia, South Africa, Southern Africa countries, gender equality, «gender symmetry», system of quotas, national mechanisms, female representation.

***Shvedova N. A.* The First Lady Institute as a factor of political culture in USA**

The article analyzes the Institute of the First Lady in the United States, which has become a significant factor in politics and was being spread throughout all the 'civilized' world. We investigate such terms and concepts as the «Institute of the First Lady», and «The First Lady». The center piece of the article is the analysis of the main functions of the Institution of the First Lady and the role of The First Lady in the political life of the United States.

Key words: the First Lady, the Institution of the First Lady, White House hostesses, a positive rating.

***Krasil'nikova O. V.* Does Russia need gender equality officers?**

The paper identifies the reasons for the lack of the gender equality officer in the Russian Federation against the background of the Nordic countries and Germany experience and conditions for the establishment of the gender equality in Europe. Using gender approach the political and cultural situation of the Russian society is analyzed and the ways to solve the problem are suggested.

Key words: gender equality officer, ombudsman, gender equality, political culture, women's movement, gender stereotypes.

***Ivanova E. N.* Women in the Russian political cartoons**

This article analyzes the role assigned to women in political cartoons, types of exaggeration, labeling of images. We investigate such categories as «ordinary woman», «female symbol», «feminized character», and personified political cartoon. The center piece of the article is the analysis of the representation of women in the political process through the last five years.

Summaries

Key words: political cartoon, visual studies, gender discourse, political discourse, women politicians.

Zavershinskaya N. A. Gender metaphors in the media space of the contemporary Russian politics

The article analyzes a number of gender metaphors transmitted in Russian mass media which allow to understand contemporary Russian politics. The author points out archaic nature of the metaphors, which testifies immaturity of contemporary Russian politics.

Key words: gender metaphor, mass media, values, politics, domination, masculinity, femininity, feminism.

Gnedash A. A. Women's civic initiatives in modern Russia

In the article the concept of women's civic initiatives is revealed with specific examples classifying women's civic initiatives in the social sphere, in politics and in business. The author analyzes the grassroots women's initiatives and public platform for community-based initiatives. It attempts to assess the role and importance of women's civic initiatives at the federal and regional levels for the modern Russian society.

Key words: women's civic initiatives, gender stereotypes, gender inequality, public policy, protests, women's subjectivity, women in politics, women in business.

Ovcharova O. G. Project activities of women's organizations: social and political functions

The article analyzes the importance of the social projects of women's organizations in Russia and identifies a number of functions that arise during the implementation of projects as gender education, gender equality, reproduction of historical memory.

Key words: women's non-governmental organizations, social projects, functions, gender equality, gender education, modernization.

Milovanova M. Yu. Civil initiatives of women's associations: key resources for performance achievement

The article considers resources of women's associations social activities, definition of the main problem areas of gender disparities in economy, politics and law. Author's case-study is based upon the experience of All-Russian Public Movement «Social Democratic Union of Women of Russia» and considers the citizen's initiative to install monument in Moscow «Women — the defender of the Motherland» for the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War.

Key words: civil initiatives, constructive social activity, gender equality, social resources, civil society.

АВТОРЫ НОМЕРА

- АЙВАЗОВА**
Светлана Григорьевна доктор политических наук, главный научный сотрудник,
Институт социологии РАН (Москва).
svetlana-ajvazova@yandex.ru
- ВОРОНИНА**
Ольга Александровна профессор, доктор философских наук,
Институт философии РАН (Москва).
olga-voronina777@yandex.ru
- ГНЕДАШ**
Анна Александровна кандидат политических наук, доцент кафедры
государственной политики и государственного управления,
Кубанский государственный университет (Краснодар).
anna_gnedash@inbox.ru
- ЗАВЕРШИНСКАЯ**
Наталья Александровна кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук,
Санкт-Петербургская государственная
химико-фармацевтическая академия.
zna07@yandex.ru
- ИВАНОВА**
Елена Николаевна кандидат социологических наук, доцент кафедры проектов
в сфере культуры, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва).
Enivanova.do@gmail.com
- КРАСИЛЬНИКОВА**
Оксана Вячеславовна кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
Филиал Казанского (Приволжского)
федерального университета (Набережные Челны).
zadumina@yandex.ru
- МИЛОВАНОВА**
Марина Юрьевна кандидат исторических наук,
доцент кафедры политической социологии,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва).
m_milovanova@mail.ru
- ОВЧАРОВА**
Ольга Геннадиевна доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных
дисциплин, Российская государственная специализированная
академия искусств; профессор кафедры политической социологии,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва).
ovcharovao@ya.ru
- ПОПОВА**
Ольга Валентиновна доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой политических институтов
и прикладных политических исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет.
olga@OP3201.spb.edu
- ПРОКОПЕНКО**
Любовь Ярославовна кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт Африки РАН (Москва).
skole60@mail.ru
- РЯБОВ**
Олег Вячеславович доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
riabov1@inbox.ru
- РЯБОВА**
Татьяна Борисовна доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и управления персоналом,
Ивановский государственный университет.
riabova2001@inbox.ru
- ШВЕДОВА**
Надежда Александровна доктор политических наук,
руководитель Центра социально-политических
исследований, Институт США и Канады РАН (Москва).
nshvedova@mailfrom.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Айвазова С. Г. Стратегия «эмпваэрмент» в контексте массовой политики (Гендерный аспект)	3
Воронина О. А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия	12

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Попова О. В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов	21
Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации	31
Прокопенко Л. Я. Представительство женщин в органах власти (Опыт стран южноафриканского региона)	40
Шведова Н. А. Институт Первой леди как компонент американской политической культуры	51
Красильникова О. В. Нужны ли уполномоченные по правам женщин в России? ...	58

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Иванова Е. Н. Женщина в российской политической карикатуре	66
Завершинская Н. А. Гендерные метафоры в медийном пространстве современной российской политики	78

СОВРЕМЕННОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Гнедаш А. А. Женские гражданские инициативы в современной России	85
Овчарова О. Г. Проектная деятельность женских общественных организаций: социально-политический функционал	93
Милованова М. Ю. Гражданские инициативы женских общественных объединений: основные ресурсы для достижения результативности	98
<i>Аннотации</i>	107
<i>Авторы номера</i>	113

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF GENDER RESEARCH

Ajvazova S. G. «Empowerment» strategy in the context of mass politics (Gender aspect)	3
Voronina O. A. Gender politics in modern Russia: issues and contradictions	12

GENDER ASPECTS OF POLITICAL PROCESSES

Popova O. V. Gender aspects of the political career of the Russian subfederal elite: expert opinions	21
Riabova T. B., Riabov O. V. «Gayropa»: gender dimension of image of Europe in the practices of political mobilization	31
Prokopenko L. Ya. Representation of women in structures of state power (The case of Southern Africa region)	40
Shvedova N. A. The First Lady Institute as a factor of political culture in USA	51
Krasil'nikova O.V. Does Russia need gender equality officers?	58

GENDER ASPECTS OF POLITICAL CULTURE

Ivanova E. N. Women in the Russian political cartoons	66
Zavershinskaya N. A. Gender metaphors in the media space of the contemporary Russian politics	78

CONTEMPORARY WOMEN'S MOVEMENTS

Gnedash A. A. Women's civic initiatives in modern Russia	85
Ovcharova O. G. Project activities of women's organizations: social and political functions	93
Milovanova M. Yu. Civil initiatives of women's associations: key resources for performance achievement	98
<i>Summaries</i>	110
<i>Authors of the issue</i>	113

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Материалы принимаются в электронном виде ответственным секретарем журнала.

Объем научных статей — 0,5 авт. л., т. е. 20 000 знаков с учетом пробелов (в исключительных случаях до 1 п. л.) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материал для журнала должен быть оформлен в такой последовательности: **ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленного материала следует указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, адрес электронной почты (для публикации в журнале), а также полный почтовый адрес автора, его телефон (для рассылки журнала и взаимодействия с редакторами).

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материал, представляемый к публикации в журнале, будет проходить научную экспертизу и публиковаться, если редакционный совет получит положительную рецензию.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку и корректирование текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (68) — 2013

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Редактор *О. В. Боронина*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 20.09.2013 г. Формат 70x108 ¹/₁₆
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 200 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru